

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

в историографии сегодняшнего дня

**Сборник
материалов
конференции**

Санкт-Петербург, 2024

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Сборник материалов конференции

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2024

УДК: 94(470) (08)

ББК: Т 3(2)712я43 + Т3 (2)711я43

К52

К52 Ключевые проблемы Русской революции в историографии
сегодняшнего дня: сборник материалов конференции / Отв. редактор
д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук
Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 311 с.

ISBN 978-5-7629-3437-4

Рецензент: д-р ист. наук, проф. А. Б. Николаев, зав. кафедрой русской
истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена

ISBN 978-5-7629-3437-4

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Русская революция в историографических дискуссиях сегодняшнего дня (И. В. Узлова).....	5
---	----------

I. Новейшая историография

Русской революции и Гражданской войны в вопросах и ответах

Десять проблемных вопросов (В. В. Калашиников)	11
--	----

Ответы на вопросы

Гагкуев Р. Г. (ИРИ РАН, Москва)	13
Голдин В. И. (САФУ им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск)	23
Измозик В. С. (СПбГУТ, Санкт-Петербург)	29
Икэда Есиро (Токийский университет, Япония)	37
Ипполитов Г. М. (ПГУТИ, г. Самара)	42
Калашиников В. В. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)	47
Канищев В. В. (ТГУ им. Г.Р. Державина, г. Тамбов)	51
Колоницкий Б. И. (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)	55
Коцюбинский Д. А. (Европейский университет, Санкт-Петербург)	60
Краус Т. (Будапештский университет, Венгрия)	65
Лукоянов И. В. (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)	69
Меньковский В. И. (БГУ, Минск)	73
Пученков А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)	78
Силин А. В. (Арктический НИЦ МО РФ, г. Северодвинск)	83
Смирнов Н. Н. (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)	90
Стогов Д. И. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)	100
Тарасов К. А. (Европейский университет, Санкт-Петербург)	106
Федоров П. В. (РГАУ-МСХА, Москва)	113
Фортунатов В. В. (ПГУПС, Санкт-Петербург)	118
Холяев С. В. (ЯГТУ, г. Ярославль)	124
Цветков В. Ж. (МПГУ, Москва)	133
Чураков Д. О. (МГПУ, Москва)	138
Шелохаев В. В. (ИРИ РАН, Москва)	148
Шишкин В. И. (ИИ СО РАН, Новосибирск)	154

II. Статьи

<i>Калашиников В. В.</i> «История России». Том XI: Великая Российская революция как иррациональный бунт «охлоса»	162
<i>Калашиников В. В.</i> Первая мировая война как результат «восстания масс» (Критика концепции В. П. Булдакова).....	181
<i>Фортунатов В. В.</i> Революция 1917 года: великая российская или «красная смута»? (О второй книге 11-го тома «Истории России»).....	191
<i>Силин А. В.</i> Антиистория Российской революции 1917 года или Заметки на полях 11 тома 20-томной «Истории России»	201
<i>Федоров П. В.</i> Еще раз о «локальном патриотизме» и региональном подходе в изучении истории России.....	206
<i>Измозик В. С.</i> От «Октябрьского переворота» к «Великой Октябрьской социалистической революции». Историографический обзор терминов	214
<i>Ипполитов Г. М.</i> Исторический феномен политических органов Красной армии в зеркале советской историографии российской Гражданской войны в период хрущевской оттепели	221
<i>Ганин А. В.</i> Россия конца XIX – начала XX вв. на страницах дневника генерала М. А. Уварова.....	229
<i>Елисеев А. Б.</i> Октябрьская революция 1917 года и самоопределение Беларуси.....	248
<i>Семенов В. В.</i> Лавр Корнилов: Генерал на белом коне во главе Белого дела	264
<i>Стогов Д. И.</i> Уренское восстание 1918 г. в советской и современной историографии	274

III. Наши рецензии

<i>Стогов Д. И.</i> Рецензия на книгу: Иванов А. А. «Правые партии Российской империи». СПб., 2024	285
---	-----

IV. Персоналии

<i>Абросимова Т. А.</i> К юбилею профессора Рабиновича.....	291
<i>Бондаревский А. В.</i> Тихий американец	294
<i>Калашиников В. В.</i> Алекс Рабинович – лучший зарубежный исследователь деятельности партии большевиков в Русской революции	298
<i>Голдин В. И.</i> Генрих Зиновьевич Иоффе: человек и историк.....	302
<i>Сведения об авторах</i>	310

И. В. Узлова

Введение. Русская революция в историографических дискуссиях сегодняшнего дня

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и статьи, представленные участниками двенадцатой конференции, которая ежегодно проводится в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»¹. Конференция задумывалась как форум для свободного обсуждения самых острых и сложных проблем историографии истории революции и реформ в России XX века. В ней принимали участие научные сотрудники ряда институтов и региональных центров РАН, преподаватели ведущих университетов России, а также Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Украины, США, Японии. В последние два года число зарубежных участников заметно сократилось на фоне жесткого противостояния России и стран НАТО. Тем не менее, какие-то внешние контакты продолжаются, и мы считаем важным сохранить и укрепить международный статус нашей конференции, признавая полезным диалог историков как в чисто научных целях, так и в более широком плане.

Основной темой сборника в этом году стали ключевые проблемы современной историографии Русской революции и Гражданской войны, что было обусловлено результатами дискуссии, вызванной рядом публикаций в сборнике нашей конференции прошлого года. Материалы того сборника были представлены его научным редактором проф. В. В. Калашниковым и

¹ См.: Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013; Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014; Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015; Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 2017; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018; Эпоха революции и гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019; Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020; Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021; К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022; Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023.

обсуждены в марте 2024 г. на научном семинаре «История революций и общественного движения в России», проводимом отделом СПбИИ РАН².

Вопросник. По итогам состоявшейся дискуссии организаторы конференции подготовили вопросник, который содержит десять ключевых вопросов, связанных в основном с трактовкой проблем закономерности Февральской и Октябрьской революций и их социально-экономического содержания, а также причин Гражданской войны и роли иностранной интервенции в ее начале и ходе. Более двадцати историков, принадлежащих к разным поколениям и занимающих разные методологические и историографические позиции, ответили на эти вопросы, порой весьма подробно (ответы заняли около 150 страниц текста сборника), предоставив богатый материал для понимания той ситуации, которая сложилась в историографии на сегодняшний день. Тем самым создана возможность для выявления и углубленного изучения наиболее дискуссионных положений.

Не ставя себе задачу дать сравнительный анализ даже основных позиций, заявленных участниками опроса, отметим большое различие в высказанных точках зрения. Очевидно, что такая ситуация во многом обусловлена слабостью той методологической базы, на которой формируются историографические позиции. Практически никто из участников не сформулировал те методологические принципы, которыми он руководствуется. Такой результат говорит о том, что вопросы методологии требуют особого обсуждения в научном сообществе.

Проблема XI тома. Существенное внимание в сборнике уделено критическому анализу только что вышедшего XI тома двадцатитомной академической «Истории России», издаваемой в настоящее время под эгидой ИРИ РАН³. Ответственным редактором и основным автором тома является известный московский историк В. П. Булдаков, главный научный сотрудник ИРИ РАН. В новейшей историографии он рассматривается как создатель так называемой «иррациональной парадигмы» в трактовке истории первой мировой войны и Русской революции, а также как автор современной версии концепции «красной смуты». Позиции В. П. Булдакова положены в основу всего XI тома, что вызвало протест со стороны целого ряда авторов настоящего сборника, непривычно острый для нашей конферен-

² См. видеозапись доклада, сделанного 23 марта 2024 г. проф. В. В. Калашниковым в ходе семинара, проведенного отделом СПбИИ РАН (руководитель Н. Н. Смирнов): <https://www.youtube.com/watch?v=Avp7pgwZzLY&t=2s>

³ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. В 2-х книгах. М.: Наука, 2024.

ции. Впрочем, этот протест начался уже на конференции 2023 г. и получил отражение в прошлогоднем сборнике⁴. Такая необычная острота, по нашему мнению, была обусловлена двумя обстоятельствами.

Во-первых, тем, что концепция В. П. Булдакова была представлена не в его персональной монографии, а как основная концепция в коллективном томе академической многотомной «Истории России», т. е. в рамках государственного проекта с высоким научным статусом. Признать такой статус за концепцией, которая трактует Русскую революцию в рамках иррациональной парадигмы, многие историки явно не согласны. Во-вторых, тем, что в XI томе В. П. Булдаков изложил свои позиции в особо резкой форме: революция трактуется как «хаотическая стадия» системного кризиса империи, иррациональный бунт масс, который завершился «фрустрацией» и торжеством «охлократии». У большинства петербургских историков старшего поколения такая трактовка истории революционного 1917 года не могла не вызвать жесткой реакции.

Эту реакцию легко объяснить. Дело в том, что в нашем городе в советский период существовала очень сильная «ленинградская школа» историков революции, в работах которой в 1960-е – 1980-е гг. были преодолены все основные недостатки, характерные для официальной историографии Февральской и Октябрьской революций. Труды представителей «ленинградской школы» в изучении революционного 1917 года (прежде всего Р. Ш. Ганелина, О. Н. Знаменского, Г. Л. Соболева, В. И. Старцева), основанные на великолепном знании фактического материала, отличались высоким научным уровнем, который, по мнению многих историков, не превзойден до сегодняшнего дня. Работы названных историков и других их коллег убедительно доказывали тот факт, что события революции в Петрограде показали высокую организованность и сознательность столичного рабочего класса. Уже в февральские дни по инициативе снизу создавались Советы рабочих депутатов, а затем профсоюзы и фабзавкомы, которые к лету 1917 года, охватывали практически всех столичных рабочих. Стенограммы, пресса и другие документы в ежедневном режиме показывали те острые и абсолютно рациональные дискуссии, которые шли в 1917 году во всех массовых рабочих организациях. Особо следует выделить рациональный характер дискуссий в Советах, которые в Петрограде объединяли рабочих и солдатских депутатов. Трактовать этот процесс как «хаос» и бунт «охлоса» невозможно. В силу своего высокого научно-

⁴ Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023.

го уровня традиции «ленинградской школы» сохранились и в постсоветский период.

Важную роль играл и еще один фактор. В середине 1980-х гг. мне довелось учиться на историческом факультете ЛГУ и работать в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при ЛГУ, где преподавали лучшие историки Ленинграда, и я ни разу не слышала ни на лекциях, ни на семинарах, ни на конференциях трактовки истории революционного 1917 года как бунта «охлоса». Слышала другое: неформальные рассказы старших коллег об их личных встречах с питерскими рабочими, участниками революционного движения, старыми большевиками – рядовыми членами партии или лидерами низовых партийных организаций. Эти рассказы были пропитаны огромным уважением к собеседникам. Они каждым словом опровергают концепцию В. П. Булдакова. Традиция таких устных рассказов продолжалась и в постсоветское время. В 2012 г. в 95-ю годовщину Октября на нашей межвузовской конференции по проблемам историографии выступил член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, крупнейший знаток предыстории и истории Февральской революции. Большую часть своего выступления он посвятил рассказу о своих встречах с рядовыми членами Петербургского комитета (ПК) партии большевиков, которые вели работу накануне Февраля. И главный акцент рассказчик делал на их скромность, интеллигентность и преданность своим идеалам. Именно такие люди активно участвовали в революции. В 2017 г. в 100-летнюю годовщину Русской революции в Санкт-Петербурге прошли десятки научных конференций разного уровня, и нигде концепция бунта «охлоса» не то, чтобы не доминировала, но даже не звучала. И сегодня, насколько можно судить по докладам на научных конференциях и общению с коллегами, на бывших истфаках классического университета и РГПУ имени А. И. Герцена преподаватели не трактуют историю Русской революции как иррациональный бунт «охлоса».

Можно указать и третью причину, которая породила резкий протест против ряда текстов XI тома. Она касается того необъективного отношения, которое В. П. Булдаков проявил к советской историографии. Историографические оценки, приведенные в томе, действительно поражают: с одной стороны, своим высокомерием, а с другой стороны, по мнению ряда признанных знатоков советской историографии – своей необъективностью.

Все эти обстоятельства привели тому, что в статьях критиков В. П. Булдакова на страницах настоящего сборника содержится призыв к изданию новой версии этого тома с другим ответственным редактором во

главе и на другой концептуальной базе. Предлагается вариант обоснования такого нестандартного решения, которое позволит сохранить авторитет двадцатитомной «Истории России» в целом. Понятно, что предложение следует тщательно обдумать.

Персоналии. Важным разделом в представленном сборнике являются статьи и заметки, посвященные постоянным участникам нашей ежегодной Санкт-Петербургской конференции по проблемам истории и историографии Русской революции и Гражданской войны.

В августе 2024 г. исполнилось 90 лет со дня рождения известного американского историка *Алекса Рабиновича*, профессора университета штата Индиана (Блумингтон), признанного мирового авторитета в исследовании деятельности партии большевиков в революционном 1917 году, а также в первый год их пребывания у власти⁵. Его три книги, посвященные этой проблеме, давно уже являются классикой. Нашу ежегодную Санкт-петербургскую конференцию по проблемам историографии эпохи реформ и революций связывают с Александром Евгеньевичем Рабиновичем (так мы его зовем на русский манер) особые отношения. Именно он помог вывести ее на международный уровень, пригласив к участию ряд известных западных специалистов. Он также стал одним из постоянных авторов, чьи работы украшали наши сборники и вызывали неизменный интерес со стороны читателей. К сожалению, последние два года Александр Евгеньевич болел, что ограничило его возможности работать. Тем не менее, именно в нашем сборнике в декабре 2022 г. он поместил небольшую статью «Трагедия в заливе», которая представляет собой отрывок из рукописи его новой книги, посвященной 1919 году – второму году пребывания большевиков у власти⁶. Эта книга еще пишется, но мы надеемся, что она будет закончена. Желаем автору скорейшего восстановления после нелегкой болезни и новых творческих успехов.

Вторая персоналия, написанная известным архангельским историком В.И. Голдиным, посвящена блестящему московскому историку Генриху Зиновьевичу Иоффе, автору целого ряда работ по истории революции и

⁵ Rabinowitch A.: 1) *Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. Bloomington, 1968; 2) *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd*. N.Y.; L., 1989; 3) *The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd*, Indiana University Press, 2007.

⁶ Рабинович А.Е. Трагедия в заливе // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб., 2022. С.232–237.

гражданской войны в России⁷. Они не потеряли своей научной ценности и для сегодняшнего дня. Генриха Зиновьевича не стало в марте 2024 г. Он также был постоянным участником нашей конференции и автором статей, многие из которых были посвящены воспоминаниям о совместной работе с рядом крупных московских историков, включая его учителя академика И. И. Минца. Для петербургских историков, которые меньше знали московских коллег старшего поколения, эти воспоминания были особенно ценными и полезными. Светлая память о Генрихе Зиновьевиче Иоффе останется в наших сердцах.

Помимо указанных тем и статей в настоящем сборнике помещен целый ряд других материалов. Уверены, что все они будут с интересом встречены читателями.

При подготовке сборника к печати оргкомитет провел лишь небольшую редакцию представленных работ, устранив явные опечатки. По сложившейся традиции конференция прошла на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам университета за поддержку, которая позволила подготовить конференцию и издать настоящий сборник.

⁷ Иоффе Г. З.: 1) Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М.: Наука, 1970; 2) Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983; 3) Великий Октябрь и эпилог царизма. М.: Наука, 1987; 4) Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995 и др.

I. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Десять проблемных вопросов

1. Как Вы определяете *социально-экономический* характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

2. Готовы ли Вы признать тезис о *закономерном* характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на *версию о*:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на *версию о*:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках *советской демократии* в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об *исторической необходимости* Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в *широком* (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и *узком* (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в *широком* смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы *маловероятной*;

9.2. Который играл существенную роль только в *некоторых регионах* бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была *несущественной* в истории Гражданской войны.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Р. Г. Гагкуев (ИРИ РАН, Москва)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

В моем понимании события февраля и октября – звенья одного революционного процесса, начавшегося в 1917 году. В современной историографии за ним в существенной степени закрепилось название «Великой российской революции 1917 года». Некоторые из противников такого его определения говорят о неприемлемости характеристики революции как «Великой», указывая на сугубо положительное значение этого слова в русском языке. При таком прочтении действительно возникает немало вопросов, 1917 год и последовавшая Гражданская война дорого стоили нашей стране. Но в данном случае «Великая» – это прежде всего характеристика масштаба происходивших в стране событий. Влияние революции и на Россию, и на мир было действительно огромным и «великим». В этом смысле она вполне сравнима с Великой французской революцией, а в ряде случаев ее влияние на мир было значительно большим. При этом важно помнить, что Революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война – единый процесс.

Революция 1917 года стала прямым следствием Первой мировой войны, которая привела и к социально-экономическому, и к политическому кризису. Как это ни парадоксально, кризисные явления в Российской империи значительно усилили и ускорили успехи на фронте, достигнутые в 1916 году.

В первую очередь речь идет о наступлении армий Юго-Западного фронта, больше известного как Брусиловский прорыв. Начатое в начале лета 1916 года русское наступление позволило добиться по настоящему громких успехов – русскими войсками было нанесено тяжелое поражение австро-венгерской армии, заняты огромные территории. Враг понес большие потери и в личном составе (прежде всего пленными). Но для России этот успех, безусловно важный с точки зрения ведения коалиционной войны, стоил очень дорого. В топку наступления были брошены почти все накопленные страной со всем напряжением сил резервы и ресурсы. Большие потери во время наступления против технически более обеспеченного противника тяжело психологически отразились на обществе.

В стремлении нанести стратегическое поражение Австро-Венгрии Россия летом 1916 года согласилась на вступление в Первую мировую войну на стороне Антанты Румынии, чего союзники добивались уже не один год. Для Франции, Великобритании и Италии вступление Румынии в войну рассматривалось как шаг, который, прежде всего, вынудит Германию оттянуть силы с Западного фронта, для спасения своего главного союзника Австро-Венгрии. Плохо зная румынскую армию, союзное командование испытывало иллюзии в отношении ее боеспособности. Русское командование, хорошо знакомое со слабыми сторонами румынских войск, долгое время сопротивлялось этому шагу. Но надежда на то, что появление румынской армии во время русского наступления все же позволит нанести Австро-Венгрии стратегическое поражение, в конечном счете, взяло верх.

Это стало вторым тяжелым потрясением для русской армии и всей страны. Вступив в середине августа 1916 года в войну, румыны были уже очень скоро разгромлены австро-германо-болгарскими войсками. В результате русский фронт вынужденно, для спасения нового союзника, увеличился на 1000 км. Немногочисленные русские резервы и ресурсы, которых и без того не хватало, пришлось бросать на Румынский фронт. Разочарование от вступления Румынии в войну и предубеждение против нового союзника в обществе было огромным. Вместо реальной помощи на фронте Российская империя получила новое тяжкое бремя, нести которое, кроме нее, было некому.

Вина за такое развитие событий лежала, с одной стороны, на верховном командовании Антанты, которое для облегчения положения Западного фронта готово было пойти на любые шаги, обещая Румынии все возможные уступки за вступление в войну и оказывая давление на Россию. С другой стороны – и русское военно-политическое руководство не сумело в полной мере предвидеть последствия этого шага, пойдя на уступки в надежде, что румынская армия поможет «добить» Австро-Венгрию.

Перенапряжение сил огромной страны в 1916 году тяжело отразилось как на состоянии экономики и транспорта, так и на моральном состоянии российского общества. Напряжение сил и достигнутые успехи в борьбе с врагом не принесли окончания войны. Несмотря на стратегический перелом в мировой войне в пользу Антанты, окончания войны для простого обывателя – солдата, крестьянина, рабочего и т. д. – так и не было видно на горизонте.

Бремя войны, усиленное большими потерями и новым Румынским фронтом, все более возрастало. Социально-экономические проблемы при-

водили к обострению политического противостояния. Многие политики в Государственной Думе близоруко не видели на пути к победе в войне препятствий кроме царского правительства, не компетентного для решения стоящих перед страной задач. Практика показала, что кризис империи, обострившийся в ходе войны, был гораздо глубже.

Что касается прихода к власти большевиков, то здесь в гораздо большей степени играли роль вопросы политические, хотя имевшие социальные корни – обещания немедленного мира и земли волновали подавляющее большинство населения. Другое дело, во что в реальности воплотилось их претворение в жизнь.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Сама по себе постановка вопроса о закономерном характере начала Российской революции и хода ее отдельных этапов мне представляется не вполне правомерной. Правильно говорить о реальных и объективных предпосылках.

Для Февраля – очевиден системный кризис Российской империи, усиленный войной. Предпосылки были налицо, и о них писали многие современники, как политические деятели, так и рядовые обыватели. Пресса того времени, дневники и воспоминания пестрят такими «пророчествами».

Для Октября очевиден, с одной стороны, паралич власти Временного правительства, оказавшегося неспособным решить хотя бы часть проблем и не допустить сползания страны в Гражданскую войну. С другой – крайние политические силы в лице, с одного фланга, большевиков и других социалистов, с другого – их политических противников, составивших позднее основу Белого движения, – готовились к открытому противостоянию. Октябрь фактически стал рубежом скатывания общества в Гражданскую войну, неспособности общества найти компромисс в политическом противостоянии, его объединения ради какой-то общенациональной цели.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Значение заговора против императора Николая II и правительства, степень его подготовки к февралю 1917 года в современной историографии сильно преувеличивается. Нередко он называется единственной причиной начала революционных событий, трактуемых в этом случае как «февральский переворот». Такое представление событий легко и просто все объясняет, но соответствует ли оно реальному содержанию происходивших событий?

Обсуждение возможности и путей переворота, безусловно, шло, сам факт наличия таких действий со стороны оппозиционеров отрицать едва ли стоит. Но степень вовлечённости в него многих ключевых фигур в политической и военной сферах вызывает вопросы и недостаточно ясна. Очевидно, что при наличии четкого плана и распределения ролей не было бы такой растерянности и неслаженности действий, которые продемонстрировали думские оппозиционеры в первые недели и месяцы революции. Для многих же «заговорщиков-генералов» начало революционной эпохи и вовсе означало конец карьеры.

Кризис, возникший в начале 1917 года в Петрограде и приведший к падению монархии, вылился в конечном счете, с одной стороны, в стихийные выступления народных масс, с другой — в попытку оседлать их со стороны думских политиков и партий революционной демократии. Первые могли опираться на свой парламентский опыт и заговорщицкие связи, вторые — на знание масс и опыт создания революционных органов власти еще во время революции 1905–1907 гг. Двоевластие, которое реально началось в стране, едва ли можно назвать целью свержения монархии заговорщиками — очевидно, что оно было следствием стихийно развившегося революционного процесса.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Формально, конечно, можно говорить о некой «советской демократии», но это никак не отменяет свержение Временного правительства, ко-

торое произошло совсем не парламентским путем. В моем понимании приход большевиков к власти в октябре 1917 года – результат общенационального кризиса страны. Как было принято писать в советской историографии, «банкротство» политики Временного правительства, потеря всякой поддержки в обществе совсем еще недавней его главной надежды А. Ф. Керенского, неспособность даже отдельных политических блоков (революционной демократии, консерваторов и др.) договориться внутри себя о мерах по выводу страны из кризисной ситуации – все это привело к жесточайшему кризису в стране и обществе, усугубляемому распадом фронта. В этой ситуации захват большевиками власти с лозунгами, отвечавшими чаяниям большинства населения – «Мира!» и «Земли!» – нашел отклик. Другое дело, как эти лозунги стали претворяться в жизнь. Установление советской власти в скором времени раскололо общество.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Была необходимость выхода из того кризиса, в котором страна оказалась усилиями всего общества на протяжении 1917 года. Политическая борьба и демократизация армии привели страну на грань национальной катастрофы и полного распада.

Временное правительство оказалось неспособным нащупать выход из кризиса, лавируя между необходимостью искать компромисс в своей политике с Советами и союзниками по Антанте.

Правые после разгрома Корниловского выступления не успели оправиться в полной мере и только начинали готовиться к противостоянию с большевиками. В их скором приходе к власти некоторые деятели будущего Белого движения осенью 1917 года уже не сомневались. Эсеры, меньшевики и другие левые силы также не были монолитны. Большевики, не имевшие за собой никакого опыта государственного строительства, оказались наиболее готовыми, по крайней мере, к захвату власти, к тому времени утратившей какой-либо авторитет в обществе. Беря власть в свои руки, большевики думали не столько о том, чтобы обогнать передовые страны, сколько о распространении и расширении революции на другие страны, превращении ее в конечном счете в мировую.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Использование термина «война» все же предопределяет, что конфликт в обществе выходит за рамки локальных столкновений, а боевые действия ведутся многотысячными армиями. Конечно, едва ли можно сравнивать масштаб военного противостояния между армиями в мировые войны и в ходе Гражданской войны. Но необходимо наличие, по крайней мере, ряда ее признаков: 1) существование, по меньшей мере, двух противостоящих политических центров, претендующих на власть во всей стране; 2) участие в конфликте количественно значимых сил, созданных на основе всеобщей мобилизации (массовых армий) и 3) боевые действия на территории большей части страны, образование линий (фронтов) противостояния, пусть и прерывистых.

Именно поэтому локальные конфликты, начавшиеся еще в 1917 году, — едва ли правильно называть Гражданской войной в полном смысле этого слова.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Не согласен. Хотя февральские события и не были «бескровными», как их характеризовали некоторые из современников, а позднее и историков, назвать их началом Гражданской войны едва ли возможно. Противостояние на улице с жертвами и со стороны революционной толпы (в которую влились запасные солдаты), и полицейских, расправы в ходе первых актов красного террора, поджоги дворцов и учреждений — это все революционные эксцессы, предвестники Гражданской войны, в крайнем случае — ее первые акты. Война же характеризуется несколько иными качественными характеристиками вооруженного противостояния (о чем мы уже говорили).

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Прежде всего повторяюсь, что рассматриваю Российскую революцию 1917 года и Гражданскую войну как единый процесс. В этом отношении определить какой-то рубеж и четко обозначить — вот с него начинается

Гражданская война – едва ли вообще возможно. Общество постепенно скатывалось в нее. Первыми актами Гражданской войны стали полноценные боевые действия между противниками и сторонниками советской власти осенью 1917 – в начале 1918 года: московская «кровавая» неделя, боевые действия в Иркутске и Казани, начало противостояния на Дону и др. Непосредственно полномасштабная Гражданская война началась весной – в начале лета 1918 года и характеризовалась боями между частями Красной и Добровольческой армий на Дону и Кубани, началом Донского (Новочеркасского) восстания, созданием Донской армии, выступлением оренбургских казаков, действиями атамана Г. М. Семенова в Забайкалье и др.

В отношении значимости выступления Чехословацкого корпуса считая ее значительно преувеличенной в советской и, согласно устоявшейся традиции, в российской историографии. Почти в это же время, в начале июня 1918 года, например, начинался Второй Кубанский поход Добровольческой армии, войска которой численно не уступали силам чехословаков, но имели перед собой гораздо более многочисленные и боеспособные силы Красной армии.

Успех выступления Чехословацкого корпуса к востоку от Волги во многом был связан с тем, что против советской власти там также было организовано и антисоветское подполье, которое к лету 1918 года функционировало во многих городах России. Существенную роль играло здесь контрреволюционное офицерство. О реальном весе Чехословацкого корпуса в боевых действиях против советской власти можно говорить только с мая по август 1918 года. К концу лета уже были созданы достаточно многочисленные собственные вооруженные силы русской контрреволюции, прежде всего, Сибирской армии, которая на протяжении июня–августа 1918 года стала стремительно расти количественно и к концу лета превысила численность Чехословацкого корпуса. Если мы сравним численность сил русской контрреволюции и Чехословацкого корпуса, то увидим, что первые численно превосходили чехословаков. Сибирская армия, созданная еще при Временном Сибирском правительстве, затем русские вооруженные силы Всероссийского Временного правительства (или Директории) и Русская (Российская) армия Российского правительства верховного правителя России адмирала А. В. Колчака во второй половине 1918 – первой половине 1919 года были значительно более многочисленными, чем силы чехословаков. С того же времени, как Чехословацкий корпус был отведён с фронта в начале 1919 года, в рядах Русской армии находились части, которые были созданы после широкого призыва в Сибири, на Дальнем Востоке и на Урале.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

В советской историографии интервенции традиционно придавалось ключевое значение в Гражданской войне. Само название этого исторического периода обязательно звучало как «Гражданская война и иностранная военная интервенция». Говорилось о победе не только над силами контрреволюции, но и над силами полутора десятков государств Антанты и их союзников. В современной российской историографии преобладает другая крайность – интервенции не придается большого значения, или же она совсем выводится за рамки противостояния.

В моем понимании обе эти трактовки страдают однобокостью. Неправоммерно говорить непосредственно о широком военном участии интервентов в событиях Гражданской войны. Экспедиционные силы, направленные странами Антанты и их союзниками в Россию, были в большинстве случаев малочисленны и малобоеспособны. Это касается, например, британского и французского батальонов в Сибири, составленных в основном из ограниченно годных к службе и почти все время проводивших в Омске, итальянского батальона в Красноярске, успевшего принять участие в операциях в тылу против повстанцев, французских сил, высадившихся на юге России, и др. Исключение составляют силы интервентов на Севере России, где роль экспедиционных сил была по-настоящему велика. Но сам по себе Северный фронт Гражданской войны был наименее значимым по масштабам военного противостояния.

С другой стороны, силы интервентов в большинстве своем контролировали крупные транспортные узлы (порты, железнодорожные узлы) или сами дороги. Все они (за исключением Севера России) не принимали участия в боях непосредственно на линии фронта с Красной армией. Так, наиболее значимым по численности в годы Гражданской войны был корпус японских экспедиционных сил, находившийся на Дальнем Востоке. В 1918–1922 гг. через экспедиционные силы японцев прошло свыше 100 тыс. человек. Но в прямом противостоянии с Красной армией, наступавшей с Запада, эти войска участия не принимали.

Означает ли это, что роль интервентов в Гражданской войне была незначительна? Конечно, нет. Главное участие в междоусобной войне со стороны интервентов заключалось в финансовой и материальной помощи. Поставки вооружения и снаряжения позволили одеть, обуть и вооружить армии контрреволюции на всех фронтах Гражданской войны. Бедность окраин России, где базировалось Белое движение, производствами делала поставки из-за рубежа, по сути, безальтернативными. Английское вооружение, французские кредиты, поставки из США и Японии сыграли большую роль в строительстве вооружённых сил на разных белых фронтах. Танки, самолеты, артиллерия, стрелковое вооружение, униформа и проч. — все это поставлялось в значимом количестве.

Правда, сами белые оценивали эту помощь как «недостаточную» (не хватало для снабжения войск), «несвоевременную» (большие поставки начались, когда перелом на фронте уже произошёл) и «некачественную» (многая техника была уже изношена в ходе использования). Из этих факторов делался вывод, что сильная Россия вчерашним союзникам в конечном счете оказалась не нужна, и именно поэтому не было по-настоящему необходимой помощи в войне с большевиками.

Важно помнить, что цели Антанты не были неизменными. На первом этапе Гражданской войны, в 1918 году, пока продолжалась Первая мировая война, для стран Антанты главным в поддержке противников большевиков было воссоздание хоть в каком-то виде Восточного фронта, который должен был оттянуть на себя силы с фронта Западного. Борьба против Германии и недопущение ее усиления за счет русских ресурсов были самой главной задачей. После Компьенского перемирия, когда враг был повержен, для союзников стала актуальной борьба за сферы влияния в России, а в скором времени — возведение вокруг нее санитарного барьера из новообразованных независимых государств для недопущения распространения коммунизма.

Исходя из сказанного, определил бы помощь Белому движению со стороны Антанты как значительную, но едва ли достаточную для достижения победы в войне. Без этой помощи война, вероятнее всего, закончилась бы быстрее. Послевоенный мир делал насущным для стран Антанты прежде всего восстановление экономики своих стран, а не помощь с непонятными перспективами одной из противостоящих сторон в Гражданской войне в России.

Но, говоря об интервентах, не стоит забывать и об иностранцах по другую сторону фронта – интернационалистах. В Советском Союзе много писали об участии в войне добровольцев из самых разных стран. Более всего – военнопленных Первой мировой войны и рабочих-китайцев. Добровольность участия существенной части из них в войне была довольно условной. Для многих китайцев, оказавшихся в России без работы и не пользовавшихся никакой симпатией со стороны населения, вступление в Красную армию стало едва ли не единственным способом выжить. По подсчетам советских историков, в Гражданской войне приняло участие порядка 40 тысяч китайцев. Конечно, такой многочисленной воинской части в составе РККА не существовало, но многочисленные мелкие отряды китайцев в Красной армии дают такую цифру, вполне сопоставимую, например, с численностью Чехословацкого корпуса. Конечно, роль интернационалистов в победе Красной армии преувеличивать не стоит, но без них советское командование лишилось бы наиболее преданных бойцов, не подверженных агитации со стороны противника.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

В определенной степени уже затронул то новое, что сформировалось в современной историографии. Переосмысление Гражданской войны с учетом огромного количества новых источников скорее только начинается. Если для изучения фронтов контрреволюции наступило время обобщенно посмотреть на происходившие в них процессы (что сейчас делается довольно редко), то в плане изучения на новой основе Советской России или интервенции исследовательский фокус только формируется. В текущем году произошло важное событие – в рамках подготовки многотомной «Истории России» Институтом российской истории РАН подготовлен и выпущен том по истории Гражданской войны (в двух книгах) под общей редакцией В. И. Голдина и В. В. Кондрашина. Рассматриваю эту работу как определенный прорыв в изучении событий, происходивших на протяжении 1917–1922 гг. Вместе с тем, популярной истории войны, написанной просто и понятно для неподготовленного читателя, до сих пор не создано, и это одна из задач исторического сообщества.

В. И. Голдин (САФУ им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Как демократическую революцию, хотя нормально отношусь и к ее (традиционному в советской историографии) определению как буржуазно-демократической, учитывая роль буржуазной оппозиции в выступлении против самодержавия и ее участие в февральско-мартовских событиях в Петрограде и в регионах страны, а затем и ее попытки создания новой государственности и осуществления новой модели буржуазной модернизации страны, которая, впрочем, оказалась несостоятельной.

1.2. Октябрьской революции?

Готов трактовать ее как социалистическую, пояснив, вместе с тем, что в ней соединились и переплетались воедино общедемократические и социалистические цели и требования, что определяло одновременно и ее силу, и слабость. Чтобы двигаться к собственно социалистическому этапу, предстояло решить широкий круг первоочередных и общедемократических задач (прекращение Первой мировой войны и достижение мира без аннексий и контрибуций, вопрос о земле, национальный, рабочий и женский вопросы, демократические права и свободы, образование и грамотность населения и др.). Решение общедемократических задач, с одной стороны, создавало основу для последующего, социалистического этапа революционных преобразований, а с другой, — неизбежно сужало социально-классовый круг его участников, тех, кто готов был двигаться к социалистическому этапу развития.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Да, она была во многом закономерна, ибо власть не сумела решить посредством реформ тот комплекс острых и актуальных вопросов, которые поставила на повестку дня Первая российская революция. Первая мировая война, ее тяготы и поражения, углубляющийся кризис привели к десакрализации власти и, несомненно, способствовали Февральской революции.

2.2. Октябрьской революции?

Да, с той точки зрения, что широкий комплекс стоявших на повестке дня острых и актуальных проблем, решения которых требовали широкие

слои населения, оставался неразрешенным. Это вело к расширяющемуся недовольству населения властью. Период между Февралем и Октябрем характеризовался серией кризисов, каждый из которых становился все более острым. Круг сторонников Временного правительства меняющихся составов все более сокращался, а кризис приобретал системный характер. Нередко и не без оснований говорится и пишется, что к Октябрю власть, образно говоря, лежала на земле. Ее никто не готов был защищать. Большевикам было нетрудно свергнуть Временное правительство и взять власть, а вот удержать ее было неизмеримо сложнее. Вхождение в Гражданскую войну неизмеримо осложнило и оттянуло по времени реализацию задач социалистического этапа революции. Хотя в годы Гражданской войны и принимался комплекс мер уже формально социалистического характера, но они были во многом вынужденными. Попытка же «броска», форсированного движения к социализму и коммунизму посредством политики «военного коммунизма» обнаружила свою несостоятельность.

2.3. Русской революции в целом?

Да, ибо если реформы не дают результатов, а существующие проблемы обострились до крайности и дополнены глубоким кризисом власти, то страна «платит» за это революцией, чтобы посредством ее решать острые и актуальные назревшие проблемы.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Нет, популярную сегодня конспиративно-заговорщическую версию не принимаю, хотя действия и неудовлетворенность существующей властью со стороны генералов и либералов, несомненно, сыграли свою роль в свержении самодержавия.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Вряд ли следует говорить о чисто стихийном восстании, ибо здесь переплелись стихийность и сознательность, несомненным было влияние различных политических сил на рабочих и солдат и стремление использовать это назревающее, а затем вспыхнувшее восстание в своих интересах и для революционного действия.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Да, правомерно говорить, но о слиянии не только оппозиционных, но и революционных течений с существенно различающимися программами и видением будущего.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Нет.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Да, большевики использовали механизм Советов с их массовостью, охватом всей страны и основных групп населения (рабочие, солдаты, крестьяне), а лозунг «Вся власть Советам!» пользовался широкой популярностью в стране. Взяв его на свои знамена, большевики пришли к власти и оформили, а затем закрепили ее через решения указанных съездов.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Во многом да, ибо на путях буржуазной модернизации с ее суровыми реалиями и глубокими противоречиями объективного и субъективного характера шансы России на ускоренное развитие и достижение уровня передовых стран были минимальны. Первая мировая война оказавшись тяжелейшим испытанием для всей сложившейся российской системы, которая его, в конечном итоге, не выдержала, обострила борьбу за передел и лидерство в мире. Даже в случае продолжения участия России в войне в составе Антанты до победного конца и получения победных репараций невелики были шансы, что это способствовало бы ускорению развития страны, ибо неизбежно было обострение противоречий уже в стане победителей и прежде всего – британо-российских отношений. Большевики, победив в Гражданской войне и восстановив народное хозяйство, поставили по главу модернизации страны ключевой лозунг и требование: не

только догнать, но и перегнать развитые страны. И именно модель не только догоняющей, но и опережающей модернизации, охватывающей все сферы жизни, определяла реалии и перспективы развития СССР. Если бы не распад страны, то, по высказанным в 2016 году оценкам китайских специалистов, Советский Союз в это время должен был стать державой № 1 по экономической мощи (ключевым макроэкономическим показателям) в мире.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Это было проявлением назревающей гражданской войны, но вряд ли ее реальным началом.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Восстание Чехословацкого корпуса стало во многом катализатором такой войны, но здесь наложились и переплелись воедино и другие явления и процессы (крестьянское движение, казачьи восстания, тяжелое продовольственное положение, ползучая аннексия и военные действия стран Четверного союза, действия стран Антанты и др.).

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Такая война имела, прежде всего, внутренние корни, но иностранная интервенция в многообразии ее форм, особенно вооруженная со стороны двух блоков (Четверного союза и Антанты), крайне обострила ее течение, придавала ей особую ожесточенность и кровопролитность. Антибольшевистские силы в России делали особую ставку именно на иностранную поддержку во всех видах и формах – направление иностранных воинских

контингентов в страну, помощь оружием, снаряжением, амуницией и пр. Нередко специалистами справедливо высказывается мнение, что если бы не огромная помощь различными видами снабжения, и прежде всего поставками оружия белогвардейцам, то Гражданская война в стране окончилась бы в начале или в первые месяцы 1919 года.

В ряде регионов страны именно иностранная вооруженная интервенция играла определяющую роль в развязывании Гражданской войны. Например, по мнению целого ряда российских и зарубежных специалистов, маловероятно, что без иностранной военной интервенции она приобрела бы масштабный характер на Севере страны и вылилась бы в формирование Северного фронта российской Гражданской войны. На Русский Север эта война была, образно говоря, внесена на иностранных штыках — события на Мурмане весной–летом 1918 года, захват Архангельска и т.д. Вооруженные действия против советской власти развернулись и велись здесь главным образом воинскими контингентами стран Антанты и под руководством британских генералов. Провозглашенная 2 августа 1918 года антибольшевистская Северная область не могла существовать без присутствия иностранных войск и снабжения всем необходимым из-за рубежа. Но, появившись на Русском Севере, интервенты поставили во главу угла своей политики традиционный колониальный лозунг «разделяй и властвуй», стремясь внести и углубить раскол в северном социуме¹. Вооруженные силы Северной области как самостоятельное и значимое воинское формирование появились лишь весной 1919 года, но не могли полноценно, самостоятельно и успешно вести военные действия без иностранной вооруженной поддержки и снабжения. Готовя свою эвакуацию с Севера в 1919 году, интервенты предлагали эвакуировать и войска Северной области, а также лояльную им часть населения, ибо были убеждены, что без них антибольшевистские силы не смогут продолжать успешную борьбу здесь. Собственно так и произошло. После ухода интервентов Антанты антибольшевистская Северная область смогли просуществовать лишь четыре месяца, и Временное правительство области пало в феврале 1920 года.

Вооруженная интервенция стран Четверного союза сыграла главную роль в падении советской власти в первые месяцы 1918 года на Украине, в

¹ Подробнее см.: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск, 2018. Гл. 6, 7; Он же. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август — декабрь 1918 г. Архангельск, 2021; Он же. Анатолия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М., 2024.

Крыму, а также в районах Белоруссии и Прибалтике, в Азербайджане. Вооруженная интервенция Антанты, формально прикрывавшаяся лозунгом «спасения чехословаков», сыграла и главную роль в падении советской власти на Дальнем Востоке. После ухода интервентов Четверного союза высадка войск Антанты на Юге России выступила мощным катализатором нового этапа Гражданской войны здесь.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

См. ответ на предыдущий вариант.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Нет.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Появилась большая целостность восприятия событий 1917–1922 годов как единого и неразрывного, хотя и крайне противоречивого процесса, прошедшего целый ряд этапов и стадий. Представлено более глубокое понимание корней и предпосылок Гражданской войны в стране через анализ всех сложностей и противоречий развития революционного процесса в 1917 году. Продуктивным видится рассмотрение событий 1917 года как комплекса или серии революций, а Гражданской войны как комплекса или серии войн, конфликтов и различных противоборств. Представлен более целостный анализ всей совокупности существовавших в 1917–1922 годах альтернатив и программ развития и тех сил, которые стремились реализовать их. Появилось более глубокое понимание эволюции и пестроты антибольшевистского движения на протяжении всей этой эпохи, что и предопределило его поражение. Дан более глубокий анализ борьбы центробежных и центростремительных сил в Российской революции и Гражданской войне посредством выявления логики распада и нового собирания страны, ее разных проектов (прежде всего советского, воплотившегося в итоге в создание СССР, и «белого» – попытки реализации лозунга «Единой, великой и неделимой России»).

Комплексный и системный анализ процессов 1917–1922 годов позволяет получить более полное представление о причинах победы большевиков и поражения их противников, осмыслить историческое значение и

уроки тех событий для современности, их роль и место в нашей исторической и культурной памяти.

Великая российская революция, будучи рассматриваема сквозь призму 1917–1922 годов, предстает в мировой революциологии или революциеведении как действительно одна из величайших в мировой истории с точки зрения величия идей и замыслов создания справедливого общества без эксплуатации человека человеком, социализации и гуманизации человеческих отношений, имевшая поистине глобальное значение и открывшая совершенно новые перспективы в развитии мировой цивилизации в XX веке, а, с другой стороны, – и как стоившая великих жертв на пути к прогрессу России и мира. У революций, особенно великих, а тем более у такой, как Великая российская революция, включавшей в себя и Гражданскую войну, было суровое лицо, и идеализировать ее нет необходимости.

В. С. Измозик (СПбГУТ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Говоря о социально-экономическом характере Великой Российской революции 1917–1922 гг., можно, на наш взгляд, выделить три основных этапа: от Февраля до Октября 1917 г., от Октября 1917 г. до весны 1921 г. и с марта 1921 г. по декабрь 1922 г. При этом в ходе всех трех этапов социально-экономическая политика, несмотря на огромные политические различия, особенно между первым и последующими этапами, имела общую, крайне важную черту, – стремление справиться со все нарастающей экономической разрухой методами государственного регулирования. Необходимо подчеркнуть, что в той или иной степени это было присуще всем странам, участникам Первой мировой войны. 25 марта 1917 г. в России была введена государственная монополия на продажу и куплю зерна, т. е. продразверстка с указанием, какое количество зерна и круп имел право земледелец оставить на пропитание и семена. Весь остальной хлеб подлежал сдаче местным продовольственным органам по твердой цене. Весной и летом 1917 г. были установлены твердые цены на уголь, нефть, металл, лен, кожи, шерсть, соль, яйца, мясо, масло и т. д. Одновременно в городах, продолжая политику царского правительства, вводились карточки на хлеб, сахар, мясо, крупы и т. п. При этом органы

местного самоуправления (городские думы, земства) могли вводить дополнительные меры по распределению продуктов и имущества. Например, в Петрограде было принято постановление продавать молоко, в первую очередь, гражданам, имеющим детей до 3-х лет (1,5 бутылки в день) и предоставляющим справки от врачей (1 бутылка в день). В Москве с 4 мая продажа обуви (1 пара) могла производиться только ее жителям при предъявлении паспорта, в котором продавец должен был поставить штамп магазина с указанием дня продажи. Была создана Хлеббармия снабжения, в деревню за хлебом направлялись вооруженные отряды. Появилась тенденция к хозяйственной автаркии отдельных областей: в июне был запрещен вывоз из Петрограда яиц и масла без особого разрешения; осенью управа Кишинева предлагала Москве продукты в обмен на калоши. Карточки не гарантировали приобретение указанных норм продуктов. К осени 1917 г. реальный голод охватил ряд городов и губерний. Многочисленные проекты создания неотложной социальной помощи инвалидам, детям во многом оставались на бумаге. Закон 25 июля 1917 г. об обеспечении рабочих на случай болезни был чуть ли не единственным достижением в этой сфере.

В. И. Ленин в конце XIX в., оценивая степень развития российской экономики и перспективы революции, писал: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать»¹. В «Апрельских тезисах», намечая задачи в социально-экономической сфере, В. И. Ленин также писал: «Не "введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»². Быстрый провал идеи «государства-коммуны» заставил большевиков с весны 1918 г. укреплять вертикаль власти, в том числе в экономике. Национализацию промышленности, которую в различной степени проводили и в капиталистических государствах, нельзя считать признаком социалистической экономики. Политика «военного коммунизма», рожденная к жизни условиями Гражданской войны и стремлением во что бы то ни стало удержать власть, а также попыткой «штурмовать небо», содержала внешне квазисоциалистические элементы на основе классического марксизма: курс на «отмирание денег», бесплатность продуктов и предметов ширпотреба, жилья и комму-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

² Там же. Т. 31. С. 116.

нальных услуг, транспорта, но одновременно сочеталась с милитаризацией труда, продовольственной диктатурой и продразверсткой, «главкизмом» в народном хозяйстве и «мещочничеством», позволявшими в целом сохранять работающую экономику.

После перехода к нэпу в марте 1921 г. социально-экономическая политика сочетала допущение в ограниченных размерах рыночных отношений и элементы государственного социализма: принятие Кодекса законов о труде 30 октября 1922 г., предусматривавшего полное социальное страхование рабочих, восьмичасовой рабочий день, двухнедельный оплачиваемый отпуск и т. п. Однако меры по поддержке инвалидов, ликвидации детской беспризорности, охране труда нельзя считать исключительно социалистическими. В. И. Ленин в марте 1922 г. на XI съезде партии заявил, что «наша задача – буржуазную революцию довести до конца»³, имея в виду, как нам представляется, задачи ликвидации неграмотности, правовой и общей культурности, укрепления законности. Таким образом, в 1917–1920 гг. социально-экономическая политика в целом была подчинена милитаризации экономики, ее государственному регулированию, что являлось общим для всех стран-участниц Первой мировой войны.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. *Февральской революции?*

2.2. *Октябрьской революции?*

2.3. *Русской революции в целом?*

Несомненно, что Российская революция в целом была явлением закономерным, но не неизбежным. Уже к началу XX в. общественно-политические деятели различных направлений писали, приветствуя или страшась ее, о надвигающейся революции. В начале XX в. в России нарастало рабочее, крестьянское, национально-освободительное, либеральное, общедемократическое движение. Революция 1905–1907 гг. не устранила полностью ее причины. Анализ перлюстрированной корреспонденции с октября 1916 г. по 23 февраля 1917 г. показывает, что предчувствие надвигающегося краха и близкой революции было присуще представителям всего политического спектра. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко сообщал князю А. Б. Куракину, члену ЦК «Союза 17 октября»: «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала ... святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возвра-

³ Там же. Т. 43. С. 107.

та»⁴. Начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев в январе 1917 г. докладывал: «Озлобление растет, и конца его росту не видать... подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу... анархической революции – сомневаться не приходится»⁵.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

События Февраля 1917 г., первого этапа Великой российской революции 1917–1922 гг., начавшись, как стихийное восстание рабочих и солдат петроградского гарнизона, в конечном счете, стали слиянием в общий поток оппозиционных течений.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Во-первых, к власти пришел левый радикальный блок, возглавляемый большевиками в союзе с левыми эсерами, анархистами. Во-вторых, съезд Советов представлял значительную, но лишь часть населения страны. Сам порядок выбора депутатов в Советы и на съезд был далеко не демократическим: открытое голосование, отсутствие норм полномочий депутатов и т. д. Решить вопрос о власти могло лишь Учредительное собрание. Поэтому решения II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего в рамках революционной демократии, не были леги-

⁴ Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. Изд. 2. М.: НЛЮ, 2023. С. 518–519.

⁵ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. Под ред. З. И. Перегудовой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 403.

тимными. Но сама логика революции, ее развитие, переход от одного этапа к другому почти никогда не подчиняются нормам законности.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реальному способу преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

События Октября 1917 г., ставшие началом нового этапа Великой российской революции 1917–1922 гг., были в силу целого ряда факторов (неспособность Временного правительства решить хотя бы один из насущных вопросов того времени: вопросы о войне и мире, аграрный вопрос, вопросы экономической жизни, национальный вопрос) явлением закономерным, но не неизбежным. Выступая 1 марта 1920 г. на I Всероссийском съезде трудовых казаков, В. И. Ленин, обращаясь к меньшевикам и эсерам, в частности, заявил: «Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»⁶. Наконец, немалую роль играли субъективные факторы, в том числе способность или нежелание лидеров социалистических партий к диалогу и компромиссу. В начале сентября 1917 г. В. И. Ленин высказывался за возможность соглашения с меньшевиками и эсерами при условии их разрыва с кадетами. Наконец, в руководстве большевистской партии имелось значительное умеренное крыло, почти 30 % состава ЦК. Но эти возможности не были реализованы. Таким образом, Октябрь 1917 г. оказался для радикальных сил логичным и необходимым выходом из острого кризиса, нараставшего в течение 1917 г.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Представляется, что понимание Гражданской войны в *широком* (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 179.

конфликты) смысле слишком расширяет ее временные рамки. В этом случае начало Гражданской войны в России можно датировать апрелем 1917 г. (Апрельский кризис власти), что, конечно, абсолютно неверно. Вооруженные столкновения в Петрограде даже в июле 1917 г. или поход 3-го конного корпуса на Петроград в августе 1917 г. при всей остроте этих событий все-таки не означали начало Гражданской войны. Гражданская война, на мой взгляд, предполагает формирование двух или более политических центров, контролирующих определенную территорию, располагающих некой вооруженной силой. Мне ближе понимание ее как крупномасштабной фронтовой войны с учетом периодизации, предложенной В. Д. Поликарповым: пролог Гражданской войны (25 октября 1917 г. – весна 1918 г.), основные события Гражданской войны (весна 1918 г. – ноябрь 1920 г.) и эпилог Гражданской войны (1921–1922 гг.).

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Не могу согласиться с тезисом о начале Гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 г. в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»). В противном случае надо признать, что после 9 января 1905 г. («кровавое воскресенье»), где жертв было значительно больше, плюс расстрелы демонстраций в январе 1905 г. в 10 городах Российской империи, в том числе в Риге, Ревеле, Варшаве, началась якобы Гражданская война.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Думаю, что восстание Чехословацкого корпуса было важным, но не решающим фактором начала «крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г.». Нарастающий глубочайший кризис российской экономики, неспособность власти в силу комплекса факторов обеспечить нормальный обмен товарами между городом и деревней, введение продовольственной диктатуры; массовое недовольство крестьянства; рост недовольства других слоев населения, изменение позиции большинства казачества, обусловленное, в первую очередь, вопросом о земле; деятельность антибольшевистских и антисоветских сил; занятие немецкими, австрийскими и турецкими войсками новых крупных регио-

нов бывшей Российской империи (Донская область, Донбасс, Крым, Украина, части Белоруссии и Кавказа, Латвии и Эстонии), высадка войск Антанты в Архангельске — все это в совокупности обусловило разрастание Гражданской войны к лету 1918 г.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. *Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;*

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

Не являясь серьезным специалистом в данном вопросе, сошлюсь на мнение д.и.н., профессора Сибирского федерального университета В. Г. Дацышена, касающееся районов Сибири и Дальнего Востока: «В России сохраняется традиция видеть во всех проблемах и конфликтах на востоке лишь угрозу территориальной целостности, игнорируя тем самым сложность и многослойность противоречий, ведущих к конфликтам»⁷. Думаю, что необходимо изучение роли иностранной интервенции дифференцированно по отдельным регионам и с учетом дискуссий в правящих кругах этих стран. Даже снабжение вооружением и различными припасами антибольшевистских сил со стороны иностранных держав необходимо сопоставить с теми огромными запасами, которые находились в портах Севера и Дальнего Востока в результате поставок в годы Первой мировой войны.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Прежде всего, напомним, что новая концепция рассмотрения событий Великой Российской революции с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г. в своей основе с некоторыми изменениями времени ее завершения (с 1921 г. на декабрь 1922 г.) была выдвинута в современной российской историографии около 30 лет тому назад. Это, в первую очередь, работы

⁷ Дацышен В. Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерция фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 35.

Л. А. Донсковой⁸, известного московского историка В. П. Дмитренко⁹. По мнению к.и.н., профессора Таганрогского государственного педагогического института Л. А. Донсковой, «события 23–27 февраля и Октябрьское вооруженное восстание – лишь эпизоды, определенные вехи на сложном и противоречивом пути развития революции в России». Она же предложила считать конечными точками «Великой Российской революции» 23 февраля 1917 г. и конец 1922 г.¹⁰. В. П. Дмитренко писал: «Великая Российская революция, начатая Февралем, ... была подхлестнута Октябрем и переведена в свою новую, более острую фазу развития ... гражданская война становилась заключительной фазой революции, составляя ее закономерный этап, насыщенный фронтальным противостоянием главных ее участников ...»¹¹. В поддержку тезиса, что Октябрьское вооруженное восстание является не началом новой социальной революции, а лишь очередным, пятым по счету, политическим кризисом 1917 года, высказался в 1995 г. один из крупнейших российских историков 1917 года В. И. Старцев. Он, в частности, писал: «... с точки зрения вопроса о власти, корниловщина действительно была четвертым политическим кризисом 1917 г., а октябрьские события – пятым»¹². Эту точку зрения в 1998 г. положительно оценил один из крупнейших специалистов по истории России начала XX в. С. В. Тютюкин. Он писал: «... уже наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая наряду с Великой французской революцией конца XVIII в. стала одной из крупнейших вех мировой истории»¹³. В 1990-е гг. тезис о событиях 1917–1921 или 1917–1922 гг. как о едином периоде «второй российской революции»

⁸ Донскова Л. А. К вопросу о периодизации и типологии революции в России // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научных статей. Вып. 1. СПб.: Третья Россия, 1993. С.10–14.

⁹ Дмитренко В. П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Материалы первой сессии международной научной конференции 28–30 июня 1993 года. Ч. II. М.: Прометей, 1994. С. 98–99.

¹⁰ Донскова Л. А. Указ. соч. С. 10–14.

¹¹ Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 98–99.

¹² Старцев В. И. Революция 1917 года в новейшей учебной литературе // Революция 1917 года в России. Сб. научных статей. СПб.: Третья Россия, 1995. С. 169–170.

¹³ 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5.

появился в ряде учебников и учебных пособий¹⁴. Эту точку зрения неоднократно пропагандировали д.и.н. В. С. Измозик и к.и.н. С. Н. Рудник¹⁵. Так что данную концепцию сложно назвать «новой». Другое дело, что только несколько лет назад она стала в немалой степени общепризнанной, хотя сохраняются, что вполне правомерно для исторической науки, и другие точки зрения.

На наш взгляд, концепция Великой (Второй) российской революции позволяет, отбросив идеологические понятия «Февральская» и «Октябрьская» революции, рассматривать события 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи, подобно Английской (1642–1649 гг.) и Французской (1789–1799 гг.) революциям, как единый исторический процесс, выделяя общие черты и различия на отдельных ее этапах; изучать в единстве историю отдельных политических и социально-экономических регионов. Через определенное время у коллективов историков появится важнейшая и прекрасная возможность создать обобщающий труд «Великая Российская революция 1917–1922 гг.», что станет огромным вкладом в подлинно научное изучение российской истории на одном из самых переломных ее моментов.

Ёсиро Икэда (Токийский университет, Япония)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Либерально-конституционный. С падением самодержавия открылось пространство, в котором подданные царя стали гражданами республики. Правда, одновременно усиливались и социально-экономические конфликты, но подобное явление заметно было и в других революциях Европы XIX века, прежде всего в Июльской революции 1830 года и в ре-

¹⁴ История России IX–XX вв. Учебное пособие. СПб.: СЗПИ, 1994. Раздел III; История России. IX–XX века: Учебник для абитуриентов и студентов / Научный редактор В. С. Измозик. СПб.: Нестор, 1999. Гл. XIII; История России. XX век. / Отв. редактор В. П. Дмитренко. М.: АСТ, 2000. Гл. 3 и др.

¹⁵ Измозик В. С., Рудник С. Н. Российские революции XX века // Старцевские чтения – 2006: К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. воспоминаний и научных статей. СПб.: РПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 231–245; Измозик В. С., Рудник С. Н. События российской истории 1917–1921 годов: проблемы терминологии // Исторические записки / Отделение ист.-филол. наук РАН. Вып. 11 (129). М.: Наука, 2008. С. 437–459 и др.

волюциях 1848 года. В процессе падения самодержавия были и созидательные факторы (создание Временного правительства, сотрудничество социалистов с ним и др.), и разрушающие (паралич местных административных органов, исчезновение военной дисциплины и др.). Последние постепенно углублялись и особенно усилились после развала корниловского путча, когда революционный процесс носил все больше характер всеобщего расстройств. Итак, революция, которая началась как либерально-конституционная, теряла возможность установить такой режим.

1.2. Октябрьской революции?

Трудно определить социально-экономический характер Октябрьской революции. Она случилась в процессе расстройства политической и общественной жизни бывшей империи, а ее главным достижением (по крайней мере, в первые три месяца) было установление диктаторской власти большевиков в столице. То есть Октябрьская революция носила прежде всего политический характер.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Вообще я не признаю закономерность как категорию исторического исследования. Можно говорить только о том, до какой степени данное событие отражает главные течения эпохи. С этой точки зрения Февральскую революцию можно считать рожденной в эпохе конституционных революций. Эта эпоха относится к периоду с середины XIX века к началу XX века, когда разные регионы под давлением экономической и военной мощи Западной Европы были вынуждены устанавливать у себя конституционные режимы. Так случились Конституция Мидхата (1876), Революция Мэйдзи (1868) и Конституция Японской империи (1889), Конституционная революция в Персии (1905–1911), Португальская революция (1910), Мексиканская революция (1910–1911) и Синьхайская революция (1911–1912). В какой-то мере движение к конституционному режиму характерно и для Первой Российской революции, и Февральской революции.

2.2. Октябрьской революции?

Как указано выше, мне кажется, что категория закономерности не помогает нам понимать прошлое. Об Октябрьской революции можно сказать только то, что она в действительности открыла новую эпоху в истории человечества, представляя миру модель антирыночной модернизации через максимализацию роли государства.

2.3. *Русской революции в целом?*

Тут не уместно употреблять категорию «Русская революция в целом», поскольку характер Февральской и Октябрьской революций был весьма различный. Правда, они составляли единый процесс, тем не менее ориентация событий круто изменилась после провала корниловского путча.

3. **Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:**

3.1. *Заговоре генералов и либералов?*

О заговоре вообще не надо говорить. Среди либералов были планы устранить Николая II, но они не имели реального значения.

3.2. *Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*

Нужно отдельно говорить о восстании солдат гарнизона. Специфика Февральской революции заключалась в существовании солдатской массы в Петрограде в связи с Первой мировой войной. Восстание солдат, а не рабочих, сыграло решительную роль 27 февраля. Так, я признаю стихийное восстание солдат как важный фактор Февральской революции. Но оно представляет собой лишь одну часть комплекса событий в конце февраля – начале марта 1917 года.

3.3. *Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Я предпочитаю эту версию как трактовку Февральской революции. Какое бы важное значение ни имело солдатское восстание в Петрограде, его смогли бы уничтожить войска с фронта. Но фронт не послал достаточного количества военных в столицу из-за того, что Родзянко дезинформировал командующих армиями. Также значительную роль сыграли и другие думцы, решившие взять власть и приславшие комиссаров в главные пункты столицы.

4. **Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:**

4.1. *Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*

Нужно отдельно говорить о рабочих и крестьянах. Большевики издали Декрет о земле с тактической целью, а в принципе пренебрегли интересами крестьян. По отношению к рабочим большевистская власть, по крайней мере, субъективно, старалась осуществить их интересы. Правда, потом, уже в годы гражданской войны, жесткая диктатура партийного аппарата принципиально противоречила интересам пролетариата.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

О советской демократии при большевиках говорить не уместно. Настоящая советская демократия требовала бы, чтобы ВЦИК был реальным верховным органом власти, а в действительности большевики создали СНК и стремительно лишили ВЦИК дееспособности.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Не стоит говорить об исторической необходимости Октябрьской революции, поскольку она была в значительной мере продуктом воли Ленина. Он предполагал, что капитализм вообще находится накануне гибели, и рассчитывал, что социалистическая революция в России возбудит революции в Европе. Без воли Ленина не произошло бы Октябрьской революции.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Вызвав гражданскую войну, Октябрьская революция привела к огромному истощению ресурсов страны. Значит, в Октябрьской революции видеть способ преодоления отставания России невозможно. Можно сказать только о том, что она открыла перед страной дорогу к автаркии.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооружённые конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

На вопрос о том, возможно ли принять трактовку термина «гражданская война» в широком смысле, я хочу ответить, что, прежде всего, нужно изучить то, как современники употребляли данный термин и в 1917 г., и в 1918–1921 гг. Что касается трактовки термина в узком смысле, я готов принять ее, добавив, что гражданская война в России имела многогранный характер: она была и продолжением Первой Мировой войны, и совокупностью конфликтов новых национальных государств, и т. д.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Не согласен. Расстрел демонстраций по приказу царя касается взаимоотношений между официальными (единственно легитимными) властями и народом. А гражданская война возникает, по моему мнению, лишь в той ситуации, где официальные (единственно легитимные) власти уже не существуют.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтной) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Согласен. С восстанием чехословацкого корпуса революционные конфликты в России расширили свой территориальный масштаб. Теперь Поволжье и Сибирь также стали ареной стратегической борьбы. Значит, гражданская война в России стала евразийской. К тому же именно восстание чехословацкого корпуса стало предлогом для военной интервенции ряда держав. То есть, это восстание привело к тому, что революционные события в России вновь соединились с Первой мировой войной.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.)

Я склонен принимать вторую версию. На Дальнем Востоке интервенция Японии сыграла немалую роль в ожесточении гражданской войны. А на Севере и Юге масштаб интервенции был ограничен. В особенности военная помощь Великобритании Деникину была небольшой и не смогла оказать существенное влияние на ход событий на фронте.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Кризис представлений народа о власти в 1917 г. (точнее, такой кризис начался еще в 1916 г. в связи со скандалом вокруг Распутина) и восстановление властной иерархии в годы Гражданской войны – такую главную линию событий выдвинули ряд важных специалистов по Российской революции, включая В. П. Булдакова, Б. И. Колоницкого и В. Б. Аксенова.

Г. М. Ипполитов (ПГУТИ, г. Самара)¹

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Считаю, что целесообразно рассуждать не о Февральской и Октябрьской революции, а о Великой российской революции 1917 года, в которой выделять три взаимосвязанных периода: 1) Начало революции – падение (именно падение, а не свержение монархии, царь сам отрекся от престола); 2) между Февралем и Октябрем – углубление и расширение революции; 3) октябрьское вооруженное восстание, приход к власти большевиков и первые попытки строительства нового мира.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Год 1917-й, год революционный – болевая точка общественного созна-

¹ Тезисы, представленные в данных ответах на Вопросник, синтезированы на основе следующих работ Г. М. Ипполитова: Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А. И. Деникина в 1890–1947 гг. Второе изд., переработанное (моногр). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 244 с; Летопись братоубийства (Очерки советской историографии Гражданской войны на юге России) / послесловие С. Н. Полторака. Самара, 2009. 517 с. Когда русские убивали русских: моральный дух красных и белых в вихрях безумия братоубийственной бойни (ноябрь 1917 – 1920). Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 512 с.; Россия. Год 1917-й. Цивилизационный разлом. Размышляя о 1917-м: круглый стол к 100-летию российских революций // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. наук. 2017. № 2. С. 151–153; Российская революция и Гражданская война (1917–1922 гг.) в зеркале исторической психологии: о некоторых фрагментах большого целого // «От фрагмента к целому: парадигмы культурных изменений». Материалы Междунар. науч. конф. (Самара, 2016 г.) = “From Fragment to Wholeness: Paradigms of Cultural Changes” Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2017. С. 443–467; Разложение Русской армии и ее последнее наступление (лето 1917 г.): точка невозврата // Память о прошлом-2017: IV историко-архивный форум, посвященный 100-летию революции 1917 г. в России (Самара, 18–20 апреля 2017 г.). Материалы и доклады: сб. ст. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 190–199; Выступление на круглом столе в ПФ ИРИ РАН // Эпохальное событие: взгляд через век. Круглый стол, посвященный 100-летию Великой российской революции 1917 года (краткий научный отчет) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3. С. 5–9.

ния россиян. Причем эта болевая точка еще больше причиняет боли, ибо имели место в нашей истории страшные события лихих девяностых годов. Вокруг событий 1917 г. до сих пор бушуют нешуточные страсти. Проклятия и ругань перекликаются с пафосом панегириков революции. С трудом пробиваются в средства массовой информации честные исследователи, пытающиеся максимально приблизиться к объективности и историзму в своих концептуальных построениях. Одновременно наживают капиталы «жулики эфира, мошенники пера, эквилибристы киберпространства» как левой, так и правой политической ориентации. Причем, дискуссии о Великой российской революции 1917 года не утихают и за рубежом родной страны. Но какие бы разнообразные точки зрения на революцию ни высказывались сегодня, ее фантаσμαгория будет еще долгое время не познана. Ясно только одно: Великая российская революция – закономерность. Отмена крепостного права в 1861 г. дала мощный импульс развитию капитализма, ростки которого появились значительно раньше. Либерально-демократические реформы Александра II способствовали эволюционному обновлению общества. Резко усилилось, однако, и революционное движение, в котором террор народников уступал место быстро распространявшемуся марксизму. Подобное положение стало причиной того, что Александр III развернул наступление реакции по всему фронту и... не добился особых успехов. Страна вступила в полосу эпохальных экономических, социально-политических и духовных перемен, венцом которых стали российские революции 1905–1907 гг. и 1917 г. Здесь сработала формула В. И. Ленина о революционной ситуации: кризис верхов – кризис низов – экстраординарное обострение положения простого народа. Вот и переросла революционная ситуация в революцию. Особенно тут надо выделить фактор Первой мировой войны, приведший, в том числе и к разложению армии, ставшему мощным деструктивным фактором революционных событий. Трудно не согласиться с выдающимся русским мыслителем Н. А. Бердяевым, писавшим, что революция «в значительной степени есть расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества»². Судить о революциях – хорошие они или плохие – пустая трата времени либо упражнения в софизме, морализаторстве вне пространства и времени. Правильнее изучать их. Как и любой исторический факт, революции должны подвергаться всестороннему исследованию. Пусть не до конца ученые разобрались в причинах явления с гордым именем «Великая русская революция 1917 года». Пусть здесь столкни-

²Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С. 51.

ваются порою диаметрально противоположные точки зрения, тем не менее, отрицать закономерный характер нашей революции 1917 года – это не что иное, как насильствование исторической истины.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Начало революции – конспирология здесь не причем. Но субъективный фактор – недовольство генералитета Верховным главнокомандующим как одно из проявлений ленинского «кризиса верхов» – следует тщательно исследовать.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Начало восстания. В нем есть элемент стихийности, так сказать перво-толчок. А дальше пошла уже игра всевозможных политических сил. Например, Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г. Он подрывал устои армии, ибо вводил не продуманные до конца демократические начала, особенно в плане реализации благих пожеланий на практике.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Согласен.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Октябрьское вооруженное восстание и приход к власти большевиков – это не есть так называемый Октябрьский переворот (хотя большевистские лидеры некоторое время данный термин использовали). Здесь налицо формационное содержание, если рассматривать данное явление в дальнейшем развитии в ближайшее время, ибо на повестку дня встал вопрос о радикальной смене форм собственности с явными элементами социализма.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Можно согласиться, если принять во внимание широкую популярность в массе «низов» лозунга «Вся власть Советам!»

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Если смотреть в исторической перспективе – создание Советского государства и его трудное, противоречивое, иногда даже возвратно-поступательное движение в сторону создания сверхдержавы через, в том числе, Великую Победу великого советского народа в Великой Отечественной войне, то с подобным тезисом можно согласиться. По крайней мере, в основном.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Полностью готов. Отсюда и периодизация Гражданской войны – февраль 1917 – 1922 г.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Раз пошло насилие, и если посмотреть развитие событий в ближайшем временном отрезке 1917 года, то, видимо, пролог Гражданской войны налицо.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Именно после него Советская Россия начала создавать фронты в качестве оперативно-стратегических объединений. Следовательно, согласен.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной.

Не согласен. Своекорыстная помощь белым со стороны Запада – это, конечно, некий катализатор боевых действий на фронтах. И все-таки с учетом глубоких внутренних противоречий в лагерях противоборствующих сторон, что перманентно обострялись по ходу братоубийственной бойни, а также и то, что огромная помощь, оказанная Антантой белым, не сняла глубоких противоречий в их взаимоотношениях, нельзя оценивать интервенцию Четверного союза, Антанты, а также и Японии в качестве фактора, без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы *маловероятной*.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.)

Не согласен.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Не согласен. Совсем скидывать со счетов интервенцию нельзя. Но здесь сложилась уникальная ситуация: сам факт обращения за иностранной помощью в Гражданской войне говорит не в пользу военно-политических лидеров Белого движения. Причем помощь, которую получали белые политические режимы от Антанты, оборачивалась против них, ибо советская власть смогла придать своей борьбе исключительно патриотический характер – борьбы, в том числе и против иноземного порабощения.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

10.1. Кровавая прелюдия российской Гражданской войны – Великая российская революция 1917 года, начало которой, в свою очередь, резко ускорила Первая мировая война.

10.2. Гражданская война в России сложнее, чем противоречия между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками. Она включала в себя борьбу следующих основных сил: *социалистических; анархических; буржуазно-демократических; реакционно-монархических*. Кроме того, в той безумной братоубийственной бойне столкнулись центробежные и центростремительные тенденции; национальные и политические течения. Нельзя не отметить, что в рамках российской Гражданской войны прошла еще и Советско-польская война (1920). Война специфическая, на которую существенный отпечаток наложила вторая русская смута. Это нашло отражение, в частности, в столкновении национальных и интернациональных идей.

10.3. Причины Гражданской войны в России – не в попытках различных партий и группировок захватить (или вернуть) политическую власть. Они значительно глубже и кроются в тех глубинных социально-политических, экономических и духовных процессах, приведших общество к той грани, за которой начался этап вооруженного противоборства и массового насилия. Того самого страшного красного и белого террора.

10.4. Под каким бы углом зрения ни оценивалась Гражданская война в исторических источниках и литературе, ее сущность и содержание – безумие братоубийственной бойни.

В. В. Калашников (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете *социально-экономический* характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Февральская революция по своему *социально-экономическому* характеру и сути была революцией буржуазно-демократического типа. Характер революции определялся как теми задачами, которые назрели и требовали решения, так и политическим результатом революции: власть перешла в руки кадетов – партии, готовой выполнить программу буржуазно-демократических реформ. Отказ кадетов от радикального и быстрого решения задач общедемократического характера открыл дорогу к власти более радикальной партии, что привело к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую.

1.2. Октябрьской революции?

Социально-экономический характер Октябрьской революции также определялся как теми задачами, которые назрели и требовали решения, так и программой победившей политической партии – большевиков. В условиях России с очевидностью назрела аграрная реформа. При этом требования крестьян (отмена частной собственности на землю) объективно выводили революцию за рамки обычной буржуазной революции. Большевики использовали эту национальную специфику русской революции. Их программа состояла в том, чтобы обеспечить самое радикальное решение общедемократических задач так, чтобы превратить их в переходные шаги к социализму. Они выполнили свою программу, что и определило характер и исторический смысл Октября как социалистической

революции: уже в годы Гражданской войны капиталистический уклад потерял ведущие позиции и более их не занимал вплоть до 1993 года.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Да, Февральская революция была закономерным результатом отказа правящих кругов от своевременного проведения назревших реформ. Это точка зрения была ведущей в советской и остается таковой в постсоветской историографии. Она отражена в концепции «кризиса самодержавия», которую разрабатывали в Ленинграде – Санкт-Петербурге такие историки, как Р. Ш. Ганелин и Б. В. Ананич, а в Москве В. В. Шелохаев и его школа.

2.2. Октябрьской революции?

Да, Октябрьская революция была закономерным результатом отказа Временного правительства от решения вопросов о земле и мире в интересах рабочих и крестьян. Ее закономерность в условиях России была обусловлена как национальными особенностями, так и международными условиями. Главная национальная особенность состояла в том, что русское крестьянство выступало против принципа частной собственности на землю, что объективно выводило демократическую революцию в России за рамки буржуазной. Особенность международной обстановки состояла в том, что участие России в первой мировой войне противоречило ее коренным интересам. Это порождало приверженность широких масс лозунгу «Мир без аннексий и контрибуций». Та партия, которая была готова вывести страну из мировой войны даже ценой сепаратного мира, а также выполнить аграрные требования крестьян, получала закономерную поддержку масс. Отмечу, что именно так трактовали проблему закономерности Октября Ленин и два крупнейших историка-марксиста в России того времени – Н. И. Рожков и М. Н. Покровский. С 1967 г. эта трактовка стала общепринятой в советской историографии в результате преодоления трактовки, созданной усилиями московских историков школы А. Сидорова, которые делали акцент на тезис о зрелости материальных предпосылок для социалистической революции в России¹.

2.3. Русской революции в целом?

Да, в том контексте и по тем причинам, которые указаны выше.

¹ См. об этом подробно: Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. СПб., 2020.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. *Заговоре генералов и либералов?*

Нет.

3.2. *Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*

Да.

3.3. *Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Да. Третий пункт **в целом** наиболее точно отражает суть событий, но необходим учет и второго пункта. **Начальная** фаза революции являла собой стихийное восстание рабочих и солдат петроградского гарнизона. Революция как прямая борьба за власть началась утром 27 февраля в результате стихийного восстания солдат Волынского полка, которое немедленно слилось с демонстрациями рабочих, начавшихся еще 23 февраля. Во второй половине дня 27 февраля стихийное восстание возглавила Дума в лице Временного комитета своих членов, представлявших все фракции, кроме правых. Заговора генералов и либералов с целью свержения власти путем верхушечного переворота практически не было. Шли только разговоры о том, что такой заговор необходим и может остановить революцию. Иными словами, либералы не начали революции. Тем не менее, решение Думы ее возглавить было важным: генералы поддерживали Думу, чтобы спасти страну от гражданской войны и тем сохранить возможность продолжать войну с Германией. После того, как Совет рабочих и солдатских депутатов выступил против сохранения монархии, лидеры Думы и командующие фронтами побудили царя отречься от престола, а брат Михаил не принял трон. Главные герои революции – рабочие и солдаты Петрограда.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. *Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*

Нет.

4.2. *Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Да. Второй пункт точно отражает суть событий. Арест Временного Правительства сам по себе не давал большевикам в руки государственную

власть. Исход работы II Всероссийского съезда Советов мог быть разным. Вполне вероятным было образование однородного социалистического правительства. Уход лидеров эсеров и меньшевиков открыл большевикам путь к формированию большевистского правительства.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Да. Второй пункт является приоритетным. Его верность доказана всей дальнейшей историей. Первый пункт также несет в себе рациональное зерно в том плане, что выход из кризиса в той ситуации был возможен только путем радикального решения вопросов о земле и мире.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да. Это единственно правильная трактовка.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Согласен.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Согласен.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Да. Именно так.

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Мне такие выводы неизвестны. Их никто не сформулировал в четком виде.

В. В. Канищев (ТГУ им. Г.Р. Державина, г. Тамбов)

1. Как Вы определяете *социально-экономический* характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Как революции, имевшей элементы демократии и военного переворота. Частично согласен с традиционным определением как буржуазно-демократической, принимая во внимание оппозиционные настроения буржуазии и либерального дворянства к политическому курсу самодержавия.

1.2. Октябрьской революции?

Оцениваю ее как крайне радикальный способ приобретения власти в контексте использования популистских социальных лозунгов, ориентированных на наиболее нуждающиеся слои населения. Демократическая сущность не увязывается с агрессивной формой смены власти и последующих действий, вошедших в историю как «диктатура пролетариата». Яркими примерами этого служат разгон всенародно избранного Учредительного собрания и проведение политики террора по отношению к классовым и политическим оппонентам с первых месяцев установления советской власти. Вопрос о прекращении Первой мировой войны сложно оценивать как гуманистический шаг, поскольку большевики фактически трансформировали ее в Гражданскую войну. Вопреки Декрету о мире они пошли на мирный договор путем территориальных уступок (аннексий) и согласия на контрибуцию Германии. В вопросах социальных преобразований мы можем согласиться с началом проведения реформ в интересах широких слоев общества (социализация земли, национализация промышленности и торговли, решение продовольственного вопроса в интересах нуждающихся и т. п.), но, учитывая ход развития событий по конфликтному сценарию, ожидать скорого результата этих реформ было невозможно.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. С одной стороны, неразрешенность противоречий, приведших к Первой русской революции и усугубленных непоследовательными «стольпинскими» реформами, обострили кризис самодержавной власти; непростая ситуация, сложившаяся на фронтах Первой мировой войны и «министерская чехарда» в тылу также обостряли положение. С другой стороны, в роковой 1917 г. Россия вступала на «волне» в целом успешной кампании 1916 г. и имела амбициозные планы и возможности на предстоящий год; проблема дестабилизации власти не затрагивала широкие слои общества до отречения императора.

2.2. Октябрьской революции?

Причины Октябрьской революции были более закономерными. Непоследовательный курс Временного правительства, не имевшего конкретного комплексного плана внутривнутриполитических преобразований, вылился в постоянные политические кризисы. Постоянное откладывание выборов в Учредительное собрание лишь затягивало процесс проведения необходимых реформ. Система многовластия (Временное правительство, Советы, Исполнительные комитеты, городские и земские самоуправления и др.) деструктивно влияла даже на оперативное управление страной. Отдельно стоит упомянуть о Приказе № 1, который, по сути, стал отправной точкой в разрушении старой армии при общем сохранении курса «Война до победного конца». Превращение П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, Л. Г. Корнилова и др. деятелей Февральской революции в одиозные политические фигуры раскололо некогда единый «демократический лагерь». Он стал неспособным противостоять радикальным силам во главе с большевиками. Мы согласны с тем, что Октябрьский переворот в Петрограде произошел относительно легко. Однако быстрого установления советской власти по всей стране не произошло. В ответ на новую революцию в стране стали подниматься контрреволюционные силы, что естественно вело к открытой, организованной Гражданской войне и невозможности проведения полномерных социалистических преобразований.

2.3. Русской революции в целом?

Мы можем согласиться с закономерностью Революции 1917 г., поскольку в условиях действия принципа «Верхи не могут, низы не хотят» вопрос революционного взрыва становится неизбежным. Вместе с тем, имели зна-

чение ситуативные обстоятельства, связанные с конкретными политическими деятелями, а также внутри- и внешнеполитическими факторами.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Признавая общее участие в февральских процессах высшего военного командования и либеральной оппозиции, мы не можем однозначно утверждать, что это был организованный, заранее планируемый заговор. Их действия во многом носили ситуативный характер.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Данные силы, скорее, были вовлечены в процесс государственного переворота по ходу развития событий конца февраля – начала марта 1917 г. Говорить об их неуправляемом, стихийном взрыве можно только отчасти, поскольку подобные группы общества требуют организации на профессиональном уровне. Бунтовать они могли в основном по бытовым вопросам.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Мы согласны с тезисом о слиянии широких слоев русского общества и разных политических сил в условиях достижения общей цели Февральской революции.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Нет.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Действия большевиков не могли носить демократического характера, поскольку они провозгласили себя «диктатурой пролетариата».

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Нет.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

С этим утверждением нельзя согласиться по причине того, что данная революция имела радикальный характер. Осуществление политики «догонялок» в условиях еще больших торможений Гражданской войны, послевоенной «разрухи», политики «военного коммунизма», разжигания «мировой революции», «Великого перелома» и массовых репрессий было крайне ограниченным. Ярким примером стала неготовность СССР к очередной мировой войне, победа в которой была достигнута только благодаря героическому подвигу всего советского народа.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

С указанной датой согласиться не можем. В гражданском обществе столкновения разных групп наиболее наглядно стали проявляться в апреле 1917 г. в столкновения демонстраций сторонников и противников продолжения войны.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Восстание Чехословацкого корпуса стало во многом катализатором такой войны, но здесь наложились и переплелись воедино и другие явления (крестьянское движение, казачьи восстания, активизация национальных движений на Украине, в Прибалтике и национальных окраинах, ползучая аннексия и военные действия стран Четверного союза, действия стран Антанты и др.).

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Роль иностранной интервенции в Гражданской войне в России, конечно, нельзя недооценивать. Прежде всего, это было связано с внушительными поставками оружия и боеприпасов всем контрреволюционным фронтам, действовавшим с 1918 по 1922 гг. Помимо этого в отдельных регионах поддержку антибольшевистским силам осуществляли непосредственно военные контингенты стран Антанты и Четверного союза. Вместе с тем «помощь» внешних сил в конкретных событиях на отдельных фронтах была не однозначной.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

Да.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Нет.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Изучение этого периода как части военно-революционной эпохи, начавшейся с 1914 г. Изучение поведения конкретных слоев общества в сложившихся условиях (не только пролетариата и крестьянства, но и буржуазии, городских средних слоев). Разрушение классовых стереотипов о составе противоборствующих сторон, подразумевавших до этого только крайние оценки состава революционных и контрреволюционных слоев.

Б. И. Колоницкий (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Февральскую революцию невозможно представить без проблемы продовольственного снабжения, этот вопрос имел первостепенное значение для любого правительства, и все правительства последовательно выступали за ограничение рыночных механизмов, за усиление вмешательства государства. Тем самым создавались некоторые предпосылки политики «военного коммунизма».

До тех пор, пока Россия продолжала участвовать в Первой мировой войне, важной задачей было снабжение огромной армии. До Февраля эта

задача решалась, но цена была слишком велика: экономика страны была перенапряжена, что имело серьезные социальные и политические последствия. После Февраля снабжение вооруженных сил ухудшалось.

Наконец, новый режим, установившийся после Февраля, открыл возможность для продвижения социальных и экономических преобразований, которые продвигали различные политические группы и социальные слои. Особое значение имели аграрные преобразования, влиявшие и на снабжение продовольствием, и на состояние армии. Осенью аграрное движение достигло такого масштаба, что люди разных взглядов стали говорить о новой «пугачевщине», крестьянском восстании и даже о гражданской войне в деревне.

1.2. Октябрьской революции?

Мне представляется, что социальные и экономические преобразования большевиков определялись не столько их программой, сколько потребностями тактики, задачами обеспечения победы революции, а затем и победы в гражданской войне.

Декрет о земле был «позаимствован» у эсеров, некоторые социально-экономические меры преследовали задачу борьбы с «контрреволюцией». Осознание необходимости создания огромной Красной армии неизбежно ставило вопрос о ее снабжении, транспортировке и пр. Это влекло меры, весьма напоминающие политику воюющих стран в эпоху Первой мировой войны, в особенности «военный социализм» в Германии.

Вместе с тем, политика «военного коммунизма» имела и свою специфику, главная ее особенность заключалась в том, что ее проводили убежденные социалисты. То, что в других странах рассматривалось как чрезвычайные меры военного времени, большая часть которых была демонтирована после завершения военных действий, российскими коммунистами — или, по крайней мере, частью их — считалось последней и наиболее эффективной формой организации экономики, создающей предпосылки для утверждения социализма. Тактика большевиков оказала воздействие на их долгосрочную стратегию. Государство, рожденное в условиях гражданской войны, сохранило, а отчасти и сохраняет свои родовые черты.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Я не готов говорить о «законах» развития истории. Вместе с тем Российская революция вовсе не была случайностью. Мне сложно представить себе такой сценарий, при котором страна с тем набором проблем, которые сложились в начале XX века, могла бы избежать революции в той или иной форме. Разумеется, это могла быть совершенно иная революция, можно было бы избежать гражданской войны.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Нет, не готов, три указанные версии не исключают друг друга. И я бы добавил еще крайнюю изоляцию режима, который не находил поддержки даже среди искренних монархистов — что могло влиять и на указанные факторы.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Обе предложенные интерпретации не представляются мне достаточно верными и/или точными.

Большевики сами писали о том, что восстание содержало элементы переворота, но сложно назвать его верхушечным, сложно отрицать, что приход к власти большевиков и их союзников был поддержан многими рабочими и немалой частью крестьян. И, добавлю, изрядной частью огромной армии.

Большевики предпочитали действовать в рамках советской легальности, но порой не стеснялись ее нарушать: достаточно вспомнить о том, что Ленин яростно требовал взять власть до II съезда Советов.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Мне представляется, что выходов из кризиса было несколько, другое дело, что коридор возможностей сужался. Я бы говорил здесь не о необходимости, а неизбежности Октября, хотя Октябрь мог быть иным. Поясню свою мысль. Маркс, а вслед за ним и Ленин писали о том, что всякая «великая революция» – это гражданская война (хотя у них можно найти и совершенно иные суждения). Таким образом, ключевой вопрос революции – это вопрос о гражданской войне. После «дела Корнилова» гражданская война в той или иной форме была неизбежна. Ленин, предлагая умеренным социалистам компромисс, говорил о том, что это предотвратит гражданскую войну, но он либо ошибался, либо лукавил (этот тезис противоречил его другим высказываниям). При достижении этого компромисса весьма вероятно была иная гражданская война, в ходе которой социалисты выступали бы единым фронтом (что впоследствии и происходило в некоторых регионах). Октябрь закрепил один из возможных сценариев неизбежной гражданской войны.

Суждение о том, что Октябрь в конечном итоге создал для России более благоприятные условия участия в гонке великих держав, мне представляются не вполне историчными. Да, в текстах большевиков можно найти пассажи, предвосхищающие идеологию «национал-большевизма», но все же доминировали иные векторы – идеи интернационализма, идеалы мировой революции. О «гонке» же говорили противники большевиков, например, П. Б. Струве. Логика гражданской войны заставила большевиков стать реформаторами империи, но они не всегда это осознавали и не все этому радовались.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Опыт многих гражданских войн свидетельствует о том, что они не всегда являются фронтовыми, часто, например, они ведутся как партизанские

войны. Вернее даже сказать, что гражданские войны никогда не бывают исключительно фронтовыми.

Не всякая гражданская война является классовой борьбой, и не всегда классовая война является войной гражданской. У Маркса в разных работах вопрос освещается совершенно по-разному, но один тезис присутствует постоянно: гражданская война связывается с концепцией класса и классовой борьбой. Известны, впрочем, важные примеры, когда классовая борьба играла незначительную роль в гражданских войнах.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Это зависит от того, как мы определяем «гражданскую войну». Мне все же кажется, что такое использование понятия, чрезмерно расширительное, не очень продуктивно.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтowej) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Роль восстания чехословаков трудно переоценить, но все же существовали и иные факторы – крестьянские и казачьи восстания, этнические конфликты, противостоящие друг другу проекты национально-государственного строительства. Некоторые антибольшевистские силы явно имели планы ведения именно фронтowej войны. Мог быть и иной сценарий развития такой фазы гражданской войны: большевики, как известно, серьезно готовились к войне с Германией, хотя и стремились ее избежать. До августа 1918 года такой сценарий представлялся весьма вероятным.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. *Без которого крупномасштабная (фронтowej) гражданская война в России была бы маловероятной;*

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

Интервенция была неизбежна: и Российская революция, и гражданская война были частью Первой мировой войны, «русские» проблемы тысячами нитей были связаны с иными. И до Февральской революции территория империи стала полем борьбы спецслужб, разведок, пропагандистских

структур Центральных держав и Антанты, после же революции это противостояние многократно усилилось. Множество факторов подталкивали, а иногда даже и вынуждали внешние силы вмешиваться в борьбу на постимперском пространстве. Достаточно упомянуть проблему военнопленных: если для Антанты наличие чехословацкого корпуса было и проблемой, и ресурсом, то и у Центральных держав существовали планы использования «своих» военнопленных.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Мне представляется, что такие хронологические рамки лучше позволяют увязать революцию с гражданской войной, что подталкивает исследователей задуматься о природе этих явлений.

Это позволяет также уделить большее внимание «имперскому» измерению революционных и военных процессов. В современных условиях это представляется особенно важным.

Вместе с тем нельзя не признать, что такая периодизация встречает и обоснованную критику. Справедливы, например, утверждения о том, что при таких хронологических ограничениях мы упускаем своеобразие «февральского» периода.

Вряд ли может быть такая периодизация, которая устроила бы всех исследователей, сама задача определения хронологических рамок зависит от цели исследования, выбора методологии и языка описания (я уже не говорю об общественных и политических взглядах историков). Так, например, британский исследователь Дж. Смил пишет о «русских» гражданских войнах 1916–1926 годов. Здесь не революция предшествует гражданской войне, а гражданская война – одна из гражданских войн – революции. И у такой постановки вопроса есть своя логика.

Д. А. Коцюбинский (Европейский университет, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Краткосрочное и политически центрированное слияние: 1) бунта образованных классов против, с их точки зрения, нелегитимного самодержца –

с 2) бунтом «низов» против, с их точки зрения, нелегитимной войны и нелегитимного общественного устройства, в тот момент олицетворяемых царской властью.

1.2. Октябрьской революции?

Политически оформленный бунт «низов» против нелегитимной войны и нелегитимного общественного устройства, олицетворяемых «помещиками и буржуазией» и Временным правительством.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Да, с поправкой на то, что любая революция – это, по сути, цепь «точек бифуркации». В каждой из таких точек субъективный (личный и иной случайный) фактор может придать объективно предопределённым процессам ту или иную направленность, в дальнейшем становящуюся объективной: эффект «витязя на распутье», у которого в данный момент есть субъективный выбор, но после того, как выбор сделан, путь становится объективно предопределённым – вплоть до следующего «распутья».

2.2. Октябрьской революции?

Такой же точно ответ.

2.3. Русской революции в целом?

Такой же точно ответ.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Если говорить о рабочем, а затем и солдатском восстании в февральские дни, то роль Прогрессивного блока в этом была общепровокативной (сами его участники были искренно убеждены в том, что «тушат пожар», а не разжигают его, – но В. В. Шульгин потом признался, что иногда ему казалось, что на самом деле они разжигают, а не тушат революционный пожар), но ни в коем случае не «организаторской». Если говорить о том, почему так быстро Госдума, генералитет и даже великие князья встали «на сторону революции», то, конечно, здесь сыграло роль то, что эти люди уже давно жаждали дворцового переворота и даже пытались его подготовить (убийство Распутина – одна из попыток сделать «первый шаг»; конспирация А. И. Гучкова – ещё один пример). Так что роль «генералов и либералов» была важной, поскольку без поддержки с их стороны «низовой» бунт мог быть подавлен войсками, снятыми с фронта. И все же эта

роль была вторичной по отношению к стихийно родившемуся «снизу» (хотя и под влиянием либеральной фронды) бунту сперва рабочих, а затем и солдат Петроградского гарнизона.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Да, с поправкой на то, что без поддержки «либералов и генералов» это восстание было бы, скорее всего, успешно подавлено (см. выше).

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Да, и это утверждение верно, но все же это слияние было последовательным. Сперва — многолетняя либеральная «газетно-думская» фронда, особенно усилившаяся в годы войны, затем — бунт рабочих и солдат в Феврале, затем — поддержка начавшегося в Петрограде восстания, по сути, всеми политическими элитами. В итоге — кратковременное «слияние всех оппозиционных сил», обеспечившее быстрое свержение Николая II.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Нет. Декреты о земле и о мире отвечали интересам «низов» и моментально сделали власть СНК в их глазах легитимной (отсюда — сравнительная легкость «триумфального шествия» Советской власти). Но здесь надо сделать оговорку о том, что сами рабочие и крестьяне плохо понимали реальные последствия реализации этих декретов, а также проведения в жизнь тех большевистских мер, которые казались «низам» в тот момент актуальными и полезными, — прежде всего речь об экспроприации земли и предприятий. За этими решениями неизбежно следовали голод, проддиктатура и развал производства. Этого рабочие и крестьяне, конечно, уже не хотели. Но они не понимали, что ленинские декреты — это популистский обман. И продолжали «не понимать» этого вплоть до 1921 г. пока сохранялась «угроза возвращения помещиков и капиталистов» и легитимированная этой угрозой повседневная чрезвычайщина.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Если понимать под советской демократией ритуальное одобрение большинством депутатов II съезда Советов уже состоявшегося без их ве-

дома захвата власти большевиками, то да. Но это, конечно, нельзя считать демократией западного типа. Это – типичный пример «земской соборности», когда в XVI–XVII вв. ритуально «обирали» царя, уже либо вступившего на престол после смерти отца, либо назначенного правительством (1598, 1613, 1682). Функция Земского собора заключалась в присяге на верность уже утвердившейся легитимной верховной власти, без всяких дебатов и альтернативных выборов. То же произошло и в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. В. И. Ленин организовал захват власти, легитимировал этот захват Декретами о земле и мире и в итоге получил поддержку со стороны съезда Советов. Без всяких дебатов. Утратившие легитимность несогласные – меньшевики и эсеры – просто удалились. III съезд Советов в еще большей степени в этом плане выполнил функцию Земского собора, одобрявшего действия легитимной «большевистско-самодержавной власти».

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Нет. Из всех возможных вариантов преодоления «точки бифуркации» был выбран самый культурно разрушительный и античеловеческий, причем террор и войны в дальнейшем продолжали физически истреблять общество на протяжении еще нескольких десятилетий, что сопровождалось миллионами жертв, уничтожением целых классов и групп населения, убийством свободы слова и свободы творчества и т. д.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Если понимать под «отставанием» отставание в армии, вооружениях и сопутствующих технократических аспектах, то да. Если брать гуманитарные стороны социальной жизни, то нет. Общество в эпоху советской власти вступило на путь культурной деградации и последовательного истребления образованных классов и их культурных традиций.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Я считаю, что любой термин в рамках каждого исследования должен быть конвенционализирован. Допустимы и эти два варианта конвенционализации термина «гражданская война».

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Нет, не согласен. Февральская революция, если понимать под ней прежде всего безнаказанные убийства по политическим мотивам, де-факто началась убийством Григория Распутина. Все остальное просто развивалось по нарастающей. Убийство пристава М. Е. Крылова на Знаменской площади, к слову, произошло 25 февраля.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Нет, не согласен. Конфликт Красной армии с Добровольческой армией и казаками Дона и Кубани приобрел армейско-фронтовой масштаб за несколько месяцев до восстания Чехословацкого корпуса.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Война на Юге (Красная армия – против добровольцев и казаков) началась до восстания Чехословацкого корпуса и продолжилась бы в любом случае. Что касается других регионов, то без фактора иностранной помощи небольшевицкие режимы не смогли бы возникнуть и удержаться на Севере (силы Антанты) и Северо-Западе (немцы). В Поволжье, на Урале и в Сибири без восстания Чехословацкого корпуса свержение советской власти и последующая организация сопротивления большевикам были бы гораздо более проблематичными. На Дальнем Востоке фактор иностранного присутствия существенно продлил существование небольшевицкой власти. Однако поддержка иностранцев – и на Юге, и в Сибири, была ограниченной. Правительство Колчака так и не было признано странами Антанты как законное. Соответственно, помощь ему была недостаточной. В целом можно сделать вывод, что фактор иностранной поддержки существенно помог антибольшевицким силам, но эта помощь не была решающей. При этом, даже если бы ее не было вовсе, военные действия казаков и большинства старых офицеров, а также целого ряда национальных регионов – прежде Закавказья и Средней Азии – против большевиков были в любом случае неизбежны.

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

Да, скорее так, хотя таких регионов было несколько (см. выше);

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

Нет, не согласен.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Основной новый вывод в том, что Гражданская война не была «навязана» советской властью интервентами и «помещиками и капиталистами», но явилась следствием произошедшего в Феврале 1917 г. крушения монархии и начавшейся по этой причине «войны всех против всех», или, говоря русским языком, «смуты». Также важным выводом является новая, более расширенная, периодизация Гражданской войны, из которой ясно следует, что роль идеологии и политики СНК и лично В. И. Ленина в событиях Гражданской войны носила определяющий характер, в итоге чего гуманитарные издержки этой «войны всех против всех» оказались максимальными и цивилизационно необратимыми.

Т. Краус (Будапештский университет, Венгрия)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Специфическая демократическая революция, движущая сила которой – рабочие, солдаты и крестьяне. Они вместе с одной частью высших слоев власти свергли монархию и открыли перспективу революционного процесса, который достиг своего кульминационной точки в Октябрьской революции. Февраль – это «буржуазная свобода», российское общество освободилось от феодальных-крепостнических «остатков», все слои общества «формировали» свои социально-экономические интересы, и формировались новые политические лагеря, прежде всего, Советы и партии нового парламентаризма (земля, конституция, собственность, т. е. власть как основные вопросы).

1.2. Октябрьской революции?

Октябрь (разные уровни революции, рабочая, крестьянская и солдатская революция) — поляризация и радикализация политических лагерей, появились два социалистических элемента развития: советская власть как структура революции и свержение революционными массами под руководством партии большевиков — зная, не зная — господства частной собственности. Национализация и раздел земли, советская и государственная собственность и рыночно-капиталистический сектор в смешанной экономике.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Ленин и большевики просто поняли (10 миллионов людей в Советах, борьба крестьян за землю и т. д.), что революционное движение масс очень редко бывает столь сильным в истории, и решили: «теперь или никогда». Партия большевиков была частью предпосылок для Октябрьской революции. Без большевиков, конечно, не было бы революции в октябре, однако не только они делали революцию, но и революция делала большевиков, формировала большевизм. Они поняли ту историческую особенность, слабость буржуазно-капиталистического развития российского общества, о которой позже говорил Грамши в «Тюремных тетрадах»: «Русский студень». Определяющая альтернатива в ходе российской революции: Ленин или Колчак. И это главная закономерность российского развития, которая отражается в процессе истории Русской Революции.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Конечно, нет. Все эти элементы играли свою роль, но главные причины и «элементы» уже были налицо в истории первой русской революции (связь 1905–1917 гг.): Советы, самоорганизация народных масс, разложение армии, кризис самодержавия и мировая капиталистическая, империалистическая война в глобальном масштабе.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Опять то же самое. Эти уровни в развитии революции играли важную роль, они переплетались, но форму развития в конечном счёте определила партия большевиков.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реальному способу преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Здесь теоретическая и историографическая проблема, как понять «необходимость» и «догнать». В других местах я излагал эти проблемы, тут не успею. Но важно помнить, что Ленин точно знал, что история не владеет целью, история не телеологический процесс, а содержит в себе альтернативы. Одна из альтернатив была специфическая, «не полная» социалистическая революция, потому что Запад не был «готов» на социалистическую революцию против предвидения Маркса и т. д.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооружённые конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Я чуть по-другому формулировал бы этот вопрос. Вирус гражданской войны уже был налицо в первой русской революции. Не большевики «придумали» гражданскую войну, в России по хорошо известным причинам классовую борьбу политически довели до конца. Все это началось в 1905-м году. В этом смысле слова трудно определить один или другой факт политической истории как «начало гражданской войны», где решили такие вопросы, как вопросы власти: земля, собственность, производство, культура, мораль, менталитет и т. д.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

В частности, да. Но опять здесь много других факторов, например, военно-коммунистические действия, акты.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Я просто не могу себе представить развитие без западного военного вмешательства. Это очень важный аспект. Революционеры и сторонники советской власти могли понять вовремя, что Запад никогда не будет воспринимать Советскую Россию (СССР) без крепкой военной защиты, без крепкой Красной армии (Когда «предатели» СССР, Горбачев и Ельцин, разложили страну, они были поддержаны Западом, пока «демообилизовали» Советскую Армию. Когда новая страна как конкурент Запада в мировой системе укрепились в военном аспекте, опять вернулась старая традиция...).

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Новые выводы возникли в области обнаружения «смуты», как важного элемента в истории гражданской войны, насилия и террора и в самой революции; многообразие революционного развития, «одинокость

русской революции» и его социально-экономические последствия, значение национального вопроса, особое значение «еврейского аспекта» в истории национального вопроса; много новых материалов о значении исторических личностей и их борьбы за власть. Очень важно, что многие исследователи показывали альтернативы внутри революционного развития и т. д.

И. В. Лукоянов (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Полагаю, что революция в 1917 г. в России была все-таки одна. За три с половиной года уровень жизни непрерывно падал, обратная сторона этого – рост социального напряжения и недовольства властью. Естественно, что все это – благоприятная почва для социальных протестов, которые легко набирают силу и перерастают в бунты против власти (было характерно для всех стран – и победителей, и побежденных). Проблема для администрации – как с этим бороться. До начала 1917 г. самодержавие с большим трудом, но справлялось. Однако параллельно шло два процесса: проблемы нарастали, а власть ослабевала (по многим причинам). Особенность России заключалась в том, что администрация оказалась слишком слабой. Революция – это точка, когда самодержавие утратило контроль над ситуацией в столице, что не являлось предопределенным. Взаимосвязь экономики и социального строя с революцией лишь косвенная: недостаточность уровня экономического развития сокращала для самодержавия запас прочности и возможность для маневров.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Скорее, речь должна идти о необходимости и неизбежности серьезной модернизации политического строя в сторону уменьшения прерогатив монарха и увеличения участия общества в управлении. Но форма революции при этом необязательна. Мог быть, к примеру, государственный переворот.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

- 3.1. Заговоре генералов и либералов?*
- 3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*
- 3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Как стремительно усиливавшиеся стихийные волнения, которые благодаря некомпетентным действиям городской администрации переросли в мятеж гарнизона и повлекли за собой моментальный крах не только столичной власти, но и правительства в целом, а за ним и всего государственного строя. Концепция «заговора» разрабатывалась много лет, но не получила фактического подкрепления. Слияние различных течений оппозиции также не имеет подтверждения в конкретных материалах. Кроме того, любое объяснение краха самодержавия с акцентом на сознательное объединение врагов строя сразу противоречит общей нацеленности Российской империи на победу в мировой войне (исключение составили только большевики), что проявилось даже в дни Февральской революции.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

- 4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*
- 4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Не рассматриваю как отдельную революцию. Назвал бы государственным переворотом в ходе Русской революции, который установил окончательную конфигурацию власти и доминирующую позицию в ней большевиков.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

- 5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?*
- 5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма — борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?*

Советская историография давно в прошлом, как и основные ее постулаты, которые никогда не опирались на изучение действительных процессов, а были призваны оправдать существование большевистского режима. Ленин и его сторонники и не предполагали выход из острого кризиса, наоборот, они еще более его обострили: комбинация «диктатуры пролетариата» (на самом деле – большевиков) с курсом на немедленную мировую революцию погрузили бывшую империю уже не в кризис, а в катастрофу. Выход из нее стал возможен лишь ценой значительного пересмотра ими первоначальных постулатов.

Легенда же о нарастающем «отставании» России от «передовых» стран никогда и ничем не могла быть подкреплена. Многочисленные исследования последних десятилетий без труда подтвердили заключение современников, что в начале XX века Россия являлась одной из наиболее динамично развивающихся стран, в ней уже появились все современные на тот момент отрасли производства. «Передел мира» – также из арсенала идейной борьбы. Колониальная политика с конца XIX в. перешла от территориальной экспансии к борьбе за рынки (их «переделу») без обязательных попыток установить властный контроль над чужими территориями. Идеи Ленина представляют собой в целом не слишком удачные попытки приспособить некоторые мысли Маркса к реалиям начала XX века.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да, но с рядом оговорок.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Нет, гражданская война – это закономерный результат «диктатуры пролетариата» и политики террора, она связана с приходом большевиков к власти. «Первое кровавое воскресенье» не имеет отношения к гражданской войне, это сильнейший кризис самодержавия, вызвавший как социальные последствия, так и фундаментальные перемены в государственном строе. 26 февраля – это результат преступного и нелепейшего приказа С. С. Хабалова, поставившего военнослужащих перед чудовищным выбором: вер-

ность присяге либо расстрел мирных обывателей, в том числе женщин и детей. К гражданской войне эти события также не имеют отношения.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Да. Так сложилось, что толчком к неизбежной развязке стало восстание чехов, спровоцированное большевиками. Оно способствовало консолидации антибольшевистских сил.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

На сам факт гражданской войны интервенция не влияла: большевики начали террор в отношении «эксплуататорских классов» без всякой связи с интервенцией и до нее. Иначе говоря, гражданская война изначально заложена в природу большевистской власти. Нельзя забывать, что причиной интервенции стал не большевистский переворот, а установление фактически союзнических отношений между новой властью в России и кайзеровской Германией. Интервенция способствовала фронтовой войне, но только ли она сделала такой размах конфликта возможным? Здесь возникает другой вопрос: следует ли включать в гражданскую войну национальные движения на окраинах империи, которые во многих случаях приняли вооруженную форму? Предполагаю, что нет. То есть, мы имеем дело с разными конфликтами: политическим и национальным (войны за освобождение и создание национальных государств – например, на Украине), которые в советское время были слиты в единую угрозу советской власти.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

С точки зрения политической истории не вижу существенных результатов.

В. И. Меньковский (БГУ, Минск)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Прежде всего, хотелось бы высказать мнение о термине, предлагаемом для обсуждения. С нашей точки зрения термин «Русская революция» не отвечает реалиям рассматриваемого периода. Предлагается проанализировать события, происходившие в Российском государстве (Российская империя, Российская республика, Российская Федерация) и новых государствах, возникших в ходе событий 1917–1918 гг. Поэтому анализируемым историческим событием является «русская», а не «русская» революция. Национальный вопрос, а в последующем и вопросы национально-государственного строительства являлись одними из важнейших составляющих событий, происходивших в указанный период на имперском и постимперском пространстве.

Российские историки, достаточно настороженно относятся к «национализации» истории революции, а для белорусской историографии наиболее значимыми являются два аспекта революционного процесса. Это провозглашение права наций на самоопределение и формирование новых социально-экономических принципов. Напомним, что на сегодняшний день Республика Беларусь является единственной страной, где день 7 ноября является государственным праздником. Как отмечается в официальных государственных документах, именно возможность национального возрождения и реализации идеи социальной справедливости стали важнейшими составляющими Октябрьской революции.

Хотя Февральская и Октябрьская революции 1917 г. имели разный социально-экономический характер, что было связано с различным пониманием идеи демократии, но целью обеих была трансформация российского общества. А взаимосвязанность крушения Российской империи и становления белорусской государственности очевидна. Для белорусской исторической политики сегодня более актуальным является вопрос о том, только ли революция 1917 г. дала возможность реализоваться белорусской национальной идее? Какую роль сыграла Первая мировая война как нациеобразующий фактор? Какова роль основных участников российской

гражданской войны в постановке и реализации национального вопроса на просторах бывшей империи? Как способствовали и препятствовали крупнейшие европейские державы и государства-соседи Беларуси национальному движению?

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Революция была закономерным, но не неизбежным событием. Закономерность связана с комплексом неразрешенных противоречий и требований общества к власти, но у власти была возможность начать процесс разрешения этих противоречий. Возможность не была реализована ни до, ни после Февраля 1917 г. До Февраля главная причина нереализованности этих возможностей была связана с нежеланием власти идти навстречу обществу, после Февраля — с практической невозможностью идти навстречу радикализированному социуму. В 1917 г. в России, безусловно, была революционная ситуация, но переход от революционной ситуации к революции не является неизбежным.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Объединим ответ на 3-й и 4-й вопросы. И Февраль, и Октябрь 1917 г. можно понять только через многофакторный анализ. Представляется, что в данном случае более продуктивным подходом будет не противопостав-

ление одних версий другим, а их объединение. В действительности в 1917 г. были и заговоры, и стихийные восстания, и координация действий системной и внесистемной оппозиции, и реальная социальная опора у оппозиции, ставшей властью. Но все эти факторы были лишь следствием тех нерешенных противоречий, о которых речь шла в предыдущем вопросе.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Советская историография – это очень растяжимое понятие. В разные периоды советской истории историографический нарратив менялся, и тезис об «исторической необходимости Октября» наполнялся не одинаковым содержанием. В ленинский и «послеленинский» периоды он акцентировал внимание на различных составляющих исторического процесса. Со времени Сталина, для которого Советский Союз был модификацией имперской России, революция действительно трактовалась как единственный вариант модернизации российского государства. Но для Ленина события в России были лишь началом мировой революции. Россия воспринималась им как «плацдарм мировой революции», и российская модернизация была возможна только в мировом революционном процессе. Для Ленина российский Октябрь был фактором «исторической неизбежности» мирового движения к коммунизму.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Попробуем дать краткий ответ на вопросы 6–8. Краткий, поскольку представляется, что трактовка гражданской войны в широком и узком смыслах – это устоявшаяся и вполне приемлемая терминология. При таком подходе события 26 февраля нельзя трактовать в контексте широкого смысла. Иначе некоторые события советской истории тоже пришлось бы оценивать как предвестие (или потенциальную причину) гражданской войны. Например, Тбилисские события 1956 г. или Новочеркасский расстрел 1962 г. А крупномасштабная (фронтовая) гражданская война действительно начинается весной–летом 1918 г. Связано это с рядом причин, в том числе и с действиями чехословаков. Но главным фактором, по нашему мнению, стала проведенная к этому времени реорганизация вооруженных сил основных противоборствующих сторон. Отказ от добровольного принципа комплектования армий, дисциплина, переформирование командного состава позволили и белым, и красным вывести военные действия на новый уровень, превратить разрозненные военные столкновения в полномасштабную войну.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Роль иностранной интервенции во время гражданской войны на территории бывшей Российской империи представляется существенной. Мир глобален, и геополитическую ситуацию XX века невозможно представить без взаимодействия (взаимовлияния) больших и малых государств, их совпадающих и конфликтных интересов. Российская революция и гражданская война происходили на фоне Мировой войны, Россия была ее участницей, и невозможно предположить, чтобы противоборствующие мировые стороны не прореагировали на внутрироссийские события. Поскольку внутрироссийский конфликт принял характер вооруженной борьбы, внешняя реакция на него включала в себя не только дипломатические и экономические меры, но и определенную форму военного вмешательства (интервенцию). Сначала Четверной союз, а затем Антанта пытались оказывать влияние на происходившие события и через прямое военное вмешательство, оккупируя определенные территории, и через поддержку

вооруженных сил противоборствующих сторон. Интервенция оказала определенное влияние на ход гражданской войны, но поскольку поддержка противников большевиков носила ограниченный характер, а зачастую приобретала форму имитации, она, даже в региональном масштабе, не стала решающим фактором гражданской войны.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Вероятно, именно выработка новой концепции Российской революции и является главным достижением современной российской историографии. В рамках концепции определились те направления изучения революционных событий, которые уже привлекают интерес историков или представляются наиболее перспективными направлениями будущих исследований. С нашей точки зрения, к таким направлениям можно отнести следующие:

- Мировая война и гибель империй. Российская революция анализируется в контексте глобальных процессов, радикальных европейских и мировых военных и послевоенных трансформаций.
- Множественность революционных и контрреволюционных сил. В историографии постепенно сложилось понимание необходимости ухода от концепции «единственной правды», стремление понять цели и идеалы различных участников революции и гражданской войны.
- Анализ субъекта и объекта революции. Историки пытаются разобраться, насколько активным участником революции был обыватель, какова была психология масс, какую роль играли символы, мифы и образы.
- Революция и гражданская война в российских регионах и на национальных окраинах. Поиск ответов на проблему взаимоотношений центра и периферии, соотношение социального и национального в ходе революционных преобразований становится одной из самых политизированных и «взрывоопасных» составляющих современной историографии. Включение концепций «колониализма/постколониализма» в национальные историографии новых независимых (постсоветских) государств уже вызвало острые научные дискуссии о возможности их применения к российской имперской и советской истории.
- Дилемма героического и трагического в революционном процессе. Все военно-политические силы, боровшиеся за власть, прибегали к

насильственным методам, использовали террор не только по отношению к своим противникам, но и по отношению к мирному населению. С нашей точки зрения, заслугой современной историографии является отказ от героизации этого периода истории и выработка взгляда на события 1917–1922 гг. как на общенациональную трагедию.

А. С. Пученков (СПбГУ, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Февральскую революцию следует понимать как сочетание целого ряда факторов: здесь и политическая изношенность того государственного механизма Российской империи, которому предстояло столкнуться с беспримерными тяготами Первой мировой войны; и усталость общества от потрясений военных лет; и экономические неурядицы; и, наконец, привлекательность самой эйфорической атмосферы революционных дней, активное участие в которых приняли тысячи и тысячи людей, действительно не желавших уже жить при старом порядке и активно приветствовавших приход новой власти, политический капитал которой был завоеван в дни Февральской революции. Кроме того, не будем забывать и о крайней непопулярности мероприятий царского правительства и лично Николая II – последнее обстоятельство порождало и неверие значительной массы россиян в способность власти выиграть войну. Вопрос войны будет играть определяющую роль в течение всего 1917 года.

1.2. Октябрьской революции?

Этот ответ продолжает мысль, начатую ранее: вряд ли случайно, что главным триумфатором 1917 года стала партия, обещавшая измученной стране мир во что бы то ни стало. Именно та решительность, которая отличала большевиков, радикальность лозунгов, выдвигаемых Лениным, вызывали доверие у миллионов людей: они мечтали именно о максимально быстром и предельно простом способе разрешения тех проблем, которые их в максимальной степени волновали, – вопросы скорейшего завершения войны, удовлетворения земельного вопроса в пользу крестьянства, вопроса о рабочем контроле на производстве и т. д. С моей точки зрения, решения Второго Всероссийского съезда Советов стали тем самым бесценным политическим капиталом, который позволил большевикам усто-

ять в самые трудные для них времена Гражданской войны – несмотря на все колебания, народ в это время от них так и не отвернулся, воспринимая их все же как свою власть. Вместе с тем я не склонен говорить о предопределенности победы большевиков в Октябре: 1917 год слишком сложен, многочисленные политические кризисы порождали все более причудливые формы рожденной в Феврале государственности. Временное правительство за время своего пребывания у власти проделало значительную работу; убежден, что оно имело определенные шансы устоять, если бы на их стороне была такая абсолютно ненаучная категория, как историческое и политическое везение.

Победа осенью 1917 года пролетарской революции была лишь одним из возможных сценариев развития политической ситуации – одним из наиболее вероятных, но вовсе не единственным.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Когда-то я уже об этом писал, но повторюсь еще раз: Россия в начале XX века обладала значительным количеством тяжелейших проблем, каждая из них при развитии негативного сценария развития событий могла бы способствовать созданию критической угрозы для существующей модели государственности. При этом власть предпринимала определенные шаги, которые, по ее мнению, позволили бы избежать скатывания к повторной революции. Неизвестно, оказалось бы этих усилий достаточно для замены революционного пути развития эволюционным – ныне мы можем только гадать по этому поводу. Вступление России в Первую мировую войну сделало революцию в нашей стране в высшей степени вероятной, однако не неизбежной – история могла бы пойти и по другому пути, если бы судьба была бы более милостива к нашему Отечеству. Вместе с тем мне трудно представить, что Россия смогла бы пережить XX век в парадигме сословного строя и наследственной монархии. В подобном же духе можно развить и ответ о закономерности Октября: выскажу лишь мнение о том, что в исторической литературе недооценивается значение корниловского выступления, в огромной степени обусловившее девальвацию несомненного на тот момент авторитета А. Ф. Керенского и «воскресившего» пребывавших после Июльских дней в «политическом офсайде» большевиков. Провал корниловского мятежа сделал приход к власти в России

диктатуры левого толка максимально вероятным – тактика политического маневрирования, продолженная Керенским в сентябре–октябре 1917 г., была в этих условиях обречена на неудачу.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

- 3.1. Заговоре генералов и либералов?*
- 3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*
- 3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Мне кажется, что каждая из этих версий по-своему несостоятельна. Серьезные исследования последних лет дополняют сложившиеся как в советской исторической, так и в эмигрантской литературе, а также в зарубежной историографии трактовки Февраля, который следует трактовать именно как *сочетание целого ряда взаимодополняющих факторов*. Кроме того, не будем забывать и о совершенно определенной деморализации и растерянности власти, не сумевшей, по сути, ничего противопоставить наступлению революционной стихии.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

- 4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*
- 4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Напомню, что в течение первых лет существования советской власти большевики вовсе не считали сколько-нибудь зазорным использовать термин *переворот* в рамках описания технологии и способа своего прихода к власти. К моменту Октября 1917 года Временное правительство находилось у власти уже в течение семи месяцев, бюрократические институты обслуживали новый политический режим, не подвергая сомнению его легитимность. Подготовлены были все условия для проведения в самом ближайшем времени первых в истории страны всеобщих, прямых, равных и тайных выборов во Всероссийское Учредительное собрание, решения которого могли бы позволить найти приемлемый для значительного большинства населения России выход из целого ряда, каза-

лось бы, неразрешимых вопросов. Можно говорить (и говорить аргументированно и убедительно!) о трагической неспособности Временного правительства справиться со стоявшими в тот момент перед страной проблемами, но это не отменяет того обстоятельства, что Октябрьская революция, безусловно, была переворотом, в результате которого было свергнуто законное правительство. Точно также, впрочем, нелепо и отрицать тот факт, что приход к власти большевиков и их временных политических союзников был воспринят на том этапе значительной частью страны с искренней радостью: с Лениным и его правительством Россия имела все основания связывать большие надежды. Добавлю от себя, что первые декреты советской власти явились квинтэссенцией пожеланий миллионов и миллионов людей.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

При ответе на этот вопрос я склонен согласиться с замечательным петербургским историком В. С. Измозиком, написавшим когда-то о том, что Ленину удалось сформулировать, по сути, новую национальную идею – ускоренный путь движения к социализму. Безусловно, что Октябрь стал крупнейшим мировым событием двадцатого века. Думается, что резонанс от Октября был столь значительным, что перевел отношения между трудом и капиталом на Западе в новую, более гуманистическую плоскость, рабочий класс мира действительно немало получил благодаря Октябрьской революции в России. В этом плане Россия в 1917 году впервые в своей истории выступила в роли мирового «проектоносца», локомотива передовых идей. С другой стороны, высоко оценивая привлекательность ленинской модели социализма, я не могу ни утвердительно, ни отрицательно ответить на вопрос: стоили ли немислимые человеческие издержки, понесенные нашей страной в XX веке и, как ни крути, связанные с выбором Россией ленинского пути развития, тех достижений и побед, которых удалось добиться в ходе реализации советского проекта? Верным ли и оптимальным был для нашей страны ленинский путь? Не надорвалась ли наша

нация за время пути следования по заветам Ильича? И ныне, в год столетия смерти Ленина, на все эти вопросы я сам себе не могу дать ответа.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Мое понимание термина «гражданская война» предусматривает в первую очередь наличие такой базовой характеристики, как военное противостояние между соотечественниками, разделенными непримиримыми противоречиями. Слово «соотечественники» в этом предложении ключевое. Главный урок, который следует извлечь из российской междоусобицы, — следующий: в Гражданской войне нет и не может быть победителей, в ней есть только проигравшие; нация же, пережившая трагедию Гражданской войны, никогда не сможет залечить раны, полученные в период братоубийственного противостояния. На Графской пристани возвращенного ныне в лоно России Севастополя, откуда в ноябре 1920 г. уходили на Чужбину остатки Русской армии П. Н. Врангеля, есть неприметная мемориальная табличка. На ней написано: «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Россию в ноябре 1920 года». В одном слове — соотечественники — заключена вся трагедия Гражданской войны.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля — второе «кровавое воскресенье»)?

Нет, не согласен. Это лишь свидетельствовало о том, что Николай II не видел никаких иных способов борьбы с волнениями в Петрограде и не был способен извлекать какие-либо уроки из прежних политических ошибок.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Сформулирую свой ответ таким образом: все условия и предпосылки для начала крупномасштабной Гражданской войны к лету 1918 г. уже существовали. Достаточно было малейшей искры для того, чтобы произошла масштабная детонация. К этому моменту российские антибольшевистские силы еще не обладали достаточным для свержения большевиков военным потенциалом, но вместе с тем они имели существенную базу поддержки среди населения. Восстание чехословаков выступило в роли

катализатора – оно вывело противостояние в России между большевиками и их противниками на качественно иной уровень.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Я бы выразился осторожнее: без помощи иностранной интервенции (как военной, так и экономической) антибольшевистскому движению было бы необычайно трудно превратиться из локального фактора в общероссийскую силу, выступавшую в качестве реальной альтернативы советской власти.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Я считаю, что любые формы узаконения какой-то единственной периодизации Русской революции сами по себе не слишком продуктивны: многие годы работая над данной проблематикой, я слышал от своих коллег самые разные варианты периодизации – каждый из них мне казался достаточно убедительным. Специфика исторического процесса, присущего этому периоду, слишком сложна и многозначна. Я бы скорее говорил о том, что для едва ли не каждого крупного региона нашей страны характерна своя специфическая периодизация этапов революции и Гражданской войны. Вспомним Юг России, Сибирь, Дальний Восток, Север. Другое дело – школьный или вузовский учебник, в этом жанре исторической литературы установление какой-то общей и единой хронологии Русской революции необходимо и полезно.

А. В. Силин (Арктический НИЦ МО РФ, г. Северодвинск)

1. Как Вы определяете *социально-экономический* характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

В значительной мере солидаризируюсь с традиционной для советской историографии интерпретацией этой революции как революции буржуаз-

но-демократической с мощной демократической составляющей. Это была во многом революция надежд. Те же народные учителя и педагоги школ повышенного типа (высших начальных училищ) искренне надеялись, что революция принесет с собой подъем их социального статуса в обществе и улучшение материального положения¹. Стоит учесть и роль буржуазной оппозиции самодержавию и ее участие в февральско-мартовских событиях в Петрограде и в регионах страны. При этом не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что значительная часть российской буржуазии к Февралю 1917 года оставалась «классом в себе», а не «классом для себя», не вполне осознавала свою политическую роль в обществе, предпочитая договариваться с властями предрержащими.

1.2. Октябрьской революции?

Готов трактовать ее как социалистическую, уточнив, однако, что в ней удивительным образом переплелись общедемократические и социалистические цели и требования. Для продвижения к собственно социалистическому этапу революции необходимо было решить широкий спектр первоочередных и общедемократических задач (прекращение Первой мировой войны и достижение мира без аннексий и контрибуций, о земле, о праве наций на самоопределение, рабочий вопрос и вопрос женской эмансипации, демократические права и свободы, создание единой и преемственной системы образования и др.). Одновременно решение общедемократических задач, с одной стороны, создавало основу для последующего, социалистического этапа революционных преобразований, а с другой, – неизбежно ограничивало социально-классовый состав его участников, тех, кто готов был двигаться к социалистическому этапу развития. И еще один уточняющий момент. Решение общедемократических задач привлекало на сторону большевиков тех, кто не разделял большевистскую идеологию, но был готов трудиться на благо Родины.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Да, она в значительной мере носила закономерный характер, так как высшая власть оказалась неспособной взять на себя решение того комплекса острых и актуальных задач, которые были поставлены на повестку дня Первой российской революцией. Вот один только пример. Экономичес-

¹ Силин А. В. «Интеллигентный пролетарий»: учитель в Российской революции и Гражданской войне: (на материалах Европейского Севера): монография. Архангельск, 2009. С. 37–57.

ческое развитие страны с настойчивостью требовало введения начального всеобщего. Соответствующий законопроект был разработан и внесен на обсуждение в Государственную Думу, но его принятие в дореволюционной России так и не состоялось. Первая мировая война, ее тяготы и поражения привели к развенчанию «священного ореола» власти. Все это в немалой степени способствовало тому, что Февральская революция свершилась.

2.2. Октябрьской революции?

Да, в том смысле, что проблемы в жизни страны, выдвинувшиеся в послефевральский период, а также доставшиеся в наследство от царизма, и решения которых требовали широкие народные массы, оставались неразрешенными. Как следствие – расширяющееся недовольство населения уже новой, постреволюционной властью. Россию в период между Февралем и Октябрем лихорадило от серии кризисов, каждый из которых на порядок обострял ситуацию в стране. Число сторонников Временного правительства меняющихся составов резко падало, народ устал от «кошмара коалиций», а кризис приобретал системный, всеохватывающий характер. К Октябрю власть лежала на земле. Реально встать на защиту власти с оружием в руках практически никто не собирался. Депеши из Петрограда о «разгуле анархии», о «ноже в спину революции» мобилизующего эффекта не возымели. Лишить власти Временное правительство, взять власть в свои руки большевикам было несложно, а вот ее удержание потребовало от них гораздо больших усилий. Большевики, да и сам В. И. Ленин, недооценивали опасность возникновения Гражданской войны. Лидер большевиков еще в сентябре 1917 года в статье «Русская революция и гражданская война», имевшей показательный подзаголовок: «Пугают гражданской войной», полагал, что если очаги такой войны и вспыхнут, то скоро будут подавлены, так как «большинство за нас»². Вхождение в Гражданскую войну принесло свои сложности и потеснило во временном отношении реализацию задач социалистического этапа революции. Несмотря на то, что в годы Гражданской войны и принимался комплекс мер уже социалистического характера, попытка быстрого «прерыва непрерывности», форсированного скачка к социализму и коммунизму посредством политики «военного коммунизма» обнаружила свою несостоятельность. При этом нужно понимать, что «военный коммунизм» не являлся целиком и полностью «порождением большевистского режима», элементы «военно-коммунистической» политики встречались в годы Первой мировой войны и в других странах. С другой

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 214.

стороны, в коммунистические и социалистические идеологические одежды порой «одевались» мероприятия, к социализму и коммунизму отношения не имевшие, — та же профессионально-техническая повинность образца 1920 года, реализуемая чрезвычайными методами.

2.3. Русской революции в целом?

Да. Если попытки модернизации «сверху» посредством реформ не оправдывают надежд общества, а накопившиеся проблемы обострились до крайности и налицо глубокий кризис власти, то страна «входит» в революцию, чтобы при помощи ее решать существующие проблемы.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Нет, с моей точки зрения конспирологические построения вряд ли отнесимы к области науки, они обычно «льют воду» на чью-нибудь политическую мельницу, но действия или бездействия генералитета и либералов, их неудовлетворенность действующей властью, несомненно, сыграли свою роль в свержении самодержавия. Помимо этого, если планы заговора и существовали, то это были планы слишком неопределенные и проблематичные.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Все, как известно, началось стихийно с забастовки одной из мастерских петроградского «Путиловца», роста забастовок в столице, выступления петроградских женщин, требовавших хлеба, а затем к движению присоединились и различные политические силы, дабы направить его в соответствующее революционное русло. Изначально ни одна из политических партий не призывала массы к выступлению. Так что в Феврале 1917 года переплелись, взаимно влияя друг на друга, стихийность и сознательность.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Вести речь о слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода вполне правомерно. При этом не следует забывать о взаимодействии на начальном этапе революции различных оппозиционных и революционных течений и структур, тех же Временного комитета Государственной Думы и Петроградского Совета. В современной историографии даже говорится о том, что первое время после Февраля установился «думско-советский» характер власти (А. Б. Николаев).

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Нет. Общенациональный кризис, в котором оказалась страна осенью 1917 года, требовал своего разрешения. Большевики реализовали свой вариант выхода из этого кризиса, и этот вариант не ограничивался узкоклассовыми рамками.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Да. Большевики использовали механизм Советов с их ментальной близостью к общинному сознанию, массовостью, распространённостью по территории страны и охватом основных групп населения (рабочие, солдаты, крестьяне). Лозунг «Вся власть Советам!», с которым большевики шли к власти, пользовался большой популярностью в стране. Советы или крестьянские общины поддерживали порядок на своей территории до Гражданской войны, а где было возможно, то и в ходе этой войны. С этим лозунгом они пришли к власти и оформили, а затем закрепили ее через решения указанных съездов. При этом не стоит забывать о специфическом отношении большевиков ко всякого рода формальным процедурам, типа парламентских. Наглядный тому пример – дискуссия в большевистском руководстве по поводу взятия власти: дожидаться съезда Советов, или взять власть и потом оформить это взятие на съезде.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да. Кризис – это конфликт между старым и новым в развитии страны. Если власти оказываются не в состоянии разрешить его путем реформ, то он «снимается» в ходе революции.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

В значительной мере – да. Буржуазная модернизация с ее суровыми реалиями и глубокими противоречиями объективного и субъективного характера вряд ли предоставила бы России шанс на ускоренное развитие и достижение уровня передовых стран. В начале XX века в странах Европы и США уже существовал начальный всеобщий и начинался переход к всеобщему неполному среднему образованию, тогда как в дореволюционной России начальный всеобщий так и не был введен. В СССР, благодаря ускоренной модернизации, удалось не только добиться всеобщей грамотности населения (хотя в отдаленных и малодоступных местностях эта проблема была решена к концу 1950-х годов), но и перейти к 1970–1980-м годам на различные формы среднего всеобщего. В современной же России появилась категория людей, которую можно обозначить как «новые неграмотные».

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да. Сходная трактовка термина (в двух смыслах) существовала и в советской историографии (Ю. И. Кораблев и др.)

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Это было одно из проявлений назревающей гражданской войны, но вряд ли именно с этим событием (вторым «кровавым воскресением») стоит связывать ее реальное начало.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Восстание Чехословацкого корпуса, войска которого растянулись по линии Транссибирской железнодорожной магистрали, стало во многом катализатором такой войны. Однако необходимо принять во внимание то обстоятельство, что здесь наложились и переплелись воедино также и другие факты и явления (действия антибольшевистских подпольных организаций, создание антисоветских правительств вроде самарского Комитета членов Учредительного собрания, крестьянское движение, казачьи восстания, тяжелое продовольственное положение, ползучая аннексия и

военные действия стран Четверного союза (захват Крыма), действия стран Антанты и др.).

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Любая гражданская война, в том числе и Гражданская война в России, имеет глубокие внутренние корни. Однако иностранная интервенция, проявившаяся во всем многообразии ее форм, а особенно в вооруженной, со стороны двух противоборствующих военно-политических блоков (Четверного союза и Антанты) обострила до крайности ее течение, привнесла особую ожесточенность и кровопролитность в гражданское противоборство. Политические противники большевиков в России пытались делать и делали особую ставку именно на многовариантную иностранную поддержку в самых различных ее проявлениях – финансовая и организационная помощь, направление иностранных воинских контингентов в страну, снабжение оружием, снаряжением, амуницией и пр.: «... погон российский; мундир английский; табак японский; правитель омский». Скорее всего, если бы не было этой разнообразной помощи антибольшевистским силам, то широкомасштабная гражданская война закончилась бы гораздо раньше осени 1920 года.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

Нет. Разумеется, наиболее существенной эта роль была на окраинных территориях страны, куда доступ был проще (Север, Дальний Восток, Прибалтика, Украина, Закавказье, Средняя Азия). Но и в центральных районах страны, которые контролировались большевиками, предпринимались попытки заброски иностранных шпионов, разжигания антибольшевистских восстаний, поддержки подпольно-диверсионной деятельности антибольшевистских организаций и др.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Нет.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Февральская и Октябрьская революции 1917 года являлись закономерными и необходимыми явлениями в истории России. Народные массы в ходе революции проявили достаточно высокий уровень сознательности, вполне рационально выдвигали свои требования, которые затем переходили в пункты программ политических партий, ни о каком «торжестве военизированного охлоса» не было и речи. Февральская и Октябрьская революции рассматриваются в контексте Первой мировой войны, которая оказала влияние на причины, ход и итоги революционного процесса. Революции 1917 года являли собой радикальный разрыв с прежними социальными и политическими практиками. Безусловно, в истории России на различных ее этапах существовали определенные общие моменты, связанные с особой ролью государства, неразвитостью демократических традиций и институтов, необходимостью преодоления отставания от Запада. Однако каждый раз преодоление такого отставания осуществлялась на различной социальной и политической основе.

Н. Н. Смирнов (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Характеризуя природу событий, происшедших в России в феврале 1917 г., не стал бы ограничиваться только определением их социально-экономического характера. Хотя, несомненно, они сыграли вполне определяющую роль, учитывая переживаемый страной продовольственный кризис, транспортный коллапс, финансовые проблемы, ряд других факторов, вызванных Первой мировой войной и той ролью, которую в этой войне играла Россия. Не менее важную роль в стремительном развитии событий конца 1916 — начала 1917 гг. играли политический и военный факторы. Разбалансированность властных структур и запоздалые попытки царской администрации в ее преодолении путем смены кабинета министров желаемого эффекта не имели. Противостояние правительства и Государственной думы еще более усугубляли ситуацию. Оппозиционные настроения стремительно нарастали в стане не только революционных, но и либерально-демократических партий, вполне осознававших, что время косметического ремонта абсолютной монархии миновало, и требовавших незамедлительного реформирования как самого самодержавия, так и элементов, лежавших в ее основе. Требования «правительства народного доверия» однозначно

поддерживались верхами и низами российского общества. Большая часть общества решительно осуждала военную политику государства и была настроена на поиски путей выхода России из войны. В значительной степени этим объясняется народный характер событий февраля–октября 1917 г.

К сожалению, крушение империи и образование новой буржуазно-демократической государственности не привело к разрушению клубка противоречий, переживаемых Россией. Временное правительство во всех своих составах не решалось незамедлительно осуществить ожидаемые народом преобразования, безосновательно полагаясь на достаточное для «постепенных шагов» время. Оно не замечало, что, вопреки его намерениям, проблемы трудового законодательства решались фабзавками и рабочими комитетами, земельный вопрос – ширившимся насильственным захватом крестьянами помещичьих земель и усадеб, военный вопрос – стремительно разваливающейся армейской дисциплиной и нежеланием солдат продолжать участие в боевых сражениях ради совершенно непонятной конечной цели. Политические кризисы весны-лета 1917 г. во многом были спровоцированы триадой военного, рабочего и крестьянского вопросов. Попытки мобилизовать и объединить российское общество на Государственном совещании в августе и Демократическом совещании в сентябре 1917 г. во многом оказались безрезультатными в силу отсутствия у властей придерживающих широкой программы радикальных государственных преобразований. Падение авторитета Временного правительства к осени 1917 г. было вполне закономерным, а силы, способные предотвратить его закат, отсутствовали.

1.2. Октябрьской революции?

И вновь повторю, что октябрьское вооруженное восстание 1917 г., как и февральские события, лишь отчасти было порождено причинами социально-экономического характера. Политическая и военная составляющие были первостепенны. Стремление большевиков получить власть осенью 1917 г. было вполне естественным в силу того, что все попытки мирного воздействия на политику, проводимую Временным правительством, предпринимавшие ими с весны 1917 г., были безрезультатны. В равной степени не оправдались надежды на формирование однородного социалистического правительства в рамках сентябрьского Демократического совещания. Меньшевики и эсеры сочли невозможным союз с ленинцами и предпочли в очередной раз консолидироваться вокруг Временного правительства. Не случайно по главному вопросу – о составе правительства, его

«однородности» и возможности коалиционного объединения – было принято решение, сводившее на нет усилия организаторов Совещания и его основных идеологов. В принятой резолюции было сочтено возможным допустить коалиционное объединение с кадетами, а созданный здесь Предпарламент должен был после проведения Учредительного собрания выполнять совещательные функции при правительстве. Стоит ли удивляться появлению в этих условиях ленинских статей «Кризис назрел», «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», ряда других, прямо указывавших на порядок дальнейших действий РСДРП(б). Курс на вооруженное восстание во многом был предопределен большевизацией Советов в центре и на местах, подъемом рабочего движения, массовыми выступлениями крестьян, все чаще захватывавших помещичьи земли и имущество. Рост национального движения сопровождался проявлением сепаратистских настроений. Армия страдала от дезертирства и нараставших антивоенных настроений. Власти предрежающие оказались не способными решать самые неотложные задачи. События 25–26 октября 1917 г. завершили переход государственной власти от Временного правительства к образованному II Всероссийским съездом Советов Совнаркому, исключительно большевистскому по составу. Первые декреты нового правительства – о рабочем контроле, о мире без аннексий и контрибуций, о передаче земли крестьянам и другие – отвечали народным чаяниям, способствовали укреплению позиций новой власти.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Несомненно, февральские события 1917 года были закономерны. Кризис самодержавия, порожденный Первой мировой войной, экономическими, политическими и социальными неурядицами этого времени неизбежно вел к усилению противоречий между властью и обществом. Наряду с этим, страна переживала глубокий духовный кризис, сопровождавшийся потерей доверия к власти и монарху, бывшему олицетворением этой власти, разочарованием в порядках и ценностях, отсутствием внятной объединительной идеи, способной сплотить нацию. Важно заметить, что в данном случае речь идет не об ущемлении интересов определенных слоев населения. Общество в целом оказалось готовым к решительным переменам, прежде всего, к свержению монархии. Февральская революция носила действительно народный характер. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, значительная часть буржуазии и дворянства, банкиры и генералитет, многомиллионная армия своими действиями способствовали падению россий-

ского самодержавия, демократизации общественной жизни страны, превращению России в самую демократичную и свободную страну Европы.

2.2. Октябрьской революции?

Октябрьские события 1917 г. также носили закономерный характер. Но, в отличие от Февральской революции, они были классовыми по своему содержанию, направленными на защиту, прежде всего, трудящихся слоев общества – пролетариата и крестьянства, интересы которых по-прежнему не были законодательно подтверждены Временным правительством. Несмотря на то, что проекты решения рабочего и крестьянского вопросов были предложены рядом политических партий, их реализация откладывалась на неопределенное время. С особой остротой осенью 1917 г. проявила себя проблема дальнейшего участия России в Первой мировой войне. Антивоенные настроения ширились. В действующей армии росли дезертирство и нежелание участвовать в новых наступательных операциях. Стоит напомнить, что Октябрьское вооруженное восстание не было проявлением стихийности, в отличие от февральских событий 1917 г. Правительство и общество были осведомлены о выступлении, готовящемся ВРК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и приуроченном к открытию II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Решения съезда превратили вооруженное восстание в новую революцию, организатором и исполнителем которой стала партия большевиков. «Декрет о мире», «Декрет о рабочем контроле», «Декрет о земле», декрет о создании первого советского правительства – Совета народных комиссаров – знаменовали собой глубокие изменения в обществе, разрушение прежних общественных отношений и формирование новых. Нельзя недооценивать глубину и масштаб задач новой революции: свержение Временного правительства и передача политической власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, установление диктатуры пролетариата и возведение «нашего нового мира», в котором «кто был никем, тот станет всем». В ходе начавшихся преобразований большевики открыто предложили лидерам социалистических партий принять участие в совместной работе по решению самых насущных проблем. Не их вина, что создание однородного социалистического правительства не состоялось.

2.3. Русской революции в целом?

Следует признать, что большинство историков видят в революционных событиях 1917 г. воздействие единого комплекса глубоких социально-экономических и политических противоречий. Однако по своему ха-

рактеру и глубине воздействия февральские и октябрьские события 1917 г. имели коренные различия. Отчасти об этом говорилось выше. Несомненно, Россия нуждалась в экономической и общественно-политической модернизации. В обществе наблюдалось открытое противостояние населения и переживавшей глубокий раскол элиты. «Смена декораций» – ликвидация первоначально самодержавия, затем Временного правительства и образование СНК – свидетельствовала о неизбежности революционных потрясений, через которые стране предстояло пройти. Практика доказала, что ни монархия, ни Временное правительство не были способны на переустройство российского общества на новых принципах, что «большевистский переворот» не был преждевременной революционной попыткой, а являлся логичной закономерностью.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Теория «заговоров» популярна сама по себе во все времена. История Февральской революции 1917 г. не является исключением. Среди исследователей популярно цитирование одного постулата: за два месяца до февральских событий генерал-лейтенант А. М. Крымов сообщал депутатам IV Государственной думы, что «настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют». Как варианты генеральских заговоров рассматривались идеи «сбросить бомбу на императорский автомобиль» либо «захватить царский поезд, чтобы вынудить царя согласиться на отречение от престола». Последний вариант, как известно, сработал в конце февраля – начале марта 1917 г. Относительно заговора либералов принято напоминать, что еще в начале Первой мировой войны лидеры либеральной оппозиции (А. И. Гучков, П. Н. Милюков, Г. Е. Львов и другие) планировали произвести верхушечный переворот, заменив Николая II на более подходящую кандидатуру. С лета 1916 г. подобная идея начала оформляться организационно через руководителей Земгора и Военно-промышленных комитетов, а также связанных с ними думских оппозиционеров (прежде всего «Прогрессивный блок» и «великокняжеская фронда»). Несомненно, отрицать наличие фронды в среде генералов и либералов вряд ли имеет смысл. Но и переоценивать возможности подобной фронды также бесполезно.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Несомненно, элемент стихийности в февральских событиях 1917 г. присутствовал. Но вряд ли стоит говорить о «стихийном восстании» рабочих столицы и солдат петроградского гарнизона. Митинги и демонстрации 23 февраля (8 марта н.с.), отмечают историки, были частью маршей женщин, которые каждый год после начала Первой мировой войны выходили на улицу с требованиями мира, хлеба и возвращения близких с фронта. Это был день борьбы за равноправие, женщины ходили по улицам города с плакатами и громкими лозунгами «Свободная женщина в свободной России», «Без участия женщин избирательное право не всеобщее» и т. п. В феврале 1917 г. именно женщины рабочих окраин устремились в самый центр города, увлекая за собой и присоединившихся к ним мужчин. «Женскому дню», по воспоминаниям современника, суждено было стать первым днем революции. Далее началась всеобщая забастовка «недовольных, готовых отстаивать свои права на улице». С 25 февраля к митингам и демонстрациям присоединились солдаты петроградского гарнизона, отказавшиеся «стрелять в толпу», поддержавшие требования прекращения участия России в мировой войне. В их действиях также присутствовал элемент стихийности, но едва ли он был определяющим.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Применительно к событиям 1917 г. в целом – скорее, да. И в феврале, и в октябре наблюдались примеры подобного рода. Но если в феврале речь шла об объединении оппозиционных течений в русле либерально-демократических преобразований, и, в силу этого, в орбиту событий были вовлечены практически все слои российского общества, то в октябрьские дни произошло революционно-классовое объединение тех течений, которые на Западе именовались «максималистами». Большевики, анархисты, часть национальных социалистов левого толка, позднее левые эсеры составили костяк тех сил, которые стремились к более радикальному, чем в февральские дни, преобразованию общества в защиту «униженных и оскорбленных». Именно эти силы, прежде всего большевики, оказались в состоянии не только сформировать новую власть, но и на долгие десятилетия сохранить ее в своих руках.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Подобный подход не соответствовал историческим реалиям. Прежде всего, наивно революционные события октября 1917 г. трактовать как некий «верхушечный переворот». Подготовка выступления не являлась партийной тайной, скрытой от общества. Напротив, и Временное правительство, и оппозиционные по отношению к большевикам политические партии и общественные организации имели достаточно полное представление о готовящемся выступлении ленинцев и их союзников. Пресса самого разного толка публиковала информацию о нарастающей большевизации Советов рабочих и солдатских депутатов в центре и на местах, об образовании при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета. После 10 октября и власть, и общество открыто обсуждали «грозящую катастрофу», предлагали варианты того, как с ней бороться. Новая революционная ситуация, сложившаяся в России осенью 1917 г., исключала тайные заговоры и неопределенность. Власть имела возможность организовать противодействие своим политическим противникам, но практика показала, что подобная возможность была иллюзорной. Временное правительство оказалось изолированным от армии — единственной силы, способной выступить в роли карательного органа. Практически бескровное вооруженное восстание было обречено на победу уже в силу того, что предложенные в ходе его проведения лозунги были поддержаны большинством граждан Российской Республики в лице «эксплуатируемого народа». Рабочие и крестьяне поддержали большевиков на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и несколько позднее на чрезвычайном Всероссийском крестьянском съезде.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Отчасти ответ на этот вопрос уже представлен выше. Заметим, что советская демократия до осени 1918 г. была демократией многопартийной, о чем свидетельствует анализ составов II–V Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советская демократия получила свое определение не только в первых декретах советской власти, но и в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» ставшей первым конституционным актом, закрепившим завоевания Октябрьской революции. Известно, что текст декларации был предложен большевистской фракцией Учредительного собрания для утверждения на его за-

седаниях. Отказ меньшевиков и правых эсеров от обсуждения Декларации стал основной причиной ухода большевиков и поддержавших их левых эсеров с заседаний Учредительного собрания. Позднее, 12 января 1918 г., Декларация была принята большинством голосов делегатов III Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Показательно, что в числе поддержавших Декларацию были и представители оппозиционных большевикам политических партий.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Несомненно, октябрьские события 1917 г. были исторически закономерны. Противостояние «максималистов» и умеренных либеральных демократов могло, но не было преодолено в ходе работы сентябрьского Демократического совещания. Его участники высказались против передачи власти в руки представителей социалистических партий и поддерживающих их общественных организаций. Идея однородного социалистического правительства блокировалась правыми социалистами и позднее. Лидер большевиков – В. И. Ульянов (Ленин) – характеризуя переживаемый Россией исторический момент, высказался объемно и кратко: «Кризис назрел». Это неизбежно вело к следующему шагу: «Большевики должны взять власть». Тем самым были предначертаны последующие шаги, направленные на преодоление кризиса, порожденного и царем, и Временным правительством.

5.2. Как единственно реальному способу преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

Вряд ли в суматохе вооруженного восстания и первых шагов деятельности СНК лидеры партии большевиков задумывались о том, что их действия направлены на преодоление отставания от передовых стран Запада. В своих действиях они были, скорее, утилитарны: прежде всего следовало решить комплекс проблем, направленных на удержание власти, на завершение участия России в Мировой войне, на решение рабочего и крестьянского вопросов. Не стоит недооценивать факт экономического и политического саботажа, с которым Совнаркому пришлось столкнуться в первые месяцы своей деятельности. Осознание необходимости «погибнуть или догнать» пришло несколько позже. Переход от политики военного ком-

мунизма к новой экономической политике высветил эту проблему во всей совокупности ее составляющей.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Новейшая отечественная и зарубежная историография изобилует таким количеством определений «гражданская война», что в них порой начинаешь путаться. Скорее, гражданская война есть политический, социально-экономический, духовный раскол общества, преодоление которого подразумевает как военные, так и гражданские формы его преодоления. Состояние гражданской войны сложно определить хронологически, однако современное поколение российских исследователей предлагает многовариантность решения проблемы. Были ли туркестанские события осени 1916 г. одной из форм гражданской войны? Следует ли двоевластие и его трансформации в марте–октябре 1917 г. считать проявлением гражданской войны в ее мирных формах? Выступление генерала Л. Г. Корнилова – элемент гражданской войны? Подобных вопросов немало. Вразумительного ответа на них пока не наблюдается.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Как отмечалось выше, подобный тезис является одним из допустимых. Повторим, гражданская война подразумевает не только «кровавые», но и вполне мирные формы. Исходя из этого, допустимо предположить, что проявлением начавшейся гражданской войны в России служит противостояние думцев и самодержавия осенью 1916 г. Либо январское (1917 г.) решение государя императора приостановить работу Думы. Либо мартовское принуждение революционерами императора подписать отречение от престола. Скорее всего, совокупность факторов дает основание для того, чтобы считать 1917 год годом начала гражданской войны в России.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Весна–лето 1918 г., скорее всего, были временем перерастания мирной фазы гражданской войны в ее фронтовую военную форму. С этого време-

ни в обиход прочно входят понятия «красные» и «белые» (свои и чужие). Позднее проявляются и другие оттенки вооруженной борьбы, но все они являлись примером раскола общества, преодолеть который не удастся и по сей день.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Крупномасштабная война проявила себя вне зависимости от того, какую роль сыграла в ней интервенция. В публикуемых сегодня исследованиях, посвященных Гражданской войне в России, в ряде случаев интервенция даже не упоминается. Либо на скорую руку говорится об английской оккупации Севера России, французской и германской – юга России, японской – Дальнего Востока и т. п. Полагаю, иностранной военной интервенции должно быть уделено значительно большее, чем сегодня, внимание.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

Сама по себе интервенция в отрыве от ее соединения с действиями Белой армии вряд ли могла играть существенную роль. Следует осознать, что интервенты в России 1918–1922 гг. защищали прежде всего собственные политические и экономические интересы. Английские, французские, немецкие, японские, американские и прочие деньги, вложенные в экономику России (промышленность, сельское хозяйство, банки) в предшествующий период, должны были приносить их хозяевам соответствующие дивиденды. Защита собственных интересов доминировала в действиях стран, ставших участниками интервенции в годы Гражданской войны в России. Противникам советской власти было вполне понятно содержание лозунга «экспроприация экспроприаторов».

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Повторим, несущественных событий в истории Гражданской войны в России не было.

Интервенция поддерживала противников советской власти не только морально, но и весьма материально. Ужас, который интервенты наводили на гражданское население контролируемых ими территорий, был вполне конкретен. Противостояние интервентам проходило в тех же формах и теми же методами, что и борьба с Белой армией.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Не разделяя расширенную хронологию Великой русской революции, как положительный фактор отмечу стремление рассматривать ее как совокупность факторов, приведших к свержению самодержавия, попыткам либерально-демократической модернизации российского общества, не увенчавшимся успехом, установлению советской власти как формы новой государственности, отвергающей капиталистический путь развития и направленной на построение социалистического строя. Историческая практика свидетельствует, что отрицание грандиозности события, пережитого Россией и ее народом в эпоху Великой русской революции и Гражданской войны, бессмысленно и лишь искажает объективную реальность, оказавшую глубокое воздействие на всемирную историю.

Д. И. Стогов (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Важнейшей причиной Февральской революции является нерешенность аграрного и рабочего вопросов. В частности, анализируя причины Февраля, здесь следует выделить аграрное перенаселение средней полосы России. Проблему пытались решить в ходе Столыпинской аграрной реформы, в том числе путем переселения части крестьянского населения на восток. Однако, как известно, к кардинальному улучшению ситуации в деревне реформа П. А. Столыпина не привела. Все вышеперечисленные проблемы наслаивались на внешние вызовы (Первая мировая война), с которыми столкнулась Россия в предреволюционные годы. В итоге мы получили серьезный экономический кризис, в том числе топливный, транспортный, продовольственный кризисы. В результате – мощное социальное недовольство, которое способствовало радикализации общества и вело к революции.

Что касается Октябрьской революции – важнейшие ее причины опять-таки связаны с нерешенностью аграрного и рабочего вопросов. Вопрос о земле откладывался Временным правительством до созыва Учредитель-

ного собрания. Продолжавшаяся Первая мировая война и попытки Временного правительства осуществлять наступательные действия на фронте вели к еще большему социальному недовольству и радикализации общества и в итоге привели к революции.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. *Февральской революции?*

2.2. *Октябрьской революции?*

2.3. *Русской революции в целом?*

В сложившейся ситуации как Февральская, так и Октябрьская революция, а также Русская революция в целом были вполне закономерными. Как уже отмечалось в п. 1, углубление социально-экономического кризиса вело к радикализации общества. Обеих революций можно было бы избежать (или, по крайней мере, отсрочить) при двух условиях, причем в обоих случаях (и в случае с Февральской, и в случае с Октябрьской революцией) они практически совпадают:

Во-первых, это проведение социально-экономических реформ «сверху», как в аграрном секторе, так и в промышленности. При этом реформы должны были нести исключительно *социальную* направленность, то есть реально улучшать жизнь и быт крестьян и рабочих. Реформы, в том числе при Николае II, проводились, но медленно и не всегда последовательно. Нужен был реальный результат, чтобы простой народ ощутил реальное улучшение жизни. Какие бы то ни было паллиативные меры, в этой связи оказались бы бесполезными.

Второе условие – это решение вопроса о мире. Надо понимать, что в ходе Первой мировой войны впервые в истории человечества Россия и мир столкнулись со столь крупномасштабным военным конфликтом. Многие государства, в том числе Российская империя, а затем и Россия периода Временного правительства, этого тяжелого испытания войной не выдержали. Нужны были либо победа России в войне (что, учитывая экономическую и военную мощь Германии, вряд ли на тот период времени было возможно), либо какой-то более-менее достойный выход из войны. В конце концов, было бы весьма неплохо, если бы Россия смогла выйти из войны на ее начальном этапе, допустим, потеряв принадлежавшую ей часть Польши, но при этом сохранив, естественно, исконно русские территории (под которыми я подразумеваю в том числе и современные Украину и Белоруссию).

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

- 3.1. Заговоре генералов и либералов?*
- 3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*
- 3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Скорее всего, при трактовке Февральской революции надо говорить о слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода. Понятно, что среди генералитета и либералов (в том числе думских) зрели определенные настроения, которые в итоге вылились в их участие в Февральской революции. При этом нельзя забывать и об интеллигенции в целом, среди которой оппозиционные настроения уже давно доминировали и, естественно, усилились в связи с нарастанием социально-экономического кризиса (см. п. 1). Нельзя забывать и о росте оппозиционных настроений среди представителей рабочего класса и солдат, в среде которых к тому же велась активная революционная агитация и пропаганда. Разговоры о «стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона» – думается, что это своего рода исторический миф. Вряд ли представляется реальным, что рабочие и солдаты сами по себе могли бы взять и поднять восстание. Понятное дело, что ими кто-то руководил, и это в первую очередь профессиональные революционеры.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

- 4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*
- 4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закрепленной решениями III объединенного Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Если выбирать из двух представленных пунктов, то, скорее всего, следует говорить о приходе большевиков к власти в рамках советской демократии. Первая версия представляется нереальной. В октябре 1917 г. рабочий класс и значительная часть крестьянства и словом, и делом поддержала большевиков. Фактически, другого выбора у них не было. Правительство А. Ф. Керенского показало свою полную политическую несостоятельность. Метания главы Временного правительства из стороны в сторону, его пер-

воначальные гонения на большевиков в июле 1917 г. и затем вынужденное обращение к большевикам в ходе Корниловского мятежа, понятное дело, не увеличивали популярности Керенского. Также следует отметить полную неспособность Временного правительства решить хотя бы один из вышеперечисленных (см. п. 1) насущных вопросов. Демагогические шаги премьера, типа провозглашения им России республикой 1 сентября 1917 г., а также создание Предпарламента, также не могли привлечь широкие народные массы на сторону Керенского. Напротив, простые и понятные народу большевистские лозунги вызывали у народа симпатию.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

Скорее, согласен с п. 5.1. Октябрьская революция явилась весьма радикальным, но вынужденным решением уже перечисленных (см. п. 1) проблем. Это действительно был радикальный выход из острого социально-экономического и политического кризиса. Что касается преодоления отставания России от Запада, то здесь были возможны два пути: первый путь – это реформы сверху, по типу петровских реформ, второй путь – революционный, который и был в итоге реализован. Думается, что все же был бы предпочтителен первый путь. Но столь выдающейся личности, как Петр Великий, на тот момент в российской власти не было. Может быть, отчасти этому образу соответствовал П. А. Столыпин, но он был убит, находясь на посту главы правительства в течение чуть более пяти лет. «Двадцати лет спокойствия», которые премьер ставил в качестве условия для реализации успеха своих реформ и дальнейшего процветания России, Столыпину не дали. Все происходившие в России события, в том числе Октябрьская революция, были вполне закономерны, и, приходится признать, в какой-то степени необходимы. Еще не известно, что бы осталось от России в случае продолжения «керенщины». Рискнем предположить, что в этом случае распад России и ползучая колонизация ее территорий странами Запада стали бы трагической реальностью.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая

вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Вряд ли следует говорить о гражданской войне как о *любой* острой форме классовой борьбы за власть. Есть еще народные восстания, в том числе крестьянские; есть различные формы рабочего движения (забастовки, стачки). Понятное дело, что все вышеперечисленное к Гражданской войне не имеет отношения. Гражданская война — это действительно *фронтовая* война.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля — второе «кровавое воскресенье»)?

Нет, не согласен. На момент февраля 1917 г. общество в целом (за исключением незначительного числа людей, настроенных монархически) было настроено весьма радикально. Впрочем, конечно, разные составные части общества — и либералы, и революционеры — видели будущее России по-разному. Но почти все политически активные люди были объединены ненавистью по отношению к «проклятому царизму», желали появления «Свободной России» и «светлого будущего». Если же говорить о широких народных массах, в первую очередь, крестьянских, то они оставались, как правило, аполитичными. Уже приходилось неоднократно писать о том, что простому русскому мужику не требовалось решение политических вопросов — его, в конце концов, вполне устраивала бы жизнь при сохранении царского режима, но при *немедленном* решении *социально-экономических* проблем, главным образом, земельного вопроса, а также вопроса о мире. По-настоящему Гражданская война началась весной — летом 1918 г. (думается, правильнее говорить как раз о лете 1918 г. — см. п. 8), когда поляризация сил среди политически активных представителей общества достигла своего предела.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтной) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

К лету 1918 г. в силу ряда причин (рост недовольства политикой большевиков со стороны значительной части населения — прежде всего речь идет о недовольстве большевистской политикой продовольственной диктатуры со стороны крестьянства; недовольство значительной части политически активных граждан условиями Брестского мира и роспуском

Учредительного собрания и пр.) происходит резкая поляризация политических сил. Восстание чехословацкого корпуса явилось удобным *поводом* для начала активных действий антибольшевистских сил против советской власти, чем они не замедлили воспользоваться.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. *Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;*

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

Фактор иностранной интервенции, анализируя события Гражданской войны, невозможно не учитывать. Хотя, с другой стороны, думается, что без этого фактора Гражданская война все равно началась бы, но продолжалась бы в менее острой форме. Без участия иностранных интервентов представляется маловероятным закрепление антибольшевистских сил на Дальнем Востоке.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Когда мы говорим о современной концепции «Великой российской революции», то на ум неизбежно приходят аналогии с Великой французской революцией. Насколько правомерны эти аналогии, вопрос дискуссионный, и делать их надо с большой долей осторожности. Можно, наверное, говорить о некоторых параллелях с революционной Францией, не абсолютизируя их, поскольку перед нами совершенно разные эпохи: феодальная абсолютистская Франция конца XVIII в и Россия начала XX в. с многоукладной экономикой, с ее многочисленными противоречиями (отсталые аграрные технологии, сохранение мелкотоварного (кустарного) производства, с одной стороны, и развитие передовых промышленных технологий, а также высокая концентрация промышленного производства, с другой стороны). Великая французская революция была буржуазной, тогда как в России начала XX в. значительная часть политически активных граждан грезил социализмом. Также возникают вопросы, связанные с причислением Гражданской войны непосредственно к «Великой российской революции». Думается, что это не совсем правильно. Гражданская война – это, скорее,

следствие революционного процесса, а не его составная часть, не продолжение революции. Так или иначе, концепция «Великой российской революции» еще требует своего переосмысления и доработки.

К. А. Тарасов (Европейский университет, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1 Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Я считаю, что Февраль и Октябрь являлись двумя этапами единого революционного процесса 1917 г. Соответственно, социально-экономический характер обоих этапов можно рассматривать вместе. Успех Февральского восстания в Петрограде был связан с тем, что борьба с монархией объединила разные социальные группы, имевшие различные причины для недовольства.

Выступление в Феврале и последующие события были связаны со значительными экономическими трудностями, вызванными Первой мировой войной, и, что еще более важно, представлениями низших слоев общества о неравномерном распределении бремени среди населения. По мере затягивания войны возрастало недовольство «привилегированным» положением отдельных слоев населения: недовольство тылом фронта, деревней города, бедных богатыми, низших слоев образованными кругами. До Февраля этот социальный антагонизм проговаривался в терминах «внутреннего врага», в 1917 г. для него чаще всего использовался язык классовой борьбы.

К Октябрю накопившиеся противоречия еще больше обострились. Экономический кризис и неспособность создать общую политическую платформу для различных социальных групп привели к радикализации общества и росту поддержки леворадикальных партий. Начавшееся в Феврале вовлечение широких слоев населения в политический процесс в Октябре приобрел форму установления советской власти. Требования социальной справедливости были реализованы в тех же Советах тем, что прежние привилегированные слои общества лишились своего права влиять на политический процесс, а их ресурсы должны были быть перераспределены в пользу малоимущих.

Таким образом, социально-экономический смысл Революции 1917 г. можно охарактеризовать как переход от относительно умеренных реформ

к попытке радикального изменения общественного порядка, основанного на принципах коллективного владения и социальной справедливости, как она понималась с точки зрения языка классового антагонизма.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

На мой взгляд, термин «закономерность» в историческом контексте имеет некоторый телеологический характер. Он приемлем в значении существования определенных предпосылок, но не в смысле «неизбежности» событий.

Безусловно, в Российской империи, а затем и в пореволюционной стране существовал целый клубок неразрешенных проблем, который делал революцию весьма вероятной. К февралю 1917 г. политическая и социальная система не находилась в спокойствии, риск выхода из равновесия был очень высоким. Февральское восстание являлось спонтанным, но имело свои корни в краткосрочных (ситуация Первой мировой войны) и долгосрочных (политические и социальные противоречия) процессах. Однако его успех зависел от такого множества факторов, что исключает их трактовку, как только случайных или полностью закономерных. В том же смысле можно рассматривать и победу Октябрьского переворота.

Революции становятся возможными, когда противоречия достигают критической точки. Но их исход определяется действием объективных (например, сама по себе организация политической системы) и субъективных (действия властей и в оппозиции) факторов. Они зависят от способности власти реформироваться и умения оппозиции объединяться.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

На мой взгляд, эта версия не состоятельна. Действительно, установлено существование некоторых заговоров, не вышедших, правда, за пределы разговоров. Однако реализация каких бы то ни было предварительных планов в момент Февральского восстания не доказана. Аргументы в эту пользу носят спекулятивный характер и основаны либо на косвенных источниках, либо на наименее достоверных свидетельствах.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. *Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Свой вариант 3.2+3.3: Я согласен с трактовкой Февральского восстания как спонтанного выступления рабочих, поддержанного выступлением солдат Петроградского гарнизона. Вместе с тем, быстрый успех выступления был в значительной мере связан с тем, что цель отстранения действующей власти поставили как революционные партии, так и некоторые представители оппозиции в Государственной думе. Хотя конечные цели Временного комитета Государственной Думы и Исполкома Петроградского Совета существенно отличались, их динамическое взаимодействие (соглашения и конфликты) позволило сформировать новую революционную власть.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. *Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*

4.2. *Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Свой вариант. Мне не близка ни одна из представленных версий. Во-первых, я считаю, что к власти в ходе Октябрьской революции (или Октябрьского этапа революции) пришли не только большевики. В сформированный по итогам II Всероссийского съезда Советов ВЦИК вошли помимо большевиков другие партии. Смена власти осуществлялась сложившимся накануне Октября леворадикальным блоком. Во многих других регионах страны переход власти к Советам не смог бы осуществиться большевиками без поддержки всех леворадикальных партий.

Во-вторых, переход власти к Советам произошёл вне парламентского способа смены политической власти (в том числе и вне рамок «советской демократии»). II Всероссийский съезд Советов был поставлен перед фактом свержения правительства. По всей стране в значительном большинстве случаев несоветские органы (само)управления (представители Временного правительства, высшее военное командование, городские думы и земства и т. д.) отстранялись силовыми средствами, очень часто в ходе вооружённой борьбы.

В-третьих, Советы как форма организации власти пользовались поддержкой значительной части населения, но далеко не всех. Вместе с тем,

насильственное отстранение Временного правительства до решения вопроса о власти II Всероссийским съездом Советов вызвало решительный протест заметной части общества и политических партий. Это привело к непризнанию легитимности СНК, обособлению некоторых национальных регионов и Гражданской войне. Силовой роспуск Учредительного собрания лишь усугубил эти тенденции.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Свой вариант. На мой взгляд, идея «исторической необходимости» чего бы то ни было недопустима как категория исторического анализа и носит субъективистский, оценочный характер. Она зачастую служит лишь инструментом идеологического оправдания событий.

Исторические же процессы крайне редко имеют единственную возможную альтернативу; их формируют сложные пересечения экономических, социальных, культурных и внешних факторов. Их изучение позволяет глубже понять взаимодействие причин и следствий, выявить, как различные факторы способствовали тому или иному результату, и оценить, как могли бы развиваться события в ином русле.

Выделять лишь один из вероятных сценариев, называя его необходимым, означает исказить природу исторического процесса. Это подводит нас к опасной методологической ошибке: ретроспективной телеологии, когда события интерпретируются так, будто их исход был предопределен задолго до их реализации. История – это не линейный процесс, направленный к неизбежному финалу, а сложная сеть взаимодействий, где каждый шаг формируется под влиянием множества факторов, многие из которых не поддаются точному прогнозированию. Признание перехода власти к Советам «необходимым» создает иллюзию, будто альтернатив не существовало. Это попытка упрощения сложной реальности, нежели объективное понимание прошлого.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая

вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

На мой взгляд, трактовка термина «гражданская война» может быть еще более расширена, поскольку она включает не только «острые формы классовой борьбы», но и более широкий спектр конфликтов, включая внутриклассовые (например, крестьянские восстания), этнические, национальные и иные формы противостояний. В этом смысле гражданская война является не просто определенным типом вооруженного противостояния, а характеристикой эпохи системного кризиса, в которой социальные, экономические, политические и культурные противоречия достигают своего апогея.

Узкий смысл гражданской войны как борьбы с применением крупных войсковых соединений я считаю допустимым. Однако он ограничивает наше понимание сложного явления, сводя его исключительно к военным операциям. Динамика же этого фронтового противостояния будет не ясна без учета других факторов гражданской войны в широком смысле.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Я считаю, что важно отделять период Революции от периода Гражданской войны, поскольку смешение этих этапов и событий затрудняет понимание их специфики. Революция и гражданская война – это разные процессы. Революция подразумевает стремление к изменению политической системы, ликвидации старого режима и создание нового порядка, зачастую через массовую мобилизацию и протест. Гражданская война характеризуется острым вооруженным противостоянием между различными социальными, политическими или этническими группами, каждая из которых претендует на контроль над государством или его частями.

Рассмотрение расстрела демонстраций в феврале 1917 г. как начала гражданской войны в широком смысле кажется мне проблематичным, так как это событие являлось частью революционного кризиса, направленного на свержение монархии, а не борьбы между различными группами за власть, что является ключевым признаком гражданской войны. В той же степени малоэффективно отсчитывать гражданскую войну от Июльских событий или Корниловского выступления. Начало Гражданской войны связано с радикализацией политического кризиса, который развернулся в

течение следующих месяцев, и обострения противоречий между различными политическими силами, а также внутри общества в целом.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Я не согласен с таким определением. Если рассматривать начало масштабных военных действий с участием крупных войсковых соединений, то они начались значительно раньше. Первые такие столкновения происходили уже в ноябре–декабре 1917 г., когда большевики вступили в вооруженную борьбу против Донского войскового правительства и Украинской Центральной рады.

Кроме того, нельзя игнорировать масштабные конфликты на периферии бывшей Российской империи, такие как межэтнические противостояния на Северном Кавказе или гражданская война в Финляндии, которая часто остается за пределами общего анализа. К лету 1918 г. значительные территории страны уже находились в состоянии вооруженного противостояния, а региональные конфликты накладывались на общую дестабилизацию.

Однако восстание Чехословацкого корпуса действительно сыграло важную роль в развитии событий. Переход этой хорошо вооруженной и организованной части на антибольшевистскую сторону существенно изменил расстановку сил и стал катализатором дальнейшей эскалации конфликта.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Свой вариант. Фактор иностранного военного вмешательства имел большое значение для развертывания противостояния между Красной армией и антибольшевистскими силами. А в некоторых регионах страны значение интервенции было таким, что в них без интервенции фронтовая гражданская война была маловероятной: Дальний Восток и Север России.

Однако я бы не стал говорить, что без него крупномасштабный конфликт был бы невозможен. Во-первых, как было сказано в пункте 8, такие столкновения начались задолго до начала интервенции. Во-вторых, внут-

ренные противоречия в российском обществе, обострившиеся после падения Временного правительства, были настолько сильны, что с высокой долей вероятности привели бы к крупномасштабному вооруженному конфликту даже без вмешательства иностранных сил.

Я бы сказал, что интервенция существенно удлинила противостояние. Военная поддержка антибольшевистских сил, поставки оружия и боеприпасов, а также прямое участие иностранных войск в отдельных регионах дали белому движению ресурсы и возможность продержаться дольше, чем это могло быть в условиях полной изоляции.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Использование хронологических рамок 1917–1922 гг. для революции в России не является ни новой, ни устоявшейся концепцией. В трудах иностранных исследователей расширенную периодизацию используют давно. Достаточно вспомнить, трехтомник британского историка Эдварда Карра «Большевистская революция 1917–1923» или «Революцию как момент истины» Теодора Шанина. С 1990-х гг. этой периодизацией стали пользоваться и в российских исследованиях. Вместе с тем, встречаются и другие хронологические рамки Российской революции. Ричард Пайпс писал о периоде 1905–1924 гг., коллектив авторов «Критического словаря Русской революции» предлагал датировку 1914–1921 гг., Орландо Файджес писал о 1891–1924 гг., Виктор Кондрашин датировал крестьянскую революцию 1902–1922 гг. и так далее.

Я считаю, что любая хронология условна и определяется предметом исследования. Например, Питер Холквист, выбирая для рассмотрения единый период 1914–1921 гг., связывает революцию с общеевропейским кризисом Первой мировой войны, анализируя институциональные изменения, вызванные мобилизацией. Джошуа Санборн и Джонатан Смил используют эти рамки для изучения распада империи, а Лора Энгельштейн акцентирует внимание на трансформации гражданского общества, новых формах насилия и стигматизации в условиях войны. Эти подходы показывают, что революция была частью глобальных процессов нестабильности и попыток их преодоления.

Что касается концепции Великой российской революции 1917–1922 гг., то она привлекла внимание в связи с разработкой нового учебно-

методического комплекса по отечественной истории и появлением ее в школьных учебниках. Такая концепция приемлема только с точки зрения учебного нарратива о государстве, в том числе определенной территории и аппарате управления. Тогда хронология объясняется рассказом о переходном периоде от Российской империи к Советскому Союзу в 1917–1922 гг. Вне учебной литературы мне практически не встречалось серьезного концептуального осмысления всего периода от февраля 1917 г. до декабря 1922 г. как некоего единого процесса. Термин, как правило, остается номинальным, он скорее просто замещает название эпохи, ничего не прибавляя к ее содержанию.

П. В. Федоров (РГАУ-МСХА, Москва)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Суть революции – в решении вопроса о власти. Февральская революция стала первым этапом (с февраля до октября 1917 г.) длительного революционного процесса 1917–1922 гг., который закончился исторической неудачей для либеральных сил, вытесненных с политической сцены левыми партиями.

1.2. Октябрьской революции?

Октябрьская революция стала вторым этапом (с октября 1917 г. до лета 1918 г.) революционного процесса, ознаменованным неудачей левых сил одолеть своих политических оппонентов пока еще мирными средствами. Поскольку идея компромисса не нашла поддержки, второй этап, закончившись эскалацией, вылился в политическое противоборство уже в рамках Гражданской войны.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Вопрос о власти, который в своей острой фазе решался в течение 1917–1922 гг., вызревал длительное время. В каком-то смысле он был запрограммирован «великими реформами» Александра II. Еще С. Ю. Витте говорил о несовместимости самодержавия и земства, указывая на то, что всесословное земство в самодержавном государстве или оказывается «плохим средством управления, или правильное и последовательное развитие начал его неизбежно приведет к властному участию выборных

представителей населения в законодательстве и в верховном управлении». В том числе на почве земского движения вырастала либеральная оппозиция, причастная к созданию некоего сценария Февральской революции. Нельзя не упомянуть и о том концептуальном расщеплении, которое поразило Основные государственные законы 1906 г.: между самодержавной традицией, с одной стороны, и конституционно-монархическим генезисом, с другой. Поэтому появление вопроса о власти в 1917 г. можно рассматривать глубинно обусловленным, т. е. закономерным.

2.2. Октябрьской революции?

Октябрьскую революцию нельзя оторвать от Февральской. Ведь Октябрь стал возможен в виду нерешенности главного вопроса революции – о власти. Предрасположенность перетекания революционного процесса в массовую, люмпенизированную форму было обусловлено тем, что отсутствие среднего класса в России вело к более раннему созреванию и распространению здесь леворадикальных политических практик и запаздыванию либеральных. В этом особый путь России, ее отличие от многих стран Западной Европы. Октябрь закономерен, равно как закономерно было и поражение Февраля вместе с носителями либеральной идеологии.

2.3. Русской революции в целом?

В глобальном смысле «раскол» и Русская революция были предопределены довольно резким поворотом модернизации при Петре Великом, когда российской власти и обществу не было дано достаточно времени для преодоления возникшей пропасти между ними. Исторический опыт подсказывает, что чем более радикальные изменения происходят внутри общества, тем больше времени должно быть отпущено для их «переваривания». Например, при Иване Грозном похожий резкий рывок в ходе насильственной модернизации завершился известной отменой, откатом во время Смутного времени. Что касается петровской модернизации первой четверти XVIII в., то она, к сожалению, загнала кризисные явления вглубь, что проявилось спустя два столетия в русской революции.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Заговор мог иметь место, но как частная для общей архитектуры революции особенность. Нельзя же было привести к жизни Советы как новую форму политической организации, если бы революционным порывом не схватывались значительные слои населения.

3.2. *Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*

Допускаю и это. Но революционный процесс показал свой потенциал и с точки зрения развития вширь, на значительной территории страны.

3.3. *Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Кратковременное слияние оппозиционных течений (на фоне «радости освобождения», о котором писал еще Пителим Сорокин) – вполне естественное явление для начального этапа многих революций и социальных движений, когда политические силы временно преодолевают узкогрупповое мышление.

4. **Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:**

4.1. *Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*

Смотря какую историческую оптику использовать. Внутри революционного процесса могут быть отдельные течения и завихрения. Революция подобна океану: при ближайшем рассмотрении – бессмысленный хаос, но, если на эти процессы начать смотреть с некоторой дистанции, он может быть понят и как управляемый хаос.

4.2. *Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Говорить о «приходе к власти» кого-либо в ходе революционного процесса (т. е. до 1921–1922 гг.) можно лишь условно, в рамках ограниченных территорий и контингентов. Вопрос о власти по большому счету решится в Советской России с введением НЭПа в 1921 г. и с образованием СССР в 1922 г.

5. **Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:**

5.1. *Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?*

Если не решается вопрос о власти, это грозит распадом государства, страны, общества, семьи, человеческой личности. Поэтому сам процесс был необходим. Страна должна была «переболеть» революцией, чтобы наступил этап политической стабильности.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Вопрос интересный – поскольку при упоминании революции традиционно говорят о распаде Российской империи и забывают при этом сказать о возникновении Советского Союза – по сути, новой Российской империи. Революция может быть понята как модернизация имперской государственности, имеющая целью укрепление статуса России в мире. Именно поэтому хронологические рамки с 1917 до 1922 г. (от распада Российской империи до образования СССР) наиболее целесообразны, если мы говорим о российской революции с точки зрения геополитики.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Гражданская война – это составная часть революционного процесса 1917–1922 гг. Но от Февральского и Октябрьского этапов она отличается тем, что вопрос о власти здесь решается прежде всего военными средствами. Внутри самой Гражданской войны могут быть выделены особые периоды: когда война ведется небольшими, но сознательными группами; или же когда военное противостояние достигает больших масштабов, приводит к появлению фронтов, но резко падает сознательность вовлеченных в него масс.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Нет. Говорить о начале Гражданской войны в России ранее 1918 г., на мой взгляд, нецелесообразно.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Восстание чехословацкого корпуса – важный фактор Гражданской войны. Наряду с разгоном Учредительного собрания и Брестским миром.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Прямое иностранное вмешательство усугубило внутривнутриполитическую борьбу в России и сделало на территории отдельных регионов Гражданскую войну неизбежной.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

В частности, на Севере России революция едва ли переросла бы в полномасштабную Гражданскую войну. Социокультурные традиции, ресурсная база, сравнительно малочисленное население выдавали в Русском Севере неконфликтный регион. Но именно благодаря тому, что он стал играть важную роль в планах Антанты, эта территория оказалась вовлечена в пламя большой войны.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Можно заметить, что любые гражданские противостояния в России крайне интересны Западу прежде всего для осуществления собственных замыслов. Достаточно вспомнить, что в начале XVII в., в период так называемой Смуты, также произошло вмешательство западных стран во внутренние дела Московского государства. Поэтому о «несущественном значении» интервенции говорить не приходится. Я бы даже сказал, что сама интервенция является частью самостоятельного и глубинного процесса, выходящего за рамки Гражданской войны. Речь идет о борьбе цивилизаций, которая, правда, наиболее активно проявляется в периоды революций, любого гражданского нестроения.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Лично мне импонирует идея разработки новой периодизации Русской революции как единого процесса, от распада старой империи к созданию новой. В этой связи кажутся крайне важными попытки расширения периодизации за рамки 1922 г.: в частности, рассмотрение белоэмигрантского периода, т. е. феномена Русского военного Зарубежья, как составной части истории революции (В. И. Голдин). Общая направленность историографических изменений — уход от идеи «разрыва» истории в 1917 г. к концепции более плавной, органичной трансформации.

В. В. Фортунатов (ПГУПС, Санкт-Петербург)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

По своему объективному социально-экономическому содержанию Февральская революция была в историческом анамнезе буржуазно-демократической. Но все четыре состава Временного правительства почти ничего не сделали для реализации буржуазно-демократического потенциала этой революции. Поэтому в ходе Октябрьской революции, которая по своему социально-экономическому характеру была социалистической, так как предполагала уничтожение частной собственности на значительную часть богатств страны, пришлось решать задачи буржуазно-демократической революции.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Если исходить из того, что историческая закономерность – это объективно существующая, необходимая, постоянно воспроизводимая в пространстве и времени связь явлений общественной жизни, то и Февральская, и Октябрьская, и Русская революция в целом были закономерным результатом длительного исторического развития, способом разрешения «гордиевых узлов» противоречий, которые можно было разрубить посредством революций.

Самодержавная власть, российская высшая политическая, экономическая и идеологическая элиты имперской России не сделали должных выводов из Первой русской революции 1905–1907 гг., пошли на незначительные уступки, которые к тому же всеми силами старались «отыграть назад». В условиях Первой мировой войны аграрный, рабочий, национальный и другие вопросы российской жизни обострились, были поставлены «ребром», стали главными вопросами «революционной повестки», потребовали безотлагательного решения. Призывы к самодержцу заняться решением назревших внутренних проблем оказались безрезультатными. В советское время был такой анекдот. В числе первых звание Героя Социалистического

Труда посмертно получил Николай Александрович Романов. С формулировкой – «За создание революционной ситуации в России».

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Генералы, либералы, послы стран Антанты и прочие группы, которым надоел государь-император с «распутинщиной», Александрой Федоровной и «министерской чехардой», были жалкими трусами, опасавшимися решительных действий против самого царя в условиях происходившей войны. В отсутствие Николая II в столице все эти персонажи, привыкшие «жадной толпой стоять у трона» или «красться к власти», просто воспользовались стихийным восстанием солдат петроградского гарнизона и рабочих. Роль небольшого камешка, вызвавшего настоящий камнепад, сыграл со временем забытый «первый солдат революции», старший унтер-офицер учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка Тимофей Иванович Кирпичников. Именно он ранним утром 25 февраля 1917 года убил штабс-капитана И. С. Лашевича, повел за собой солдат. Долго уговаривать солдат других полков, томившихся в неведении и не желавших стрелять в народ, не пришлось. Офицеров в полках было мало, и никакого влияния они на развитие событий оказать не смогли. Но руководители IV Государственной думы, лидеры политических партий, генералы и послы не преминули воспользоваться открывшимися возможностями.

Как мужик у М. Е. Салтыкова-Щедрина двух генералов прокормил, так и мужики (в солдатских шинелях) поднесли либералам и генералам власть «на блюде с голубой каемочкой». И кто-то поверил в чудеса!

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Гениальная стратегия и тактика В. И. Ленина, интенсивная и многоплановая работа большевиков и их попутчиков в широких массах, бездарная внутренняя и внешняя политика первых трех составов Временного правительства привели к тому, что после разгрома «корниловщины» и быстрой большевизации Советов появилась возможность прихода большевиков к власти в рамках советской демократии. И в целом ряде регионов, городов и весей власть перетекала из рук назначенцев Временного правительства к местным Советам.

Но в революционной столице А. Ф. Керенский сформировал четвертый состав Временного правительства (25 сентября) без большевиков, отказываясь от того, чтобы хоть что-то пообещать народу, как ему советовал американский посол. А. Ф. Керенский оставался верен масонской клятве, данной европейским братьям, — не выходить из войны. В его окружении, как и в окружении Николая II, преобладали такие же трусы, безвольно плывшие по течению. Хотя многие из них были такими же социалистами, как и большевики, только правыми. Привычный для России «спор славян между собой» закончился победой большевиков, которым удалось в короткий срок повести за собой наиболее активную часть населения Петрограда, прежде всего солдат, матросов и красногвардейцев. В ходе Октябрьского вооруженного восстания оказалось, что малочисленную властную «верхушку», которую составляли министры четвертого состава Временного правительства, защищать по существу было некому. После отъезда А. Ф. Керенского из Петрограда на машине американского посла «верхушка» без лидера оказалась предоставлена сама себе.

Но жалкое состояние «верхушки» на момент «штурма Зимнего дворца» не означает того, что Октябрьское вооруженное восстание, приход к власти большевиков являлись «верхушечным переворотом». Большевики подготовились основательно. Обеспечили огромное превосходство над противником в столице. Концентрация огромных сил и ресурсов в момент борьбы за власть, прихода к власти стала важным условием для того, чтобы впоследствии эту власть удержать, разгромить контрреволюцию и обеспечить «триумфальное шествие Советской власти».

Первыми же декретами, принятыми II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (о мире, земле, о власти, об отмене смертной казни на фронте и т.д.), большевики приступили к выполнению своих обещаний в интересах широчайших масс рабочих, крестьян, других слоев населения. Программа радикального реформирования жизни в стране, обнародованная В. И. Лениным в апреле 1917 года («Апрельские тезисы»),

была реализована с невероятной быстротой и решительностью. Учреждением РСФСР, законом «О социализации» и другими решениями III объединенный Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов закрепил победу большевиков в столице, что предопределило успех происходившего тогда «триумфального шествия Советской власти».

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Среди думающих и зафиксировавших свои наблюдения и соображения современников Великой российской революции многие полагали, что только большевики смогут обеспечить выход из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительства. Но были и те, кто считал, что «лучше немцы, чем Ленин и большевики». Вспоминается, как в осаждаемом Константинополе (Царьграде) в 1453 г. многие греки (византийцы) считали, что «лучше турки, чем папа (римский)».

В преодолении нараставшего, весьма относительного отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма в правление Николая II большую роль сыграла деятельность выдающихся реформаторов С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Но как только они начинали «заслонять» заурядного самодержца, он от них избавлялся. «Меня использовали на затычку и выбросили за ненадобностью», – сетовал С. Ю. Витте. Первый российский премьер с 1915 г. обрел вечный покой в Некрополе XVIII в. Александро-Невской лавры, а П. А. Столыпин еще в сентябре 1911 г. оказался на кладбище в Киеве. К началу 1917 года вокруг Николая II образовался кадровый вакуум. Последнее царское правительство «отбывало номер», мало влияло на ход событий и далеко в будущее не заглядывало.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) больше двадцати лет теоретически и практически готовился к приходу к власти. Знакомство с его трудами, с проведенным им анализом, сделанными оценками и выводами позволяет утверждать, что Ленин наряду с очень небольшим числом ученых и политиков первых десятилетий XX века хорошо понимал масштаб проблем, стоявших перед страной. В отличие от С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, которым приходилось преодолевать серьезное сопротивление со стороны

окружения царя, аристократии и широких бюрократических кругов, Ленин на пути к власти опирался на мощную «команду» эрудированных, энергичных, волевых и очень молодых деятелей в полном расцвете интеллектуальных и физических сил. За последние более чем тридцать лет было не принято в значимом информационном поле вспоминать о том, что представлял собой Совет Народных Комиссаров, временное правительство, призванное руководить страной до созыва Учредительного собрания. Ни в одном правительстве ни одной страны в мире на тот момент (октябрь 1917 г.) не было министров, которые бы знали столько иностранных языков, были авторами такого количества книг при среднем возрасте наркомов в 36,5 лет. Ленин считался «Стариком» – 47 лет.

Ленин был абсолютно уверен в том, что 300 тысяч большевиков смогут управлять Россией лучше, чем 300 тысяч дворян. Большевики 1917 года были настоящими революционерами, которые были уверены в том, что смогут не только свернуть шею всем своим политическим противникам и конкурентам, но и сдвинут «горы» проблем, которые стояли перед страной.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Гражданская война отличается от классовой борьбы. Забастовки, даже общенациональные, демонстрации, шествия, даже столкновения с полицией не предусматривают массированного применения огнестрельного оружия с обеих сторон. С появлением пулеметов некоторые считали, что время для шествий и демонстраций закончилось. В отличие от, так сказать, повседневной, обычной классовой борьбы Гражданская война связана с тотальным использованием всех видов оружия противоборствующими и организованными группами граждан. Наряду с крупномасштабной фронтовой войной составной частью любой гражданской войны являются реквизиции имущества противника, аресты, суды, заложничество, концентрационные лагеря, деятельность разведок, диверсии, заговоры, политические убийства, забастовки, демонстрации, информационная война. По-видимому, гражданскую войну не случайно называют высшей формой классовой борьбы. При этом не стоит забывать, что в гражданских войнах в ряде африканских стран в силу межэтнических (а не классовых) противоречий погибли миллионы людей.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Приказ царя о расстреле демонстраций в Петрограде может служить лишь достаточно условной точкой отсчета для первого этапа, для пролога Гражданской войны. Это действие Власти против взбунтовавшихся народных масс, против простых людей, россиян, которых царизм считал не «гражданами», а «подданными». Свержение самодержавия сделало бывших «холопов», «чернь», «подданных» настоящими гражданами, за влияние на которых повели борьбу различные политические партии. Многие люди, ставшие ГРАЖДАНАМИ, выходили раз за разом на улицы (апрельский, июньский и июльский кризис). Например, солдаты 1-го пулеметного полка и матросы-анархисты были готовы с оружием в руках выступить против министров-капиталистов. А другие граждане легли за пулеметы и расстреляли демонстрацию 4 июля 1917 г. Этот момент, возможно, более важен для понимания хронологии развертывания Гражданской войны в России.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Роль чехословацкого корпуса была предметом специального рассмотрения в ряде исследований. Переход от этапа «эшелонной войны» к крупномасштабной (фронтовой) гражданской войне был постепенным, достаточно продолжительным и иногда прерывистым, дискретным. Яркая метафора о «Советской Республике в кольце фронтов» и даже соответствующая карта вряд ли точно отражают положение вещей на линии боевого соприкосновения. В ходе Гражданской войны вряд ли было выкопано столько траншей, окопов, создано многокилометровых сплошных линий обороны, как это имело место в годы Первой мировой войны. Бытие и участие чехословацкого корпуса в боевых действиях было «привязано» к железной дороге, которая и стала для чехословаков основной линией фронта.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Иностранная интервенция, начавшаяся весной 1918 года, была решающим фактором, обусловившим возникновение серьезного Белого движения и разрастание Гражданской войны до всероссийского масштаба.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Хронологические рамки революций как чрезвычайно сложных исторических процессов являются дискуссионной проблемой. Русская революция, понимаемая в более широком историческом контексте, чем Великая российская революция 1917 года, заметно уступает по продолжительности наиболее значимым революциям: Нидерландской, Английской, Американской, Великой Французской. В отличие от упомянутых революций Русская революция и последовавшее после окончания Гражданской войны строительство нового общества оказали колоссальное влияние на все мировое развитие, что, впрочем, предполагает составление совсем другого вопросника.

Хочется надеяться, что в результате целостного, всестороннего анализа современной историографии удастся установить, что Русская революция 1917 года есть не что иное, как величайший прорыв человечества вперед. И любые попытки принизить историческое значение этого грандиозного подвига, исторической миссии русского народа обречены на провал.

С. В. Холяев (ЯГТУ, г. Ярославль)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Как связанной с категорическим неприятием обществом действий власти. В обществе уже давно, начиная с XIX века, формировались оппозиционные настроения, и к XX веку они достигли максимума. Произошел кардинальный разрыв основной части общества, сформировавшей оппозиционные и революционные партии, с политикой государства. Конечно, власть допустила немало ошибок, но первопричиной революции явилось сознательное намерение оппозиции свергнуть власть. Февраль был след-

ствием не стечения обстоятельств, а стратегических замыслов оппозиции, ее желания сменить социально-политический строй в России.

1.2. Октябрьской революции?

Октябрь стал следствием неспособности тех самых общественных сил (либералов и социалистов), ставших новой властью в феврале 1917 года, взаимодействовать с народными массами. Новая власть оказалась менее успешной, чем предыдущая. Основные социальные слои народа (крестьяне, рабочие, солдаты) не подчинились распоряжениям новой власти. Все это дополнялось сложными отношениями внутри новых властителей, приведшими к распаду системы управления в революционной России. Губернская власть вышла из повиновения центральной власти, уездная – губернской, а на волостном уровне вообще преобладал полный хаос. Единственной партией, способной восстановить порядок в стране, оказались большевики. Поэтому Октябрь стал единственным благоприятным выходом из той сложной ситуации, в которую попала Россия вследствие начавшейся в Феврале революции.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Февраль мог и не наступить, поскольку война уже подходила к завершению. Но назвать его случайным также нельзя. Оппозиционные и революционные организации, жестко настроенные против власти, стремились устранить императора Николая II до завершения войны. Однако их отношения складывались напряженно, и Февраль мог состояться лишь при вовлечении в него всех антиправительственных сил. Возникнув как антивоенное, социалистическое движение, он был обречен. Лишь присоединение либералов к народному восстанию сделало возможным его успех. Либералы обеспечили переход власти от старых структур к новым.

2.2. Октябрьской революции?

С наступлением Февраля Октябрь стал остро необходим для сохранения российской государственности. Но успех большевиков вовсе не был предопределен, даже осенью 1917 года. Эсерами тогда предлагался конкретный вариант, призванный не допустить большевиков к власти, напрямую направленный против усиления влияния Советов рабочих и солдатских депутатов. В ходе Демократического совещания, проходившего в сентябре 1917 года, эсеры предлагали создать умеренно-социалистическое правительство без кадетов и большевиков. Предполагалось, что данное правительство сможет опереться на целый комплекс структур, где преоб-

ладали эсеры и меньшевики: Предпарламент в центре, губернские и уездные земства, городские думы и Советы крестьянских депутатов на местах. Но А. Ф. Керенский заявил о принципиальном несогласии с созданием такого правительства и о своем выходе из него при его создании, и эсеры ему уступили. В результате Керенский включил кадетов в последний состав правительства, предопределив тем самым скорую ликвидацию Временного правительства. Однако важно, что при реализации предложения эсеров и недопуске большевиков к власти, февральские органы управления не сумели бы справиться с нарастающими проблемами, и Россию ожидал неминуемый территориальный распад, с последующим разделением на более мелкие государственные образования.

2.3. Русской революции в целом?

Готов признать закономерность Русской революции в целом, так как ее наступления хотели наиболее активные слои общественности, и эти настроения обязаны были привести к определенным последствиям. Показательно, что возникшее в начале XX века объединение оппозиционных и революционных организаций называло себя Освободительным движением, прямо ставя перед собой задачу ликвидации самодержавного режима.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Нет. Поскольку либералы и генералы, возглавляемые А. И. Гучковым, готовили переворот на конец марта. Он должен был произойти до начала весеннего наступления, запланированного на апрель 1917 года. К моменту завершения войны намечалось перехватить власть у правительства. Февраль произошел неожиданно для либералов и был связан с забастовкой, проходившей в феврале 1917 года на Путиловском заводе. Митинги солидарности с путиловцами планировались вначале всего лишь в двух окраинных районах столицы, Выборгской стороне и Нарвской заставе, где ведущая роль принадлежала большевикам. Но они быстро переросли в общегородскую стачку. Движение первоначально имело антивоенный характер. К нему активно присоединились и другие социалистические партии. Более подробно ход февральских событий изложен в моей статье «Три Февраля 1917 года», опубликованной в журнале «Вопросы истории»¹. Либералам пришлось присоединяться к уже происходившему мощному движению, инициатива в котором принадлежала социальным низам,

¹ Холяев С. В. Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 26–38.

рабочим и солдатам, и социалистическим партиям. В ходе февральских событий либералы оказались вторичной стороной, сильно зависимой от настроения широких масс.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Как об относительно стихийном можно говорить только о солдатском восстании, связанном с Волынским полком, и действиями его унтер-офицера Т. И. Кирпичникова. Рабочее движение все время курировалось социалистическими партиями, прежде всего большевиками и меньшевиками. Когда солдаты из Волынского и других полков вышли на улицы столицы 27 февраля 1917 года, там уже разворачивалось рабочее восстание. Вначале его возглавляли большевики. Одна из их групп, во главе с будущим всесоюзным старостой М. И. Калининым, заняла Финляндский вокзал, где планировалось размещение пробольшевистского правительства. А затем освобожденные из тюрьмы «Кресты» члены рабочей меньшевистской рабочей группы увели рабочих и солдат в Таврический дворец, где сформировался Петроградский Совет, состоявший преимущественно уже из активистов умеренно-социалистических партий. При этом меньшевики и эсеры, перехватив руководство восстанием у большевиков, перевели его из антивоенного в общепозиционное русло, чтобы оно стало приемлемым для либералов. Этим они ограничились размах народного движения, жестко настроенного против царизма, и сделали возможной победу Февраля.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Успех Февраля стал возможен только при слиянии разных потоков — массового рабочего и солдатского движения, связанного с социалистическими партиями, и действиями либералов, добившихся 2 марта 1917 года отречения императора Николая II. С одной стороны, без действия низов и социалистов события в феврале не приобрели бы столь широкого характера, а с другой — лишь либералы сделали возможной мирную передачу власти новым революционным структурам.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Для прихода к власти большевики использовали массовые органы — Советы. Но этот успех объяснялся проведенным скоординировано по всей стране заговором, в котором участвовали их партийные структуры.

Была проведена координация действий ЦК большевистской партии и ее областных и губернских органов. Областные органы занимали промежуточное положение между ЦК и губкомами. Каждый из обкомов разрабатывал пароли для тех губернских центров, которые входили в соответствующую область, в среднем от 10 до 15 губерний. Губкомы должны были получить пароли в день захвата власти в Петрограде в виде телеграмм и, не дожидаясь сообщений из столицы, брать власть на своем уровне. В Ярославль телеграмма с паролем «Конференции никто не будет» пришла около полудня 25 октября. Официальное сообщение по телеграфу о смене власти пришло только через сутки. В результате в 20-х числах октября власть к большевикам перешла почти во всех губернских городах. Советские историки назвали этот процесс «Триумфальным шествием Советской власти».

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Да, большевики в октябрьские дни 1917 года использовали механизм работы Советов. Но не менее важно, что большевистское крыло II Всероссийского съезда Советов получило поддержку провинции. Если в Феврале главными стали события в Петрограде, то в Октябре, по сути, шло наступление провинции на столицу, и власть переходила к большевикам не только на уровне центра, но и в губерниях, где властными органами становились губернские Советы рабочих и солдатских депутатов. Это сильно укрепило власть большевиков и позволило им удержать власть в последующем.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да, но кризис создали действия именно Временного правительства. Накануне 1917 года складывалась непростая ситуация, однако это был еще не кризис. Октябрь оказался исторически необходим для сохранения российской государственности, но стал таковым только после начала Февраля.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Да, успех большевиков после революции, начавшейся в феврале 1917 года, был оптимальным для сложившейся ситуации. Они оказались единственной силой, способной продолжить суверенное и территориально целостное существование России. В противном случае, при срыве Октября, Россия, скорее всего, была бы разделена между другими иностранными государствами, причем обоих враждебных блоков: Антанты и Четверного союза. То есть они заключили бы ничью по итогам Первой мировой войны и совместно поделили Россию. Партия большевиков не только сохранила страну, но по итогам Второй мировой войны превратила Советский Союз в мировую супердержаву.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Да, готов.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Я согласен, что в широком смысле гражданская война началась в феврале 1917 года, о чем уже писал в сборнике 2018 года, посвященном 100-летию начала Гражданской войны. Но началась она не из-за решения Николая II расстрелять демонстрацию в Петрограде 26 февраля, а как раз из-за противоположного: отстранения императора (поскольку, по сути, отречение Николая II являлось его отстранением). Ликвидация монархической власти, переход управления к оппозиционно-революционным силам, не имевшим опыта управления государством, предопределили вхождение страны в жесточайший кризис, ввергший Россию в гражданскую войну.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Действия чехословацкого корпуса не стали первопричиной гражданской войны, но они явились ее мощным катализатором. Восстание чехо-

словаков дало основу для вовлечения в вооруженную борьбу партии эсеров, настроенной непримиримо против большевиков, и готовой сотрудничать с союзниками на максимально выгодных для них условиях.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Да. Во всяком случае, менее кровопролитной. Хотя гражданская война в России имела внутренние корни, но существенное влияние на нее оказывала продолжавшаяся Первая мировая война. Оба противостоявших в ходе войны блока (Четверной союз и Антанта), по крайней мере, до ноября 1918 года, утверждали, что всего лишь продолжают на ее территории войну между собой. О том, что в реальности это было не так, показали последующие события в 1919–1920 годах, когда государства Антанты продолжили интервенцию. Белые в материальном плане сильно зависели от Запада и потому проиграли борьбу большевикам в патриотической среде. Многие офицеры и генералы искренне, а вовсе не вследствие системы заложничества и репрессий, перешли в Красную армию. Несмотря на это, патриотизм белых также сомнений не вызывает. Главная их заслуга перед российской государственностью заключалась в том, что они сорвали планы Запада по юридическому оформлению распада страны. США предлагали собрать на Принцевых островах конференцию с участием всех государственных образований бывшей Российской империи. Даже большевики рассматривали вероятность участия в данном мероприятии, правда, обуславливая это рядом условий. Белые правительства, в частности генерал Е. К. Миллер, в жесткой форме отказались от участия в форуме, направленном на передачу решения вопроса о принадлежности государственно-административных границ из рук российских властей представителям других государств. По мнению Миллера, предложения президента США Вудро Вильсона вели к расчленению России. Поэтому правительства Запада не были заинтересованы в победе белых, но желали максимально долгого продолжения конфликта, что наглядно подтверждают нынешние события на Украине.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

В отдельных регионах, например, на Севере России, интервенция почти полностью определяла ход Гражданской войны. И это несмотря на то,

что ту же Северную область возглавлял один из самых талантливых русских генералов Первой мировой войны – Е. К. Миллер. Но и он не сумел сохранить власть на длительное время после ухода британцев. На Дальнем Востоке имел место противоположный пример: опыт успешного сотрудничества большевиков с эсерами и меньшевиками. Создание Дальневосточной республики, с участием умеренных социалистов, сохранявших сильное влияние в Сибири и на Дальнем Востоке, позволило изгнать интервентов и восстановить здесь общегосударственную власть.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Поддерживаю официальную концепцию сегодняшней исторической науки о единой революции 1917 года с двумя ее разными этапами – февральским и октябрьским. Считаю, что она ни в чем не умаляет роли большевиков в событиях 1917 года. Первый ее этап, февральский, являлся разрушительным, сверг страну в хаос, а второй, октябрьский, начал вывод страны из глубокого социально-политического кризиса. При рассмотрении революции в тени идеологически-политических противоречий обычно остается ее главный конфликт – раскол центральной и провинциальной власти. Показательно, что начался он еще в марте 1917 года, в первые революционные дни, когда политику центра и регионов определяли представители одного, либерального лагеря. Но во Временном правительстве перевес получили либеральные министры, не входившие в кадетскую партию, а в губерниях власть получила кадетская партия. Глава правительства кн. Г. Е. Львов проигнорировал голос провинции, где основными стали губернские КОБы во главе с кадетами, и выбрал губернскими комиссарами председателей губернских земств, намереваясь передать власть на местах старым дореволюционным структурам, земствам и городским думам. Межинституциональный конфликт привел к разрыву в отношениях центральных и губернских властей. Единодушие регионов привело к тому, что назначение на посты губернских и уездных комиссаров от правительства перешло в юрисдикцию самих КОБов, а КОБы при этом остались вне правительственного контроля. Это значило, что при последующем углублении идеологических противоречий, натиске эсеров и меньшевиков на либералов, с последующим переходом уже губернской власти к эсерам и меньшевикам, региональная власть больше не могла рассчитывать на помощь центральной власти в своих сложных отношениях с уездными органами

управления. При этом, что волостной уровень управления полностью вышел из-под подчинения государственной власти (центральной, и региональной), перейдя к крестьянским органам – волостным КОБам.

В условиях углублявшегося хаоса и разворачивался октябрьский этап революции. Главная его суть – восстановление управляемости в стране. Основой этого процесса стало восстановление взаимодействия центральной и губернской власти. Осенью 1917 года произошло принципиальное усиление влияния большевиков на губернском уровне. Главное в октябрьские дни происходило не в Петрограде, где большевики, наконец, сформировали собственное правительство, Совнарком, а в регионах. Как уже писалось, областные партийные структуры, промежуточные между ЦК и губкомами, обеспечили губернским парторганизациям через систему условных паролей опережающую информацию о начале захвата власти в Петрограде их партией. Кроме того, направление регионами делегатов на II Всероссийский съезд Советов позволяет нам говорить об октябрьских событиях 1917 года в комплексе, как о наступлении провинции на центральную, обессиленную власть Временного правительства. Такой взгляд на те события дает новое понимание Октября, как процесса начала восстановления порядка в России, что выразилось в возвращении к союзу центральной и губернской власти. В дальнейшем через этот союз стало возможным подчинение новой большевистской власти уже и уездных властных органов. А впоследствии, в 1918 году, распространения новой власти и на крестьянские волости. Советские историки, говоря о «Триумфальном шествии Советской власти», в основном обращали внимание на идеологические факторы. К тем немногим, кто писал о драматичных взаимоотношениях центра и регионов в 1917 году, относились тогда В. И. Старцев и Г. А. Герасименко. Подчинение региональной власти центру и сделало возможным в условиях гражданской войны превращение территории, подконтрольной большевикам, в единый военно-политический лагерь, тогда как подконтрольные белым территории не прошли процесса полной дефеврализации, и потому там по-прежнему достаточно сильно проявлялись элементы хаоса. В конечном счете, соотношение порядка и хаоса во властных органах и во взаимоотношениях с населением и определило исход Гражданской войны.

Таким образом, Октябрь стал ключевым этапом революционных событий 1917 года, единственно возможным путем в тех условиях для постепенного возвращения страны к условиям нормальной государственной жизни. И наиболее рельефно восстанавливающая роль большевиков предстает не в

традиционной концепции двух революций, февральской и октябрьской, а при ее новом понимании – одной революции, с разными этапами.

В. Ж. Цветков (МПГУ, Москва)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

Социально-экономический характер Февральской революции можно рассматривать как яркий пример реакции общества на связанные с войной перемены в повседневной хозяйственной жизни. Очевидно, что война значительно изменила экономику России. С одной стороны, наблюдался заметный рост производства в военной сфере (металлообрабатывающая промышленность). С другой – столь же очевидное сокращение производства предметов потребления. Сами по себе перебои с хлебом в столице (в значительной степени способствовавшие недовольству) не носили еще тотального характера грядущего «голода». Но сравнение с довоенными нормами потребления, а также осознание неравенства распределения ресурсов, падение реальной зарплаты даже на военных заводах, локауты – все это не способствовало общественной стабильности.

1.2. Октябрьской революции?

Октябрь 1917-го с экономической точки зрения можно рассматривать как своеобразную психологическую реакцию общества на отсутствие заметных перемен к лучшему после Февраля. От любых радикальных перемен, как правило, бывают завышенные ожидания. Между Февралем и Октябрем 1917-го был небольшой срок для того, чтобы говорить о хозяйственной катастрофе. В какой-то степени ситуация даже стабилизировалась благодаря хлебной монополии и введению карточной системы. Однако среди населения явно преобладало недоверие к Временному правительству, которое было не способно радикально улучшить экономическое положение.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Безусловно, Февральская революция стала закономерным результатом обострившихся социально-экономических и социально-политических противоречий, назревавших еще с начала XX столетия. Война существенно усилила кризисные явления, в первую очередь по причине своей длитель-

ности и неопределенности перспектив (отсутствие явных успехов на фронтах, большие потери, мобилизации, рост недоверия к верховной власти).

2.2. Октябрьской революции?

В целом Октябрь 1917-го стал дальнейшим развитием и углублением революционных перемен, вызванных Февралем. Но можно было обойтись и без штурма Зимнего дворца, «низложения» Временного правительства и разгона Учредительного Собрания. Страна четко шла «левым», социал-демократическим курсом. В. И. Ленин сознательно использовал для дальнейшей радикализации любые кризисные явления, неизбежные в условиях продолжающейся войны и временной власти.

2.3. Русской революции в целом?

Русская революция вполне закономерна как радикальный вариант догоняющей модернизации. Можно лишь заметить, что стремление пренебречь назревшими социальными преобразованиями и тормозить реформы всегда приводит к революционной ситуации, которая имеет перспективы перерасти в революцию.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Нет, конечно. Заговоры если и были, то шли они не далее разговоров, вспоминая А. С. Пушкина, «между лафитом и клико». Единственный реальный, серьезно готовившийся, о котором известно в настоящее время, — т. н. план «дворцового переворота» А. И. Гучкова и генерала А. М. Крымова. Но и он был лишь на уровне подготовки. И большой вопрос, состоялся бы он еще.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Отчасти да, отчасти нет. Массовый выход солдат на улицы Петрограда, судя по динамике этого процесса, носил характер, если можно так сказать, общинного выступления, когда расположенные близко казармы запасных батальонов гвардейских полков оказались охвачены общим намерением — выйти на улицы для участия в протестном движении. Аналогично несколькими днями назад произошел массовый выход рабочих фабрик Выборгского района. Правда, первичное выступление волынцев, спровоцировавшее дальнейшее выступление военных, могло быть связано с деятельностью подпольных революционных групп. Но воздействия на гарнизон со стороны оппозиционных групп Государственной Думы не было.

3.3. *Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

Вполне следует согласиться с тезисом В. И. Ленина, высказанном им в первом «Письме из далека». В стране существовало недовольство властью и «сверху» и «снизу». Проблема в том, что «сверху» существовали оппозиционные настроения, а «снизу» — готовность к массовым протестным, революционным, по сути, действиям. И опыт первой русской революции 1905-го года здесь оказался весьма востребованным.

4. **Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:**

4.1. *Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*

В революционных событиях Октября 1917-го года можно заметить признаки переворота, но только в первые дни и недели после 25 октября. Поскольку политика пришедших к власти большевиков была целенаправленно ориентирована на проведение перемен, полностью меняющих структуру экономических и политических отношений, можно было бы говорить о глубоком революционном процессе.

4.2. *Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Отчасти да. Но представительство в Советах, которые изначально создавались как структуры, которые выражают «волю трудящихся», «эксплуатируемых классов» (а затем позиционировались как органы «диктатуры пролетариата»), не могло заменить всенародное представительство, потенциально возможное при осуществлении реформы земско-городского самоуправления Временного правительства и тем более Всероссийское Учредительное Собрание, избранное по демократической «четырёххвостке».

5. **Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:**

5.1. *Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?*

Кризис был, это бесспорно. Однако для выхода из кризиса, очевидно, не было необходимости в столь радикальном решении политических проблем, как вооружённое восстание. Вполне логично было бы дожидаться

начала работы Всероссийского Учредительного Собрания и проводить там назревшие перемены, причем с очевидным следованием социал-демократическим принципам. Ведь если вдуматься, то 25 % голосов в Российской Конституанте (а в блоке с левыми эсерами было бы еще больше) – это, конечно, не подавляющее большинство, но и отнюдь не мало. И этого было бы достаточно для продолжения тех преобразований (перехода от «программы-минимум» РСДРП к «программе-максимум»), которые ожидались в стране.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Отставание, как закономерный результат «догоняющей модернизации», преодолевалось на протяжении всего XX века. Но вооруженное восстание опять-таки – это не единственный формат для завершения данного процесса. Очень многого можно было бы добиться и мирным путем, не провоцируя гражданского противостояния.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Скорее в узком – то есть это именно фронтовая война. В этом отличие от «гражданских конфликтов», которых всегда много, и они носят разнообразный характер. Только следовало бы еще обязательно добавить не только противостояние фронтов, но и противостояние государственных систем со всеми атрибутами власти, в том числе и с армиями. То есть советской и антисоветской, антибольшевистской.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Нет. Поскольку это как раз одна из форм «гражданского конфликта», о которой я говорил выше. Вообще, если уравнивать гражданские войны и гражданские конфликты, то можно было бы начинать историю Гражданской войны в России еще с 1905 года, т. е. с первого «кровавого воскресенья».

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Нет, поскольку уже до этого события существовали реальные фронты вооруженного противостояния и органы государственной власти, противостоящие советской власти. Это и Добровольческая армия, и Донской Гражданской Совет, и органы власти в казачьих областях, и Сибирская областная Дума, и областные антибольшевистские правительства со своими вооруженными силами (пусть и немногочисленными). То, что в Сибири противники большевиков ушли в подполье, не означает их «небытия». Выступление Чехословацкого корпуса лишь усилило противостояние и только для части территории Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

Интервенция, безусловно, усилила позиции антибольшевистского движения и стала фактором усугубления Гражданской войны. Но она не являлась единственной причиной Гражданской войны. И без нее стало бы несомненным, например, массовое крестьянско-казачье сопротивление аграрной и продовольственной политике, проводимой большевиками с весны 1918 года, не говоря уже о принятых советской властью решениях после октября 1917 года. Гражданская война – это внутренний конфликт, и причины его не находятся во внешнем окружении.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

В некоторых регионах бывшей Российской империи – да. Интервенция усиливала противников советской власти. Например, поддержка немецкими войсками «белой гвардии» в Финляндии сыграла решающую роль в ее победе над финской «красной гвардией». Но далеко не везде участие иностранных воинских контингентов имело решающее значение. А после окончания Первой мировой войны непосредственное участие стран Антанты в боях Гражданской войны стремительно снижается и к осени 1919 года практически полностью прекращается, ограничиваясь эпизодами, не имеющими решающего значения для исхода той или иной операции.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Не настолько существенной, чтобы говорить о начале и о конце Гражданской войны. Гражданская война началась до интервенции и закончилась после интервенции.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Я бы обратил внимание на проблематику, связанную с изучением социального характера Гражданской войны. В широком смысле этого слова, не ограничиваясь рамками «классового подхода». Это и факторы социальной психологии, и факторы военной психологии, и формирование «образа врага», и понимание того, как Гражданская война повлияла почти на всю советскую историю на протяжении XX века (а ее отголоски, к сожалению, подчас звучат до сих пор).

Важно отметить дальнейшее изучение процессов демократизации страны даже, как это ни парадоксально прозвучит, в условиях Гражданской войны. Где-то была озвучена фраза, что «гражданская война невозможна без гражданского общества», без гражданской активности, хотя и в крайне разрушительной ее форме. Думаю, что тут есть над чем подумать.

Д. О. Чураков (МГПУ, Москва)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

В определении социально-экономического характера Февраля я придерживаюсь точки зрения советской историографии, определяя его как буржуазно-демократическую революцию. Это определение сегодня трудно воспроизводится и с ещё большим трудом воспринимается в силу того, что резко нарушено согласие по вопросам о том, как определять понятие «буржуазная» и «демократическая». Но это проблемы переходного периода, переживаемого исторической наукой и всего общества. Для меня понятие буржуазно-демократической революции, помимо того, что имелось в виду в советской историографии, означает ещё один аспект, продиктованный сегодняшним днём: в начале XX века капитализм ещё находился на восходящей линии демократического развития через развития демо-

кратических национальных государств. В настоящее время развитие капитализма перешагнуло национальные рамки окончательно, а с отказом от реальной демократии в рамках национальных государств, происходит отказ и от демократии как таковой. Ей на смену идёт то, что можно назвать виртуальной или иллюзорной «демократией» транснациональных информационных сетей, ИИ, цифровой валюты и подобных радостей нового средневековья и глобального тоталитаризма.

1.2. Октябрьской революции?

Для меня, как учёного и гражданина, Октябрь, прежде всего, является великим событием, а великие события порождают большие споры. Не утихают они и вокруг Октября. Но ни его у критиков, ни у сторонников не вызывает сомнений глубинный характер начатых им перемен. Столь редкое единодушие заставляет задуматься. Видимо осенью 1917 г. произошло нечто такое, что выделяет эти события из общего хода отечественного и мирового развития. Человечество за свою историю пережило не одну революцию. Но только две из них именуются великими — это Великая Французская революция 1789–1799 гг. и Великая Российская революция 1917 года. Обе эти революции являлись не просто политическими, а социальными. В чём же отличие социальной революции от политической? Социальная революция означает не просто смену власти, а выход на арену истории новых общественных сил. Перемены происходят во всех сферах жизни страны: идеологии, экономике, политике, даже быту. В последние годы в научной литературе и публицистике к определению Октября как социальной революции добавилось определение его как своеобразного «цивилизационного надлома», когда менялась парадигма всего развития нации: Россия отвергала заданный Петром I путь вхождения в Западную цивилизацию и возвращалась к своим истокам, самобытному историческому развитию. При этом сам приход к власти большевиков некоторые авторы называют то мятежом, то переворотом, то Великой Октябрьской революцией. Очевидно, что в исторической перспективе этот спор вокруг событий собственно 25–26 октября 1917 г. лишён какой-либо принципиальной основы. Сами большевики не смущались называть произошедшее переворотом, и, в то же время, когда В.И. Ленин произнёс свои знаменитые слова о том, что социалистическая революция, о которой так много говорили большевики, свершилась, и друзья и противники осознали, что в истории России действительно наступила новая эпоха.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. *Февральской революции?*

2.2. *Октябрьской революции?*

2.3. *Русской революции в целом?*

В различных историографических школах по-разному представляют события 1917 года: как одну единую Русскую (Великую) революцию или как две последовательные революции – февральскую и Октябрьскую (Великую, социалистическую). Мне эти разногласия не представляются принципиальными, поскольку для меня они имеют исключительно вопрос метода, целей и задач. С определённых позиций и с определёнными задачами события 1917 года удобнее изучать как единый процесс. А с других – как два существенно разных этапа. Соответственно в одних моих работах можно увидеть термин Великая Русская революция, а в других – отдельно февральская, отдельно Октябрьская революция. Более того, исследовательские задачи позволяют мне употреблять и другие термины, если они позволяют точнее понять происходившее в нашей стране в тот момент – это и переворот, и Вторая русская смута, и Красная смута и ещё несколько аналогичных терминов и речевых оборотов.

В любом случае, и Русская революция, и февральская революция, и Октябрьская революция – все вместе и по отдельности – для меня являются закономерными явлениями. Закономерными – не обязательно неизбежными. Поэтому для меня так же появляется задача определить не только закономерность, но так же причины и предпосылки изучаемых событий.

Если отбросить спекуляции на предмет разного рода заговоров как главной составной революции 1917 года (или февраля, или Октября), то, как представляется, вопрос причин и предпосылок революции, так же как в прежней советской историографии, и сегодня остаётся в центре внимания серьёзных исследователей. Но в наши дни подходы к нему существенно изменились, прежде всего потому, что на первый план выдвинулся процесс перехода в начале века России от традиционного общества к гражданскому. Понятно, что связано это с тем, что и сегодня в России происходит нечто похожее. Только на новом, качественно отличном уровне, поскольку институты традиционного общества к концу XX века оказались уже основательно подорваны (впрочем, не скроем, в начале XXI века и гражданские институты уже демонстрируют тенденцию к отмиранию).

Анализ созревания причин и предпосылок революции с точки зрения механизмов перехода к гражданскому обществу позволил по-новому поставить вопрос о развитии в России капитализма. Если прежде оба процесса практически отождествлялись, то современное положение дел в стране показывает, что рост капитализма вовсе не тождествен формированию гражданского общества, а иногда и просто губителен для его институтов. Ещё более кардинально поставлен сегодня вопрос и о том, можно ли сводить весь комплекс причин и предпосылок революции к фазам развития в стране капитализма? Именно на этом основывалась прежняя схема исторического процесса в России. Эта схема более или менее успешно функционировала, когда революцию 1917 г. изучали на примере Петрограда и его крупной, вестернизированной индустрии. Но по мере выявления материалов о происходившем в остальной России, она оказалась недостаточной.

Всё больше историков склоняются к тому, что предпосылки революции восходят очень к глубоким историческим пластам. Во всяком случае, современное понимание нарастания революционного кризиса далеко от упрощенчества и сведения его причин к какому-то одному, пусть и очень важному фактору. В обострении революционной напряженности, того раскола общества, из которого она произрастала, можно выделить не один, а сразу несколько этапов, направлений, уровней.

Приняв концепцию «многоуровневой»/«многофакторности» природы кризиса империи, можно убедиться, что большинство современных исследований дореволюционной России и революции 1917 г. не противоречат ей. Так или иначе, они вписываются и в чём-то дополняют её, беря в качестве предмета исследования отдельные этапы или проявления кризиса. Это ничуть не умаляет самостоятельной ценности научных поисков современных авторов. Наоборот, речь идёт о том, что на разном историческом материале историки приходят к взаимодополняющим выводам. Правда, далеко не все компоненты происходивших тогда процессов уже изучены, но общее движение исторической мысли вполне определилось.

Теории многофакторности причин и предпосылок революции своими корнями глубоко уходит в состояние современного российского общества. Открывая перед историками новые перспективы, она, тем не менее, пока не позволила ответить на вопрос о том, какой же из факторов был в созревании революции если не решающим, то, по крайней мере, ведущим. Соответственно этому, сегодня ещё не удалось достаточно чётко решить вопрос о движущих силах революции 1917 года. Будущий фронт историче-

ского поиска в этой связи видится двояко. С одной стороны новые и прежние подходы могут дать некий синтез. С другой стороны может возникнуть острая полемика между теми, кто будет отрицать наличие каких либо ведущих тенденций в революции, гегемонию каких либо социальных сил и теми, кто будет склоняться к тому, что подобная гегемония и магистральная линия в революции всё же существовала, пусть и не в ярко выраженной форме.

Интерес сегодняшней исторической науки к проблематике причин и предпосылок революции понятен – в определённом смысле он проистекает из апокалиптических страхов, связанных с возможностью повторения подобных потрясений и восемьдесят лет спустя их первого издания. Причём второе издание может оказаться куда более разрушительным.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

В истории всегда есть место заговору. Иногда эти заговоры имеют решающее значение, иногда теряются на фоне более грандиозных процессов. В случае февральской революции мы имеем второй вариант развития событий. Безусловно, заболевший государственный организм Российской империи представлял собой удобную мишень для разного рода конфликтов, выяснений накопившихся противоречий, эгоистических интересов и планов. Разные группы пытались перетянуть одеяло на себя. Но так же очевидно, что брожение и недовольство к 1916 году успели растечься по всему обществу, пронизав его сверху донизу.

Свою роль сыграла неудачная для Империи затяжная позиционная война. Она обострила все существовавшие в стране проблемы и породила множество новых. Неумение царского правительства довести страну до победы, распутинщина, слухи о возможном тайном сепаратном мире с Германией вызвали недовольство либеральной буржуазии, части государственных служащих и помещичьего блока, в недрах которых зреет идея дворцового переворота. Нарастает мощный протест низов, недовольных тяготами военного времени. В России складывается революционная ситуация. По меткой характеристике, которую дал происходившим в стране процессам американский историк А. Рабинович, с определенного времени дни самодержавия оказались сочтены, неясно было только одно – что победит раньше: народная революция или верхушечный переворот. Война обострила все существовавшие в стране проблемы и породила множество

новых. Неумение царского правительства довести страну до победы, распутинщина, слухи о возможном тайном сепаратном мире с Германией вызвали недовольство либеральной буржуазии, части государственных служащих и помещичьего блока, в недрах которых зреет идея дворцового переворота. Нарастает мощный протест низов, недовольных тяготами военного времени. В России складывается революционная ситуация. По меткой характеристике, которую дал происходившим в стране процессам американский историк А. Рабинович, с определенного времени дни самодержавия оказались сочтены, неясно было только одно – что победит раньше: народная революция или верхушечный переворот.

Как представляется, история в этой специфической «гонке» зафиксировало «ничью». И даже фотофиниш вряд ли выявит однозначного победителя. Другое дело, что первоначально именно либеральные круги смогли воспользоваться происходящим. Но на их беду, в феврале 1917 года был только промежуточный финиш, а дальше они просто слетели с дистанции. Их союзники из правых социалистов какое-то время ещё пытались удержаться на дистанции, но и для них оседлать тигра революции оказалось не под силу. В этих условиях изучать февраль с акцентом на заговор (заговоры) либералов, староверов, масонов, генералов или кого угодно – занятие бесперспективное. Лично у меня желания двигаться в тупик никогда не возникало.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Точно так же я не готов трактовать события революции (русской, февральской, октябрьской) как стихийное движение народных масс, в том числе рабочих и солдат петроградского гарнизона.

На определённом этапе стихийные выступления сыграли большую роль – слишком велик был накопленный протестный потенциал. Но очень быстро стихийные протесты начинают организовываться извне или самоорганизовываться. Становление системы рабочих организаций означало переход движения низов в новое качество. Стихийность, конечно, сохранялась на протяжении всей эпохи революции и гражданской войны, но только как один из элементов происходящего.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

Если учесть сказанное выше, то революционные события 1917 года правильнее всего рассматривать как совпадение и взаимодействие различных оппозиционных течений. Но не обязательно их слияние – речь идёт, скорее всего, просто о параллельных потоках истории, об одновре-

менных вызовах, на которые существовавшая власть должна была реагировать, но не поспевала за ходом событий из-за их насыщенности и разнонаправленности. Различные «направления революции» скорее не сливались, а конфликтовали не только с властью, но и друг с другом. В этой связи интересной видится гипотеза, согласно которой в феврале 1917 года произошло две революции — народно-освободительная и буржуазная. Их совпадение и взаимодействие и привело к тому, что события февраля в целом могут быть условно определены буржуазно-демократической революцией. Но очень скоро пути двух разных революций разошлись окончательно. Буржуазная революция исчерпала свой потенциал и ушла в область исторической периферии. В свою очередь народно-освободительная революция прошла путь быстрой радикализации и полностью воплотилась в событиях Октября 1917 года.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Да согласен. Но не следует смешивать необходимость и неизбежность. Россия могла продолжить войну и сегодня от неё остались бы примерно такие же осколки, как от других империй, канувших в лету по итогам Первой мировой войны. Союзники изначально не планировали включать Россию в число равноправных победителей, а уж при том хаосе, который начался после февраля 1917 года, с нами вообще никто не собирался считаться.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма — борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

Да согласен. У России было, в принципе, в начале XX века было три проекта будущего: правый (монархический), центристский (условно либеральный) и левый (революционный). Внутри каждого из них существовало множество вариантов. В период 1914–1922 года представители всех трёх проектов имели возможность предъявить свои козыри. Победили большевики, поскольку их проект будущего оказался наиболее адекватным ситуации, нравится это кому-то или нет. Именно адекватность момента сделала большевистский Красный проект развития страны реальным способом преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в ту историческую эпоху. Отказ совершенствовать Красный проект, консервация подходов 1917–1922 годов в период с 1956 по 1981 годы привели к его одряхлению и разрушению. Всё почти по Гегелю: «Всё разумное действительно, всё действительно разумно».

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

В зависимости от научных задач я пользуюсь и первым (широким), и вторым (узким) пониманием гражданской войны вообще и Гражданской войны в России в начале XX века в частности.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Про второе, третье ... «кровавые воскресенья» мне сказать нечего, а вот с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года согласен. Только очевидно, что она была начата раньше, с провокаций либеральной оппозиции и заговоров генералитета.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Да, согласен. До этого фронтов в Гражданской войне не было, размах боевых действий был в разы меньше, чем после французского по принадлежности и чехословацкого по национальному составу корпуса.

9. Вы оцениваете *иностранную интервенцию* (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. *Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;*

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны*

Без всяких сомнений роль интервенции в событиях революции и гражданской войны не может рассматриваться ни как несущественная, ни как периферийная. Современная теория локальных (малых) войн указывает на то, что любая гражданская война без внешнего воздействия быстро сходит на нет, а если гражданская война обостряется и затягивается, то нужно искать внешнего бенефициара. В данном случае не стоит забывать и точку зрения У. Черчилля, видевшего в событиях в России элемент Первой мировой войны, а, следовательно, признавал определяющую значимость внешнего воздействия на ход революции и гражданской войны внешних факторов.

Даже если начинать не с лета 1914 г., а с февраля 1918 г., когда Германия совершила агрессию против РСФСР, то определяющее влияние интервенции в разрастании гражданской войны станет очевидной. Наступление немцев привело к потере промышленных и хлебных районов, что серьезно усложнило внутривластическую обстановку. Но и потом Германия долгое время представляла немалую опасность для Советской республики.

Однако наиболее опасной интервенция становится лишь с началом экспансии со стороны стран Антанты.

Вмешательство бывших союзников во внутренние дела России началось задолго до прихода к власти большевиков. Но после победы революции вмешательство это получает свое идеологическое оправдание и резко возрастает. Публично новый подход к взаимоотношениям с Россией был изложен в так называемых 14 пунктах Вильсона – программе, выдвинутой президентом США В. Вильсоном 8 января 1918 г. в его послании конгрессу. В документе предусматривалось создание в России «демократического» правительства, что в условиях существования Советской власти неизбежно подразумевало свержение существующего строя и вооруженную агрессию. Для понимания тогдашней позиции руководства Соединенных Штатов по отношению к России важны не только сами «14 пунктов», но и

комментарии к ним советника президента полковника Хауза. Комментируя пункт 6 программы Вильсона, Хауз говорил о необходимости признания всех временных правительств, которые возникали в различных частях бывшей Российской империи. Кавказ предлагалось рассматривать как часть проблемы Турции, говорилось о предоставлении какой-либо державе мандата на управление Средней Азией, о создании самостоятельных правительств в Великороссии и Сибири. Словом, американская администрация подготовила и озвучила целую программу, направленную на расчленение России и подчинение ее бывшим союзникам.

Интересная оценка целей интервенции содержится в мемуарах яростного противника большевизма А. Ф. Керенского. В частности, он вспоминает о договоренности, достигнутой между Англией и Францией. Всего два месяца спустя после Октябрьской революции, 22 декабря 1917 г., правительства этих государств заключили тайную конвенцию о разделе сфер влияния в «бывшей Российской империи». Согласно ей сразу же после поражения Германии балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область должны были войти в английскую, а Украина и Крым – во французскую зону влияния. Границы страны отодвигались к границам допетровской Московии, а между Россией и Западом должна была протянуться цепочка малых государств, подконтрольных Лондону и Парижу. Следовательно, еще до Брест-Литовского договора союзники считали себя абсолютно свободными от всяких обязательств перед Россией. Как полагает Керенский, эти цели были ключевыми в политике интервенции. Не свержение большевизма, а уничтожение России – вот главная цель ее бывших союзников, утверждал он.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Важных выводов и достижений в современной историографии Второй русской или иначе Красной смуты с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г. много. Хочу остановиться на том, что мне представляется особенно ценным и перспективным. Так, важным с точки зрения будущего развития исторической науки может оказаться совершённый сегодня разворот к гуманитарному измерению истории вообще и нашего обсуждаемого периода в частности. Как представляется, этот разворот в сторону изучения человеческого фактора в революции и гражданской войне связан с интересом к возникновению в стране гражданского общества, поскольку оно

опирается на конкретного человека, индивида, личность (в зависимости от взглядов историка). В этом смысле очень важно увидеть, как отразился переход к современному обществу на судьбах конкретных людей? По тому ли пути шло в России его становление? Не явилась ли революция ответом на выбранный проект модернизации или на модернизацию в целом? Ведь для людей из социальных низов речь шла, по сути, о разрушении их мира, их среды обитания, — если пользоваться современной терминологией — экосистемы. Рядовому человеку было безразлично, страдает ли он от пережитков феодализма, или на него навалились тяготы новой, буржуазной эпохи. Прежние методологии не позволяли в полной мере проследить происходившее на этом, низовом уровне. Но понять психологию, восприятие происходящего обычным человеком из общей массы — значит добавить ещё одну немаловажную деталь к научной концепции исторического познания. Мы сегодня так же переживаем переходный период. Пока не ясно куда именно, но учесть имеющиеся уроки из нашего опыта всё равно важно.

В. В. Шелохаев (МПГУ, Москва)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу) революции?

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

В силу своего сложносоставного характера исторический процесс, а он, естественно, включает и революционные, и реформистские преобразования, представляет собой единство всех его содержательных сторон. Поэтому выделение какой-либо одной из них (экономической, социальной, политической, этнической, конфессиональной, культурной, духовной) в качестве определяющей, зависит, с одной стороны, от мировоззренческих и идеологических представлений того или иного автора, а с другой — от тех или иных исследовательских задач, которые они перед собой ставят. Исследователю, занимающемуся изучением истории революций и гражданских войн, крайне важно учитывать не какую-либо одну из названных проблем, а именно всю совокупность компонентов исторического процесса в его целостности. Причем это касается как европейских революций XVIII–XIX вв., так и российских революций начала XX в. Эта общетеоретическая посылка находит подтверждение в собственном многолетнем опыте изучения истории мировых революций и гражданских войн. По-

этому акцентировка на чем-то одном, в частности на «социально-экономическом характере», представляется односторонней для понимания причин и следствий как Февральской, так и Октябрьской революций.

Известно, что акцент на социально-экономические предпосылки российских революций был главным в советской историографии, что было обусловлено марксистско-ленинским учением о смене общественно-экономических формаций. Отмечу, что в разработке этой проблемы было сделано немало полезного несколькими поколениями исследователей. Тем не менее, акцентировка на данную проблему, обусловленная идеологическими установками коммунистического режима, не позволяла воссоздать реальной картины совокупности предпосылок Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Более того, перерастание буржуазной революции в социалистическую революцию в историографии рассматривалось в качестве некоего «качественного скачка», что явно противоречило реальному положению вещей. Ленинская идея о перерастании революции из одной фазы в другую носила сугубо идеологический характер.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере революции в России?

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

Продолжая вышесказанное, еще раз подчеркну, что если исследователи не принимают в расчет опыт мировых революций, а сосредотачиваются на страноведческом подходе (Англия, Франция, Россия), то они не учитывают общемировой тренд исторического процесса как целого. Февральская и Октябрьская революции также отражают этот тренд. По своей сути, несмотря на все попытки разной их интерпретации, обе революции продолжали «делать одно и то же дело», отражающее общеисторическую направленность мирового развития. С этой точки зрения обе революции, опять же, несмотря на интерпретации политиков того времени и последующих историографов, имели вполне закономерный характер. Повторюсь: следует различать идеологические пристрастия и реальное протекание исторического процесса. В начале XX в. Россия, несмотря на весьма серьезные подвижки в сфере экономического развития, максимум созрела до западноевропейских буржуазных революций середины XIX в., однако она явно не дозрела до социалистических преобразований. Дело в том, что любая формация, в том числе, разумеется, капиталистическая, в своем

стадиальном развитии проходит ряд последовательных этапов. Так, для «расчистки» почвы под демократическую стадию развития капитализма в ведущих европейских странах (Германия, Австро-Венгрия) потребовалось свержение монархических режимов. Поэтому попытка совершить в отсталой стране политический переворот, а затем приступить к реализации экономического и социального социалистического эксперимента, являлась актом явно преждевременным.

Совершение «прыжка» через стадии общественно-экономического развития можно представить в теории, однако практически это, как правило, приводит к предсказуемым трагическим последствиям, что фактически впоследствии и произошло.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

- 3.1. Заговоре генералов и либералов?*
- 3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?*
- 3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?*

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

- 4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?*
- 4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?*

Разумеется, легенды о заговорах (тем более в российских реалиях) генералов или либералов, разделяемые некоторыми историками (как в прошлом, так и в настоящем), являются скорее досужими выдумками, чем отражением реального положения дел. Что касается стихийного массового движения, то это тоже общая закономерность, характерная и для общеевропейских революций. В этом плане исторический процесс есть совокупность причудливого соединения стихийного и сознательного. Не случайно, в период Февральской революции в общий поток слились различные формы оппозиционных и революционных движений, что, кстати, нашло отражение в формировании различных властных и общественных структур. Вполне очевидна и дифференциация в процессе дальнейшего

развития революционного процесса. Однако, как известно, эта дифференциация происходила не однолинейно, а весьма причудливо. Причем эта картина имела место не только в постфевральский, но и в постоктябрьский периоды. В условиях нарастающей дестабилизации (политической, социальной, экономической) стихийное начало в революционном процессе, по мере его развития и углубления, вполне естественно набирало силу, нередко перерастая в состояние деструкции и хаоса, что, кстати, характерно для переходов общества из одного состояния в другое. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в Феврале в России начались мощные тектонические стихийные сдвиги, которые продолжали нарастать в последующий период.

Если бы не идеологические пристрастия ряда большевистских лидеров, то целевая историческая задача Октябрьского политического переворота должна была бы состоять в «доделывании» исторических целевых задач Февральской революции. В данном случае Россия осталась бы в рамках общемирового исторического процесса, стала бы одной из западноевропейских стран, развивающихся в демократических рамках. Суть проблемы состоит в том, что российское инициативное меньшинство, начиная с момента своего возникновения, приобрело склонность действовать на «опережение» общемирового исторического процесса, мысленно далеко забегая вперед, не принимая в расчет или просто игнорируя наличие соответствующих материальных предпосылок. В России определенная часть этого инициативного меньшинства, руководствуясь ментальным «порывом души», а не рациональным подходом, бросилась, наподобие своевольного Икара, «штурмовать небеса». Известно, чем закончился «подвиг» Икара, а также попытки его последователей. Исторический процесс есть объективная реальность, которую нельзя искусственно «подгонять» или «разгонять». Поэтому восприятие его должно носить сугубо рациональный характер.

Суть проблемы как раз и состояла в том, что «душевный порыв» большевиков, разумеется, не противоречащий стремлениям рабочих и крестьян к «социальной справедливости» и «всеобщему равенству», не соответствовал реальным возможностям осуществления этой мечты. В этой логике вполне закономерен провал политики «военного коммунизма», которая носила сугубо теоретический характер и не коррелировалась с реальными возможностями ее практической реализации. В 1921 г. Ленин одним из первых, образно говоря, «кожей почувствовал» необходимость отказа от «политики военного коммунизма» и замены ее на но-

вую экономическую политику (нэп). Если в первом случае политика «военного коммунизма» отражала и выражала собой сугубо доктринерские (книжные) представления, то переход к новой экономической политике был мотивирован объективной реальностью. Дискуссии по данным проблемам, имевшие место среди большевистских лидеров, свидетельствовали о том, что многие из них с трудом осознали необходимость предлагаемого Лениным «зигзага» в развитии российской революции, продолжая, однако, надеяться на то, что мировая социалистическая революция позволит вновь спрямить «путь к мировому социализму».

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма — борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Повторяю, целевая, исключительно рациональная, задача Октября должна была состоять в «доделке» того, что не смогли в отведенное им историей время совершить либеральные деятели и умеренные социалисты в период Февраля, которые также принадлежали к той же категории инициативного меньшинства, но разделяли иные мировоззренческие и идеологические установки. Если оценить совокупный характер сделанного коалицией либералов и умеренных социалистов от Февраля к Октябрю, то он, несомненно, отражал собой общемировой вектор исторического процесса. Однако, как мне кажется, ими не было учтено «ускорение тока исторического времени», который настоятельно «сигналил» о необходимости ускоренного проведения радикальных демократических преобразований в стране. Кроме того, роковую роль сыграло традиционное противостояние между представителями различных мировоззренческих и идеологических установок, в котором они окончательно «увязли», утратив перспективу видения развития исторического процесса.

Замедленность в решении жизненно актуальных вопросов (о земле и мире) объективно привела к растрате драгоценного времени, которое ушло на неконструктивные споры между представителями различных политических элит. Причем для многих из них «теоретические догмы» оказались гораздо важнее, чем решение насущных практических задач.

Послеоктябрьский период также оказался периодом проб и ошибок. Большевикам пришлось отказаться от собственных идеологических догм и перейти на более рациональные прагматические рельсы. В это время в процессе осмысления опыта Февраля и Октября начался процесс избавления от многих умозрительных идеологических догм, столь характерных для российского инициативного меньшинства.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

Логика развития мировых революций обусловила их взаимосвязанность с последующими гражданскими войнами (США, Англия, Франция). Различия этих войн лишь в масштабах и последствиях. В этом контексте Гражданская война в России не стала исключением. По своей сути, Революция – это уже Гражданская война, а Гражданская война – продолжение Революции. Эти исторические явления неразрывно переплетены друг с другом.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Ответ на этот вопрос содержится в моем предыдущем ответе, ибо и Февраль и Октябрь – это, по сути, начало разноуровневых по своим масштабам Гражданских войн.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Допустим, что чехословацкого корпуса в России не оказалось, разве это повлияло бы на первопричину Гражданской войны? Речь может идти лишь о ее масштабах, а не о сути.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. *Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;*

9.2. *Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);*

9.3. *Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.*

На ход и исход Гражданской войны она никак не повлияла. Ни «Белое движение», ни интервенция не имели каких-либо реальных шансов одержать победу. И суть проблемы в том, что Февраль и Октябрь в своей совокупности отражали собой тренд общемирового развития. Что произошло дальше в Советской России – это уже была иная история.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

К сожалению, в современной историографии пока идет накопление нового нарратива, но не глубокого и всестороннего осмысления исторического процесса как целого. Сохраняющийся вектор самых различных и причудливых интерпретаций событий Февральского и Октябрьского периодов российской революции свидетельствует о продолжающихся идеологических расхождениях между исследователями, зачастую отстаивающими свои позиции вопреки здравому смыслу. Пора бы уже раз и навсегда понять простую истину: любые формы и методы идеологических пристрастий противоположны подлинно научному знанию. Поэтому все попытки осмыслить Февраль, Октябрь, Гражданскую войну с какой-либо идеологической позиции в конечном счете обречены на неудачу, как бы ни росло число монографий и статей по этим проблемам.

В. И. Шишкин (ИИ СО РАН, Новосибирск)

1. Как Вы определяете социально-экономический характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

Вопросы о природе, сущности, смысле и характере той или иной революции являются традиционными и время от времени по-прежнему дискутируются. Но никогда не встречал публикаций о социально-экономическом характере революций. Поскольку я не понимаю смысл вопроса, от ответа на него воздерживаюсь.

2. Готовы ли Вы признать тезис о закономерном характере:

2.1. Февральской революции?

Судя по исследовательской литературе, к концу 1916 г. объективные предпосылки, условия и причины для возникновения революционной си-

туации в России имелись, и в начале следующего года она сложилась. Но возможность ее перерастания в революцию и тем более победа революции не являлись очевидными.

2.2. Октябрьской революции?

Если рассуждать в соответствии со сформулированным В. И. Лениным «основным законом революции», то осенью 1917 г. в России все объективные условия и субъективный фактор были налицо. Это гарантировало перерастание революционной ситуации в революцию, но отнюдь не означало ее неизбежную победу.

2.3. Русской революции в целом?

Видимо, все же российской? Ответ на этот вопрос складывается из двух предыдущих ответов.

3. Готовы ли Вы трактовать Февральскую революцию с акцентом на версию о:

3.1. Заговоре генералов и либералов?

Имеющиеся исследования коллег позволяют признать недовольство либералов политикой царского правительства, но они не содержат достаточного фактического материала для подозрения либералов в организации заговора, направленного на свержение Николая II. Совершенно естественно, что лидеры октябристов и кадетов имели контакты с верховной военной элитой и обсуждали с ней проблемы страны. Такие контакты облегчили генералитету ориентировку во внутривполитических вопросах. В какой-то мере они объясняют единодушную позицию командующих фронтами, высказавшихся за отречение Николая II от престола. Однако видеть в такой солидарности генеральской верхушки наличие заговора не вижу никаких оснований.

3.2. Стихийном восстании рабочих и солдат петроградского гарнизона?

Я не стал бы характеризовать события в Петрограде 23–26 февраля как восстание рабочих. Все эти дни горожане проводили мирные демонстрации, лишь иногда перераставшие в локальные схватки с полицией и военными. Только с утра 27 февраля стихийно начался вооруженный бунт солдат запасных полков Петроградского гарнизона. Именно довольно стремительно разгоревшийся солдатский бунт вполне обоснованно считается главным фактором победоносного восстания.

3.3. Слиянии в общий поток оппозиционных течений разного рода?

В исследовательской литературе приведен достаточный объем фактического материала, позволяющий сделать вывод о том, что победонос-

ный исход Февральской революция явился результатом деятельности широкого спектра различных социально-политических сил. С учетом событий не только в столице, но и в масштабах всей страны, включая армию (тыловые части и фронт), Февральскую революцию можно охарактеризовать как антимонархическую и с некоторым преувеличением — общенациональную, общенародную.

4. Готовы ли Вы трактовать Октябрьскую революцию с акцентом на версию о:

4.1. Верхушечном перевороте, подготовленном и осуществленном большевиками вопреки интересам рабочих и крестьян?

Такую версию об Октябрьской революции в научной литературе пока не встречал. Возможно, я не знаю каких-то публикаций. Однако считаю ее совершенно несостоятельной. Полагаю, что Октябрьская революция действительно началась с государственного переворота, подготовленного и осуществленного в основном большевиками и левыми эсерами, поддержанными большей частью политических активистов из числа рабочих, солдат и крестьян, не составлявших, однако, большую часть населения России.

Интересов у рабочих и крестьян было много. В 1917 г. одни из них совпадали, другие — различались. Поэтому едва ли корректно представлять эти интересы как общие для обоих классов. Но бесспорно и то, что на захват власти революционные радикалы шли, сформулировав в своих лозунгах наиболее актуальные запросы социальных низов, включая требования прекращения войны и заключения мира, передачи крестьянам помещичьей и других частновладельческих земель.

4.2. Приходе большевиков к власти в рамках советской демократии в результате победы в ходе работы II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, закреплённой решениями III объединённого Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов?

Для того чтобы моя точка зрения была понятнее, хочу напомнить, что советская демократия являлась откровенным попранием таких основополагающих демократических принципов, как правовое и политическое равенство граждан, правление большинства и уважение прав меньшинства, политический плюрализм и толерантность. Создание Советов рабочих и солдатских депутатов означало лишение прав миллионов наиболее образованных, грамотных и самостоятельных российских граждан: интеллигентов, предпринимателей, служащих, офицеров, священнослужителей.

Что касается II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, то он даже по своему названию не являлся общенародным. На нем практически не было представлено крестьянство, составлявшее большинство граждан России. Историки до сих пор не могут даже сказать, какая часть имевшихся к тому времени в России Советов была представлена на II съезде.

Во многом аналогична ситуация с III съездом Советов. Можно согласиться с тем, что большевики и их сторонники одержали победу на этих съездах и тем самым через съезды захватили и укрепили свою власть в России. Но даже в рамках советской системы эта власть не являлась демократической. Достаточно хотя бы вспомнить о непропорциональном представительстве в Советах рабочих и крестьян.

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об исторической необходимости Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

Считаю такой вывод плохо аргументированным и малосостоятельным, поскольку взятие власти большевиками намного ухудшило положение России в мире и обстановку в самой России, какую бы сферу жизнедеятельности мы ни взяли. Вследствие заключения Брестского мира Россия лишилась огромной территории с развитой промышленностью и сельским хозяйством, железнодорожным транспортом, где проживало несколько миллионов человек. Именно после Октябрьского переворота начался реальный развал бывшей Российской империи, резко обострился продовольственный кризис, возникли очаги гражданской войны.

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)?

Судя по имеющимся к настоящему времени зарубежным и отечественным публикациям, утверждение о нарастающем отставании России от передовых стран Запада в начале XX века, угрожавшем ее геополитическому положению и статусу великой державы, было не столь серьезно, как его излагал В. И. Ленин.

6. Готовы ли Вы принять трактовку термина «гражданская война» в широком (любые острые формы классовой борьбы за власть, включая

вооруженные конфликты) и узком (крупномасштабная фронтовая война) смыслах?

У меня иное понимание гражданской войны. Я не различаю гражданскую войну в широком и в узком смысле слова. Под гражданской войной я прежде всего понимаю борьбу за верховную (высшую) государственную власть в стране, когда главным средством борьбы являются не политические инструменты и практики, а вооруженные силы и военные действия. В соответствии с таким пониманием гражданской войны в России различаю две ее главные фазы. На первой стадии возникли отдельные вооруженные очаги, главным образом на окраинах, и велись локальные боевые действия. На второй стадии война постепенно приобрела крупномасштабный характер, когда военный вопрос стал главным в повестке воюющих сторон, а вооруженные действия превратились в главное средство достижения политического единства.

7. Согласны ли Вы с тезисом о начале гражданской войны в России в широком смысле в феврале 1917 года в результате решения Николая II о расстреле демонстраций в Петрограде (26 февраля – второе «кровавое воскресенье»)?

Считаю, что о возникновении гражданской войны в России нужно судить не по тем или иным заявлениям (приказам, распоряжениям и т. п.), сделанным теми или иными государственными или политическими деятелями, а по началу и масштабу военных действий.

Если под распоряжением Николая II имеется в виду его телеграмма вечером 25 февраля 1917 г. командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову «завтра же прекратить в столице беспорядки», то квалифицировать его как развязывание гражданской войны в России нет оснований. Ведь по свидетельствам владевших информацией рабочих вожаков, произведенный властями арест активистов привел к уменьшению численности и решительности демонстрантов. Более того, в таком случае решающую роль императора в развязывании гражданской войны в России можно оспорить, а первенство отдать вождю большевиков В. И. Ленину, несколько лет подряд призывавшему к превращению империалистической войны в гражданскую.

8. Согласны ли Вы с тезисом о начале крупномасштабной (фронтовой) гражданской войны в России летом 1918 г. главным образом в результате восстания чехословацкого корпуса?

Введенный в научный оборот разнообразный фактический материал дает достаточные основания для вывода о том, что гражданская война в России приобрела широкомасштабный характер летом 1918 г. Менее уверенно можно утверждать, что главным фактором ее перерастания в новую фазу стало антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса.

9. Вы оцениваете иностранную интервенцию (во всех ее формах) в качестве фактора:

9.1. Без которого крупномасштабная (фронтовая) гражданская война в России была бы маловероятной;

В данном случае мы вступаем в рискованную для историков зону предположений, когда окончательный ответ на поставленный вопрос получить невозможно. В то же время нужно признать, что уже в начале лета 1918 г. крупный очаг гражданской войны без поддержки интервентов образовался на Юге России. Нельзя исключить того, что под влиянием событий на Юге гражданская война могла приобрести широкомасштабный характер.

9.2. Который играл существенную роль только в некоторых регионах бывшей империи (например, на Дальнем Востоке и др.);

Несомненно, летом 1918 г. Чехословацкий корпус являлся существенным военно-политическим фактором в свержении советской власти на востоке России, начиная от Среднего Поволжья до Дальнего Востока.

9.3. Роль которого была несущественной в истории Гражданской войны.

Поддерживаю стремление выяснить реальную роль иностранной интервенции в Гражданской войне в России в противовес долго доминировавшей в советской историографии оценке 1918–1920 гг. как периода «интервенции и гражданской войны» или «гражданской войны и военной интервенции», когда значение интервенции явно преувеличивалось.

Считаю, что необходимо решительно отказаться от предвзятого утверждения об изначально существовавшем у руководства стран Антанты намерении свергнуть советскую власть в России и даже превратить ряд ее территорий в колонии. Нужно также пересмотреть вытекавшее из такой оценки цели и планы поведения стран Антанты, которое якобы включало в себя содействие созданию и деятельности на территории Советской России контрреволюционных подпольных организаций, подготовку восстания Чехословацкого корпуса, Ярославского и ряда других мятежей.

Принципиально важно показать, как действовали те или иные страны, принимавшие участие в интервенции, в разное время и на разных территориях России, что и когда они реально сделали в порядке помощи про-

тивникам советской власти. Напомню, что после поражения «белых» в Гражданской войне многие видные военные и политические деятели контрреволюции отзывались об этой помощи очень критически, называли ее недостаточной и запоздалой.

Большого внимания заслуживает показ противоречий, которые существовали между интервентами и препятствовали их более эффективному содействию белому движению. Пока относительно убедительно такие расхождения показаны применительно к США и Японии.

10. Назовите те новые важные выводы, которые были получены в современной историографии в результате применения новой концепции Русской революции, включившей в ее рамки события с февраля 1917 г. по декабрь 1922 г.

Так называемая «новая концепция Великой Российской революции» возникла не как результат новых открытий профессиональных историков, а была, как это уже неоднократно случалось в отечественной историографии, сформулирована во властных верхах и рекомендована к применению в исследовательской практике. Никаких убедительных аргументов, которые объясняли бы необходимость и целесообразность такой историографической новации, никто не обнародовал. Впрочем, догадаться, почему заключительная хронологическая граница датируется декабрем 1922 г., нетрудно. Во-первых, в состав РСФСР был включен Дальний Восток, где только что самоликвидировалась Дальневосточная республика. Тем самым территория дореволюционной России была почти восстановлена. Во-вторых, 30 декабря 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик. Тем самым сборка новой, советской империи состоялась. Создание СССР было огромным успехом большевиков, во многом оправдывавшим Октябрьский переворот.

Новая концепция содержит элементарные логические противоречия и вызывает возражения даже на уровне здравого смысла. Ведь обе российские революции 1917 г., Февральская и Октябрьская, уже давно вошли в отечественную историографию как Великие. В настоящее время создана парадоксальная ситуация, в которой две Великие революции являются составными частями еще одной Великой революции, которая в таком случае заслуживает права называться не иначе как Величайшей.

Парадоксально также, что Гражданскую войну, которая теперь датируется 1918–1922 гг., предлагается рассматривать как центральную часть новой концепции «Великой Российской революции». Но ведь революции

и гражданская война имеют совершенно разную природу. Великие революции являются следствием нежелания или неспособности правящих верхов и элит удовлетворить насущные нужды большинства граждан своей страны. Гражданские войны возникают вследствие раскола общества по разным основаниям (социальным, этническим, религиозным, территориальным и др.) при бессилии центральной власти погасить возникшие конфликты в зародыше или урегулировать их.

В новой концепции границы гражданской войны оказались расширены за счет двух лет новой экономической политики, когда военный вопрос не стоял в повестке в качестве главного, и большая часть граждан России занималась мирным трудом.

Наиболее серьезные попытки воплощения концепции Великой Российской революции можно обнаружить в таких обобщающих публикациях, как «Россия в 1917 году: энциклопедия» (М.: Политическая энциклопедия, 2017), «Россия в гражданской войне. 1918–1922. Энциклопедия в трех томах» (М.: Политическая энциклопедия, 2021), в 11 и 12-м томах 20-томной «Истории России» (М.: Наука, 2024). Но никаких новых выводов, которые бы обогатили историю нашего Отечества, обнаружить в них не удалось.

II. СТАТЬИ

В. В. Калашников

«История России». Том XI: Великая Российская революция как иррациональный бунт «охлоса»

К истории подготовки XI тома

Бунт «охлоса» – именно такую трактовку революции предложил историк В. П. Булдаков – единоличный ответственный редактор и главный автор XI тома двадцатитомной академической «Истории России», издаваемой в настоящее время под эгидой ИРИ РАН¹. Для специалистов это не было неожиданным, поскольку еще в середине 1990-х гг. В. П. Булдаков стал автором современного варианта концепции «красной смуты», трактуя революцию как «буйство коллективного бессознательного», «погромную реакцию того, кому нечего стало терять»². Затем последовал ряд публикаций, где он развивал разные аспекты этой концепции, выражая их в названиях работ: «Хаос и этнос», «Утопия, агрессия и власть», «Революция и погром» и др. Усилиями В. П. Булдакова в историографии сложилась своего рода *иррациональная парадигма*³ в трактовке истории Русской революции, в рамках которой при объяснении ключевых событий акцент делался на фактор «бессознательного», на «психопатологические настроения масс», а сама революция рассматривалась как «хаотическая стадия системного кризиса имперского организма», в основе которой лежала «стихия протестного бунтарства»⁴. Особенность позиции Булдакова – акцент на разрушительный аспект Русской революции: «Революции начинаются с эйфории, заканчиваются фрустрацией»⁵. Эта фраза показывает явное игнорирование созидательного аспекта Русской революции – Октябрьского итога, который создал на принципиально новой социально-экономической основе инструмент ускоренного развития страны, критически необходимого в условиях XX века.

¹ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. В 2-х книгах. М.: Наука, 2024. Далее сноски оформлены по шаблону: Т. 11. Кн. 1 и Т. 11. Кн. 2.

² См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997. С. 284, 350; Его же. Октябрь и XX в.: теории и источники // 1917 год в истории России и мира. Часть 2. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998. С. 23–24.

³ Все выделения в тексте за исключением особо оговоренных сделаны автором статьи.

⁴ Т.11. Кн. 2. С. 18.

⁵ Там же. С. 508.

К сожалению, эта трактовка заняла видное место в главах двухтомной коллективной монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура», изданной в юбилейном 2017 г. под редакцией Ю. А. Петрова, директора ИРИ РАН. В монографии В. П. Булдаков оценивал революцию как традиционный русский бунт, «характерное ... соединение провокации и анархии, утопии и психоза»⁶. Надо отметить, что целый ряд других авторов юбилейной монографии не разделял такую трактовку, но прямо против нее никто не выступил. Более того, директор ИРИ РАН оказал концепции бунта «охлоса» неосторожную поддержку, назвав в вводном разделе монографии научным достижением последних лет вывод о том, что зима–весна 1918 г. была не периодом «триумфального шествия Советской власти», а временем «торжества военизированной *охлократии*»⁷. Такой вывод придал вес концепции бунта «охлоса», хотя на деле никаким научным результатом не являлся и противоречил позиции ведущих специалистов по проблеме, которые в той же монографии писали: «к весне 1918 г. завершилась советизация большей части территории страны. <...> именно советская модель стала объективной реальностью, дав *основание* для классической впоследствии формулы о «триумфальном шествии Советской власти»⁸. Тем не менее, тот факт, что ответственный редактор коллективной монографии поддержал позицию В. П. Булдакова, придавал ей официальный характер.

Автор этих строк, как и многие его старшие коллеги по «ленинградской школе» историков революции, уже в 1990-е гг. негативно оценил концепцию «красной смуты», видя в ней одно из многочисленных проявлений конъюнктурного подхода в среде бывших советских историков, но в целом спокойно реагировал на *персональные* труды В. П. Булдакова, отмечая его эрудицию, способность по-иному взглянуть на многие проблемы, и исходя из того, что каждый историк имеет право на собственную точку зрения, какой бы она не была. Однако ситуация с двухтомником – авторитетной *коллективной* монографией по истории Русской революции, изданной от имени ИРИ РАН, заставила автора уже в 2021 году выступить с открытой критикой ряда позиций В. П. Булдакова⁹. Получив известие о том, что В. П. Булдаков, являясь ответственным редактором XI тома, представил макет, написанный на основе концепции «смуты», автор этих

⁶ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 томах. Т. 2. М., 2017. С. 24, 25.

⁷ Там же. Т. 1. М., 2017. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 539.

⁹ Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. СПб., 2021. С. 283–285.

строк осенью 2023 г. написал статью, где подверг критике целый ряд положений двухтомника 2017 года, сосредоточившись на тексте вводного очерка, подписанного Ю. А. Петровым и содержащего целый ряд идей В. П. Булдакова. Цель критики состояла в том, чтобы побудить директора ИРИ РАН отказаться от поддержки концепции историка В. П. Булдакова и не допустить выхода XI тома в представленном варианте. В статье предлагалось обсудить макет тома в кругу специалистов и указывалось на тот негативный отклик, который неизбежно получит в обществе уже сам факт трактовки Русской революции как «смуты» и иррационального «бунта» в рамках столь важного государственного проекта¹⁰. Статья была представлена и обсуждена в марте 2024 г. на научном семинаре «История революций и общественного движения в России», проводимом отделом СПБ ИИ РАН. В ходе семинара автор публично пригласил к дискуссии Ю. А. Петрова и В. П. Булдакова¹¹. Однако эти предложения не были приняты. Позже стало известно, что в ходе обсуждения макета XI тома на заседании редакционной коллегии ряд ее членов также высказали свои возражения, но и они не были учтены.

XI том и новая версия «красной смуты»

В итоге осенью 2024 г. читатель получил XI том, в котором Первая мировая война и Русская революция трактуются в рамках иррациональной парадигмы, а концепция «красной смуты» приняла более жесткую форму и превратилась в концепцию бунта «охлоса». Впрочем, на первый план она не выпячивалась и прямо не формулировалась, что, видимо, стало результатом критики, которую получили главы Булдакова в двухтомнике 2017 года.

Тем не менее в XI томе Русская революция представлена как борьба демократии и охлократии, которая закончилась победой охлократии. Борьба двух начал получила отражение уже в названии 5 главы 2-й книги тома, посвященной революционному 1917 году: «*Демократия перед лицом охлократии*». Вот характерные цитаты из этой книги:

«...крестьяне были далеки от каких бы то ни было *рациональных* идейно-политических установок»;

¹⁰ Калашников В. В. Новейшая историография Русской революции // Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: СПб., 2023. С. 130, 140, 163.

¹¹ См. видеозапись доклада, сделанного 23 марта 2024 г. в ходе семинара, проведенного отделом СПб. ИИ РАН (руководитель Н. Н. Смирнов): <https://www.youtube.com/watch?v=Avp7pgwZzLY&t=2s>

«на фоне российского *охлоса* даже радикальные в прошлом фигуры просто терялись»;

«Ошибались все те, кто недооценивал живучесть вирусов российской *смуты* и пребывал в убеждении, что *охлос* XX века представляет собой некую новую, более высокую цивилизационную ступень»¹².

Концепция бунта «охлоса» в XI томе получила и другую версию, суть которой выражает следующая фраза автора текста: «Хам предстал синонимом *воцарившегося охлоса*»¹³. Этот вывод В. П. Булдаков сделал, интерпретируя одно из высказываний Константина Бальмонта. Понятно, что сам автор не формулировал такого отношения к народным массам от себя лично. Он использовал цитаты из дневников современников – представителей «образованного общества», потрясенных кризисными реалиями 1917 года, которые лишили их прежнего благополучия. Ниже приведен ряд цитат, взятых лишь с *одной* страницы XI тома:

«В своем дневнике Н. В. Устрялов заявлял: "Будь тысяча раз прокляты все эти солдатские депутаты, вся эта тупая и невежественная муть, эти господа сегодняшнего дня, – хамы пришедшие"».

«Писательница Р.М. Хин-Гольдовская возмущалась: "И какой же хам русский "всечеловек". Хам, трус, предатель..."».

«Все громче звучали опасения, что "обнаглевший до последней черты и во всю развернувшийся, хам... "слопает" нашу молодую свободу».

Приведя эти цитаты, В. П. Булдаков делает вывод: «Так, еще до прихода большевиков возник образ "хамодержавия"»¹⁴. Отметим, что он не упрекает авторов этих цитат в односторонней субъективной оценке событий, не высказывает к ним негативного отношения. Приведенные цитаты не уравновешены другим материалом, который бы показывал отношение к происходящим событиям сторонников революции, их надежды, цели и чаяния. Откровенно говоря, такая позиция Булдакова как историка сильно повлияла на автора эти строк и заставила его пересмотреть прежнее отношение к нему. Она вызвала желание дать отпор тому, кто в столь негативном свете изображает рабочих и крестьян России, поднявшихся в 1917 г. на борьбу за свое социальное освобождение и построивших великое государство, которое смогло сокрушить гитлеровскую Германию и

¹² Т. 11. Кн. 2. С. 189, 426, 428.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 511.

спасти славян Восточной Европы (прежде всего русских, украинцев и белорусов) от расового закабаления и уничтожения.

Выявив суть концепции, положенной в основу XI тома, важно подчеркнуть следующее: эта концепция не доказана конкретно-историческим материалом. Все «аргументы» сведены к свидетельствам противников революции и указаниям на уголовные преступления, число которых стало расти уже после начала мировой войны и, естественно, резко увеличилось после Февральской революции, сломавшей старую охранительную систему. Однако изучение ключевых событий революционного 1917 года уже давно привело мировую историографию к выводу, что события революции представляли собой в целом вполне рациональную реакцию масс на политику правящих кругов, хотя порой эта реакция и сопровождалась локальными эксцессами. В любой революции есть экстремисты, но не они определяли ее характер. Именно так события Русской революции трактовали не только советские, но и многие видные зарубежные историки, включая крупнейшего британского историка Эдварда Карра, автора классического трехтомника «Большевистская революция»¹⁵, и крупнейшего американского историка Алекса Рабиновича, автора блестящих книг по истории борьбы большевиков за власть, написанных на основе тщательного анализа широкого круга архивных источников¹⁶. Такая же трактовка присутствует и в ключевых статьях о Русской революции, размещенных в авторитетных энциклопедических изданиях: в них нет терминов, характерных для концепции Булдакова. Одной из новейших энциклопедий, специально посвященной нашей стране, является «Кембриджская история России». В главе о Русской революции акцент сделан на «необычно высокий уровень классовой сознательности рабочих»¹⁷. В энциклопедии «Британника» в новейшем онлайн-издании помещена обширная статья по истории Русской революции. Она не свободна от некоторых ошибок и предвзятости по отношению к большевикам, но события трактуются в рациональной парадигме, отрицающей все принципы концепции Булдакова¹⁸.

¹⁵ Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. 1–3 vols. New York, 1950–1953.

¹⁶ Рабинович А.: 1) Большевики приходят к власти. М.: Прогресс, 1989; 2) Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008.

¹⁷ The Cambridge History of Russia. Volume 3. The Twentieth Century. Cambridge University Press, New York, 2006. P. 120–121.

¹⁸ Russian Revolution // Britannica. Online version:

<https://www.britannica.com/topic/Russian-Revolution-Russian-history/> (Дата обращения: 12 декабря 2024 г.)

В силу очевидного несоответствия конкретным фактам истории, концепция бунта «охлоса», рожденная современниками уже в самом 1917 г., никогда не занимала видного места в мировой и отечественной историографии. Однако столь неожиданное появление новой версии этой концепции в качестве главной в XI томе многотомной академической «Истории России» меняет ситуацию и дает ей право претендовать на высокий научный статус. По нашему мнению, такую ситуацию следует немедленно исправить. Но для того, чтобы эта задача была понятна тем руководителям многотомного проекта «История России», которые не являются специалистами по истории 1917 года и даже физически не могли прочесть 1700 страниц чрезмерно «раздутого» XI тома, необходимо предоставить качественный критический анализ тех проблем, которые возникают в связи с его выходом в таком виде.

Предлагаем первые наброски такого анализа. Они касаются ряда проблем общего характера.

Критический анализ: общие проблемы

Концептуальная несовместимость. Первая проблема – это проблема совместимости, точнее – концептуальной несовместимости XI тома со смежными томами двадцатитомника. Практически одновременно с этим томом вышел XII том, который посвящен истории Гражданской войны в России. Все материалы XII тома выдержаны в рамках традиционной рациональной парадигмы, что также не стало неожиданностью. Ответственные редакторы тома, видные историки В. И. Голдин и В. В. Кондрашин – давние и открытые противники концепции «красной смуты» и «бунта охлоса». Они были одними из тех членов редакционной коллегии, кто критиковал варианты текста, представленные В. П. Булдаковым на обсуждение на стадии подготовки XI тома. В итоге XI и XII тома получились концептуально несовместимыми. Достаточно отметить, что авторы XII тома просто не используют термины, ключевые для концепции Булдакова: термины «хам», «охлос» и «психопатология» напрочь отсутствуют, термин «смута» можно найти только в ссылках на литературу (90 % случаев – ссылки на книги Булдакова), термин «бунт» применяется только для характеристики локальных событий и никогда не используется для общей оценки борьбы рабочих и крестьян России в эпоху Гражданской войны – самой тяжелой фазы Русской революции, если принять расширенную трактовку ее временных границ (1917–1922 гг.).

Вскоре проблема несовместимости еще более усложнится, поскольку в начале 2025 г. ожидается выход X тома академической «Истории России», ответственным редактором которого является весьма авторитетный историк, главный научный сотрудник ИРИ РАН В. В. Шелохаев. Его позиция хорошо известна хотя бы по третьему тому четырехтомного академического издания «Реформы в России» (2016). Шелохаев никогда не рассматривал Русскую революцию как иррациональный бунт, порожденный условиями мировой войны, и видел причины революции в *долговременной* неспособности царского правительства осуществлять реформы: «Многовековой груз постоянного запаздывания с объективно назревшими реформами, нежелание самодержавной, а затем и «обновленной» после революции 1905 г. власти считаться с мнениями и запросами общества вели ... к общенациональному кризису, который уже *не мог* быть разрешен мирным реформистским путем»¹⁹.

Иными словами, после выхода X тома станет очевидной следующая неприятная ситуация. Три тома, которые трактуют три смежных периода истории России (1890–1914 – X том; 1914–1917 – XI том; 1917–1922 – XII том), написаны с разных концептуальных позиций. И они несовместимы. Напомним, что по замыслу заказчика, т. е. российского государства, проект создания двадцатитомной академической «Истории России» предназначен для того, чтобы представить в рамках единой концепции самые авторитетные и хорошо аргументированные трактовки ключевых этапов Российской истории. Трактовка Русской революции, доминирующая в XI томе, прямо противоречит этим требованиям. Она явно выбивается из общего ряда ранее вышедших томов двадцатитомного проекта, которые написаны на основе традиционной рациональной парадигмы. В этой связи особый интерес представляет первая книга V тома, которая охватывает первую половину XVII в., включая эпоху, получившую у современников и потомков название «Смутное время». Авторы книги рассматривают эту эпоху как гражданскую войну, сопряженную с иностранной интервенцией и обусловленную широким спектром вполне понятных и весомых причин (от династического кризиса до голода, вызванного неурожайными годами). На фоне V тома XI том – с его акцентом на иррациональную трактовку Русской революции – смотрится аномалией. Он не может служить ни

¹⁹ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. С. 12, 764.

«фундаментальной базой для научных исследований», ни неким “*камертоном*” при подготовке учебных пособий для средней школы и вузов»²⁰.

Не «камертон» для учебников. И это тоже важная проблема, порожденная публикацией XI тома. Мне трудно представить себе преподавателя школы или вуза, который сегодня будет трактовать историю Великой Российской революции как иррациональный бунт «охлоса». Во всяком случае, в существующих учебниках такой трактовки нет. В феврале 2023 г. Минобрнауки разослало во все вузы страны *Концепцию* преподавания истории России для неисторических специальностей, которая содержала аннотацию основных тем, ключевые оценки и термины. В ней нет терминов «охлос» или «смута», а термин «бунт» применяется только к отдельным событиям в Московской Руси XVII века, следуя сложившейся традиции (Медный бунт, Соляной бунт, городские бунты). «Смутное время» начала XVII века трактуется как эпоха гражданской войны и интервенции, а не как «иррациональный бунт». О самом крупном протестном выступлении XVII века говорится так: «Казацко-крестьянское восстание под руководством Степана Тимофеевича Разина». Столь же сдержанно и уважительно говорится о социальных протестах XVIII века («стрелецкие восстания», «восстание под предводительством Емельяна Пугачева»). В разделе по истории первой русской революции, в ходе которой горело каждое десятое имение, нет термина «крестьянский бунт», не говоря уже о терминах «хам» и «охлос». Нет ни одного из терминов, ключевых в трактовке Булдакова, и в разделе по истории Русской революции 1917 года.

В сентябре 2024 г. Минобрнауки разослало в вузы страны новейший учебник, написанный на основе этой Концепции под редакцией директора ИРИ РАН Ю. А. Петрова. В нем также нет терминов «красная смута», «охлос», «охлократия», «патологические настроения масс» и т. п.

Таких терминов нет и в новейших учебниках для школ, изданных в 2023 году под редакцией известного историка В. Р. Мединского, академиков А. В. Торкунова и А. О. Чубарьяна²¹. Названные учебники свободны от того примитивного и агрессивного антисоветизма, который навязывался «соросовскими» грантополучателями в 1990-е гг. Тексты соответствуют тому общему тренду, который в последние годы доминирует в деятельности Российского военно-исторического общества и Российского ис-

²⁰ По словам Ю. А. Петрова, сказанным на презентации проекта двадцатитомника, перед его авторами ставились именно такие задачи.

²¹ Мединский В. Р., Чубарьян А. О. Всеобщая история. 1914-1945. 10 класс. М. 2023; Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1914-1945 гг. 10 класс. М. 2023.

торического общества: учебники призваны формировать у учащихся чувство патриотизма и гордости за свой народ и свою страну. Эти задачи нельзя решить на основе той концепции революции (бунт «охлоса» и власть «хама»), которую предлагает ответственный редактор XI тома.

Методология: основные расхождения. Данный раздел статьи призван показать те расхождения методологического характера, которые существуют между ведущими мировыми историографическими концепциями Русской революции и концепцией В. П. Булдакова. Сделать это просто: в историографических очерках в первой и второй книгах XI тома он сам показывает эти расхождения, поскольку стремится представить себя ученым, сыгравшим особую роль в мировой историографии Русской революции, а также мировой войны, которой посвящена первая книга XI тома. Решая поставленную задачу В. П. Булдаков с удивительным высокомерием критикует советскую, постсоветскую и зарубежную историографию войны и революции, прикрывая свое высокомерие частичным признанием заслуг предшественников с акцентом на успехи зарубежных авторов. По его мнению, отечественные и зарубежные историки никогда не понимали сути событий 1914–1917 гг., поскольку игнорировали «область бессознательного» и не учитывали важности «психопатологического» фактора: *«Подавляющее большинство историков ... скользило по внешней поверхности событий, опасаясь заглянуть в глубины коллективного человеческого грехопадения»*. Булдаков назвал своих коллег «малодушными исследователями, следующими за нескончаемой политической риторикой и занудливыми моральными сентенциями», и вынес приговор: «Понять прошлое невозможно без проникновения в глубины людской психики»²². Сам он, естественно, «проник» в эти «глубины» и понял то, что другие понять не смогли. Вышеприведенная цитата хорошо отражает не только стиль научного «диалога», который Булдаков ведет с *«подавляющим большинством»* историков, но и суть историографического конфликта: большинство специалистов трактовали и трактуют Первую мировую войну и Русскую революцию в рамках рациональной парадигмы, а Булдаков считает это ошибкой и предлагает трактовать в рамках иррациональной. В общеевропейском плане он ставит задачу постичь «психосоциальную генетику скрытых ... мутаций сознания "среднего" европейца»²³. В отношении Русской революции проблема им уже разрешена: «открытие» состоит в том, что она была бунтом «охлоса», привела к власти «хама», завер-

²² Т. 11. Кн. 1. С. 7.

²³ Там же. С. 12.

шившись «фрустрацией». Свою концепцию Булдаков оценивает, как результат революционного поворота в историографии. Суть поворота: отказ от якобы поверхностной *политической* трактовки событий революции, которая заводит историографию в тупик, и переход к трактовке истории революции с *культурно-антропологических* позиций. При этом роль антропологического фактора историк в основном видит во врожденной агрессивности обычного человека, которая усиливается в определенной ситуации («демографический перегрев», «молодежный бугор» и т. п.): «многие авторы, включая западных, – пишет Булдаков, – все еще видят события 1917 г. в *партийно-политическом* свете»²⁴, в то время как «события войны и революции были заложены в глубинах человеческой психики с его старыми как мир социальными инстинктами, которые информационный "прогресс" превратил в агрегированную агрессивность»²⁵. Эта агрессивность, по мнению Булдакова, и определяла иррациональные действия «толпы», превращая революцию в «хаос», в бунт «охлоса», склонного к *насилию*.

Отметим, что односторонность этой позиции была очевидной даже самым молодым петербургским историкам (сказывалось еще не утраченное наследство «ленинградской школы» историков революции). Так, еще в 2014 г. *аспирант* СПбИИ РАН К. А. Тарасов опубликовал статью, где говорилось: «рассмотрение проблемы применения насилия позволяет зафиксировать некоторые более важные процессы, происходящие в обществе, нежели констатация «архаизации сознания», люмпенизации или возрастания роли насилия в повседневной жизни. Современные исследования показали, насколько *условным* является изображение действий толпы как *хаотической, бессмысленной стихии*. ... За видимой бессистемностью поведения важно обнаружить определенную внутреннюю логику»²⁶. И далее на конкретном материале автор показал неприменимость концепции иррационального бунта «охлоса» к действиям солдат воинских частей Петрограда и его окрестностей. Разбирая факты применения насилия в политической борьбе, он выявил вполне рациональный характер тех мотивов, которые порождали такие факты. Автор показал и то, что случаи насилия часто раздувались прессой и не находили реального подтверждения в источниках. Об отношении старшего поколения историков «ленинградской

²⁴ Т. 11. Кн. 2. С. 6–7.

²⁵ Там же. С. 731.

²⁶ Тарасов К. А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае–июле 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 28.

школы» к концепции Булдакова достаточно красноречиво говорит тот факт, что они никогда не ссылались и, уж во всяком случае, не хвалили его работы.

Отметим нелепость противопоставления «политической» и «антропологической» трактовок истории революции. Антропологический фактор, который Булдаков понимает, как неполитическое «глубинно психологическое» поведение людей, на деле проявляется в их деятельности. В условиях революции эта деятельность, как правило, принимает и политический характер, который выражается в активной или пассивной поддержке той или иной политической партии. Какой бы «иррациональной смутой» не была Русская революция, ее развитие отражала и выражала борьба партий. Большевики завоевали массы готовностью воплотить крестьянское требование «Земли» и общенародное требование «Мира», которые только при большом желании можно считать иррациональными. Итогом Русской революции была не победа «охлоса» и не «фрустрация», а победа большевиков, предложивших стране, помимо идеи социальной справедливости, единственно реальный вариант решения экзистенциальной для России XX века проблемы: «догнать» развитые страны Запада «или погибнуть».

В этой связи отметим и отвергнем еще один аспект концепции Булдакова: тезис об «архаическом» характере Русской революции. Он трактует революцию как «взбунтовавшуюся архаику»; «синергетический вихрь, воссоздающий на фоне отчаянного отрицания прежнего порядка его же авторитарное *подобие*»; «неукротимый бросок за горизонты реальности», который «на деле, оказался лишь безумной гримасой хорошо забытого прошлого»²⁷. Этот тезис решает важную задачу, поставленную идеологами 1990-х гг.: он направлен на отрицание социалистического содержания Октябрьской революции как важного шага по пути общественного прогресса, имеющего общемировое значение. Для Булдакова Русская революция являлась не движением к современности («модерности»), а возвратом к «архаике» в новых одеждах. Из этой посылки вытекало еще одно важное «открытие» Булдакова: все отечественные и зарубежные историки в течение 100 прошедших лет *неправильно* классифицировали Русскую революцию, ставя ее в «европейскую матрицу»: в один ряд с буржуазно-демократическими революциями в Европе. «Великая российская революция, — пишет Булдаков, — попала в *ложный компаративистский* ряд, выстроенный на основе внешнего сходства. Отсюда столетняя «модерниза-

²⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 21, 22, 739–740.

ция» ее *реалий* под европейскую ... матрицу»²⁸. С этих позиций он указывает на еще одну «ошибку» коллег по историческому цеху: «Феномен политического движения к *модерности* имплицитно управляет поведением значительной части историков, особенно российских»²⁹. Иными словами, не правы те, кто не видит в Российской революции и ее итогах победу «архаики». И действительно, практически все ведущие отечественные историки виновны в тех «грехах», о которых написал Булдаков, если признать их «грехами». Иными словами, вновь возникает проблема несовместимости позиции Булдакова с позициями авторов X тома и XII тома, и, видимо, с позициями авторов всех остальных томов «Истории России».

Тот же вывод можно сделать и в отношении учебников. Переадресуем упреки, сделанные Булдаковым, редакторам трех вышеупомянутых новейших учебников для школ и вузов, а именно академикам А. В. Торкунову и А. О. Чубарьяну, а также докторам исторических наук В. Р. Мединскому и Ю. А. Петрову, которые, не отрицая национальной специфики Русской революции, рассматривали ее в рамках «европейской матрицы» и не увидели в ней победы «архаики». Термина «архаика» применительно к 1917 году нет ни в одном новейшем вузовском и школьном учебниках. Тезис о неприменимости «европейской матрицы» к событиям Русской революции персонально адресуем академику А. О. Чубарьяну, который так много усилий приложил для обоснования концепции «русского европеизма» — феномена, сочетающего общие основы европейской культуры и цивилизации с особенностями России³⁰. Академик Чубарьян в новейшем школьном учебнике по всемирной истории — какой ужас — не отрицает социалистического характера советского строя, осмелился в позитивном ключе писать о роли СССР (детища Октября) в мировой истории и видеть в нашей стране фактор мирового общественного прогресса. Так, он прямо подчеркивает «определяющую роль» СССР в ликвидации мировой колониальной системы и прозрачно намекает на роль Октября в том, что «главной особенностью XX в. стало формирование социального государства». Более того, академик А. О. Чубарьян фактически признает Октябрь закономерным результатом развития мировой истории, заявляя, что «мир демонстрирует тенденции к *многополярности* политических систем и ва-

²⁸ Т. 11. Кн. 2. С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Чубарьян А. О. Европейская идея и Россия. М.: Просвещение, 2021.

риативности путей социально-экономического развития»³¹. Напомню о том, что в 1990-е гг. с подачи западных кураторов «соросовские» учителя навязывали совсем другие идеи, а именно: Октябрь – тупиковый путь развития. Сейчас уже мало кто готов под этим подписаться. Слишком очевидно, что Россия существует как независимое государство потому, что опирается на потенциал советского периода своей истории, для которого был характерен феноменальный рывок в развитии экономики, науки, образования и культуры. Нет сомнений в том, что концепция новейших учебников для школ и вузов как по своей методологии, так и по общему идейному звучанию, категорически противоречит концепции XI тома «Истории России», написанного одновременно с ними. В этой связи сложившаяся ситуация объективно требует принятия одного из двух решений: если считать, что XI том несет в себе весомый научный результат, то надо срочно переделать все новейшие учебники, если такого результата он не несет, то надо срочно переделать XI том.

О советской историографии. Булдаков часто обращается к советской историографии и так выражает свою общую оценку усилий советских историков: «Советскую историографию революции в России можно представить как цикл взлета и *падения* постреволюционного *мифотворчества*, которое неизбежно должно было иссякнуть по мере того, как «отрезвевшее» общество избавлялось от «обаяния утопии»³². Уничжительная оценка, данная Булдаковым советской историографии в XI томе, также серьезно повлияла на отношение к нему автора этих строк, который считает себя представителем «ленинградской школы» в изучении истории революции и не видит никаких оснований для отказа как от ее основных положений, так и от своих прежних взглядов. Очень трудно удержаться от соблазна использовать тезис о мифотворчестве для оценки постсоветского творчества самого В. П. Булдакова, работы которого долгое время не встречали надлежащего отпора, но их спорное «обаяние» уже явно проходит по мере того, как «отрезвевшее» общество избавляется от идеологического наследия «лихих 1990-х». Последняя фраза – не только ирония. Это и констатация того факта, что XI том написан с позиций грубого и агрессивного антисоветизма 1990-х гг., активно насаждаемого «сверху» на фоне криминальной приватизации «эпохи Ельцина», которая привела к полному разгрому промышленности и сельского хозяйства России. Однако к

³¹ Мединский В. Р., Чубарьян А. О. Всеобщая история. 1914–1945. 10 класс. Учебник. М., 2023. С. 7–10.

³² Т. 11. Кн. 2. С. 7.

настоящему времени опыт истории уже наглядно выявил деструктивный характер «эпохи Ельцина» во всех отношениях. Сегодня концепция Булдакова выглядит анахронизмом, реликтом ушедшей эпохи, в том числе и в историографическом аспекте. Отметим, что в других уже изданных томах многотомной «Истории России» преобладает уважительное отношение к советской историографии.

Порой редактор XI тома осознает нелепость огульного отрицания достижений советских историков и пытается упредить неизбежную критику позитивными оценками отдельных работ, не замечая нелепость этих оценок. Так, например, он высоко отзывается о работе московского историка Э. Н. Бурджалова, называя его двухтомное исследование истории Февральской революции «выдающимся»³³. Нелепость такой оценки работ Э. Н. Бурджалова устами Булдакова состоит в том, что концепция революции у Бурджалова принципиально противоположна концепции, данной в XI томе³⁴. Бурджалов никогда не трактовал революционный 1917 год как бунт «охлоса».

Весьма неуклюжим смотрится и такое, якобы позитивное, замечание в адрес советских историков: «Даже годы так называемого застоя ... не были бесплодными – исследователь склонен действовать "вопреки". Отмечалось, что многотомник И. И. Минца, коллективные труды "Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде" (1967) и "Революционный Петроград в 1917 году" (1977), а также работы П. В. Волобуева, В. И. Старцева, Ю. С. Токарева, А. Л. Фраймана, О. Н. Знаменского, В. Н. Гинева, Г. Л. Соболева, Е. П. Ерыкалова, И. А. Баклановой, З. В. Степанова, Т. М. Китаниной, В. Д. Поликарпова, В. И. Миллера, Г. З. Иоффе, А. П. Ненарокова, А. Я. Грунта, А. Е. Иоффе, А. В. Игнатьева и других составили *заметный этап* в изучении революции»³⁵. Эту оценку и список имен В. П. Булдаков взял из выступления члена-корреспондента РАН Р. Ш. Ганелина, сделанного в ноябре 2012 г. во время проведения петербургской межвузовской конференции по проблемам историографии Русской революции, приуроченной к 95-й годовщине Октября. Однако Булдаков изменил концовку фразы Ганелина: тот говорил не о «*заметном этапе* в изучении революции», а о «*дальнейшем этапе* в изучении Октябрьской революции», т. е. отмечал *поступательный* характер развития совет-

³³ Т. 11. Кн. 2. С. 9.

³⁴ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Он же. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

³⁵ Т. 11. Кн. 2. С. 10.

ской историографии, не упоминая о фазе «падения»³⁶. Булдакова такая оценка не устраивала, и он ее «подправил», а затем сопроводил примечательным комментарием: «Действительно, они (упомянутые советские историки – В. К.) представили массу конкретного материала, которая, рано или поздно, должна была стать "критической"»³⁷. Иными словами, все перечисленные историки могли только *собрать*, но не *осмыслить* массу конкретного материала. Правильное осмысление истории революции, надо понимать, по силам только В. П. Булдакову. Поскольку речь идет об оценке научного вклада моих учителей и старших товарищей, большинства из которых уже нет в живых, не могу не высказать своего мнения по этому поводу: глубоко убежден, что труды представителей «ленинградской школы» в изучении революции 1917 года (прежде всего Р. Ш. Ганелина, О. Н. Знаменского, Г. Л. Соболева, В. И. Старцева) стоят много выше, чем труды нынешнего критика советской историографии. Ленинградские историки отличались и интеллектом, и интеллигентностью, и обоснованностью своих выводов: их доказывали, а не постулировали.

О марксизме. Критикуя советских историков, своих бывших коллег, Булдаков на протяжении всего XI тома постоянно высказывает свое отрицательное отношение к марксизму, к теории формаций, к истмату как общей теории истории, причем делает это в пренебрежительном тоне, как бы *a priori* исключая марксистскую трактовку революции из числа научных. При этом он всегда ее представляет заведомо примитивной с тем, чтобы избежать серьезного ответа на вопрос о том, почему исторический материализм неприменим для научного анализа истории Русской революции. Серьезный ответ Булдакову явно не по силам. Впрочем, порой он с сожалением признает тот факт, что, несмотря на «внешний разрыв с марксистскими догмами», их «скрытое воздействие» на его коллег «сохраняется до сих пор». Есть и такая реплика на этот счет: «Марксистский миф надолго сковал воображение *большинства* историков, включая антимарксистов»³⁸. Здесь мы опять сталкиваемся с тезисом о *большинстве* «глупых» историков и «умном» Булдакове, который разоблачает «устаревшие мифы». Закономерен вопрос: Булдаков действительно не замечает или сознательно игнорирует тот факт, что в современном мире большинство

³⁶ См.: Ганелин Р.Ш. Российский революционный процесс и его историографические судьбы // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». СПб., 2013. С. 12.

³⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 10.

³⁸ Там же. С. 16, 18.

крупных историков работает в русле истматовской парадигмы, страхуясь при этом (в тех странах, где это необходимо) ритуальными указаниями на устарелость марксизма как революционной теории. Скорее, второе, о чем и говорят слова о влиянии «марксистского мифа» на «антимарксистов».

Непреходящее влияние «марксистского мифа» обусловлено реальными уроками истории. Как известно, одним из главных тезисов истмата является тезис о том, что отношения, которые складываются в процессе производства и распределения общественного продукта, выступают базисом по отношению к надстройке (господствующая идеология, политика, право, образование, культура и т. п.). При этом взаимодействие базиса и надстройки марксисты рассматривают в диалектическом единстве, отвергая примитивные трактовки марксизма как теории экономического детерминизма. Правильность марксистской теории на наших глазах подтверждена всей постсоветской историей России: после изменения в стране государственной формы собственности на частную изменились и все другие сферы общественной жизни. Достаточно вспомнить о том, какие резкие перемены произошли в сфере образования, культуры, морали, в семейных институтах и т. п. Серьезные историки, хотя и соблюдают «правила игры» в современном капиталистическом мире, правильно понимают уроки XX в. и не выказывают такого пренебрежения к истмату, как Булдаков. Его критика истмата носит убогий характер.

Не могу найти другого случая в исторической науке, когда кто-либо из историков претендовал на статус открывателя «истины», которую оказалось неспособно постичь «подавляющее большинство» его коллег за 100 лет. Если бы это было так, то постсоветскую отечественную историческую науку можно было бы поздравить с грандиозным успехом. Однако поздравлять не с чем. Как уже было сказано, особенность позиции Булдакова состоит в отсутствии весомых аргументов в пользу принятия его концепции «красной смуты» или бунта «охлоса». Иными словами, она несостоятельна, как и вся «иррациональная парадигма» при объяснении истории России.

Понятно, что сделанное выше утверждение требует конкретного обоснования, а это предполагает написание целой серии статей по ключевым сюжетам истории Русской революции. Автор этих строк уже начал эту работу.

В ноябре 2024 г. на Всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», которая проходила в

РГПУ им. А. И. Герцена под руководством проф. А. Б. Николаева, был сделан доклад на тему «Новейшая историография Февральской революции: два тренда». В докладе проведен сравнительный анализ концепции Февральской революции, представленной В. П. Булдаковым в XI томе, и концепции Р. Ш. Ганелина – одного из самых ярких представителей «ленинградской школы» в историографии Февральской революции. На фоне работ Ганелина докладчик показал несостоятельность концепции бунта «охлоса» применительно к истории Февраля, ошибки, сделанные Булдаковым в описании ключевых событий Февральской революции, а также в трактовке позиций коллег, включая позицию проф. А. Б. Николаева, крупнейшего современного специалиста по истории Февральской революции³⁹. Этот доклад будет расширен и переработан в полноценную статью для сборника материалов конференции, выход которого запланирован на осень 2025 г.⁴⁰

В начале декабря 2024 г. автор этих строк сделал доклад на Международной научной конференции «Развитие парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения»–2024). Тема доклада – «Новейшая историография истории созыва и роспуска Учредительного собрания». Учитывая основную проблематику конференции и заранее взятую тему доклада, автор доклада подверг критике ту трактовку истории роспуска Учредительного собрания, которая дана в XI томе. Показано, что Булдаков грубо искажает реальный ход событий и умалчивает о ключевых фактах и решениях, которые позволили большевикам безболезненно осуществить роспуск Конституанты. Присутствие такой заведомо слабой трактовки в XI томе наносит очевидный урон авторитету ИРИ РАН, под грифом которого вышел этот том. Для того чтобы усилить критический эффект, автор доклада привел отрывок из новейшего учебника для вузов, где история роспуска Учредительного собрания изложена принципиально в другом ключе и правильно. Доклад на «Таврических чтениях» также будет переработан в статью для сборника материалов конференции, выход которого запланирован на декабрь 2025 г.⁴¹

Наконец, в нынешнем сборнике материалов нашей ежегодной Санкт-Петербургской конференции по проблемам историографии, наряду с

³⁹ Николаев А. Б. Думская революция: 27 февр. – 3 марта 1917 г. В 2 томах. СПб., 2017.

⁴⁰ Текст доклада можно скачать по ссылке:

https://etu.ru/assets/files/vvk_konf-gercena_2024.pdf

⁴¹ Текст доклада можно скачать по ссылке:

<https://etu.ru/assets/files/2024-12-vvk-doklad-ustch-final-isprav.pdf>

настоящей статье, включена еще одна небольшая статья автора, в которой кратко рассмотрена трактовка Булдаковым причин Первой мировой войны, изложенная на страницах 1-ой книги XI тома. Эта тема – ключевая для всей концепции Булдакова, поскольку трактовка причин мировой войны самым существенным образом влияет на трактовку причин и результатов Русской революции. В присущей ему манере Булдаков отвергает доминирующую в мировой историографии трактовку причин войны как результата межимпериалистических противоречий, характерных для новой эпохи развития мировой системы капитализма. Следуя своей иррациональной парадигме, историк одной из главных причин мировой войны считает «агрегированную агрессивность» масс, которые якобы и толкнули политиков всей Европы на мировую бойню⁴². В докладе показана полная неспособность Булдакова доказать этот тезис, а также вскрыты причины, побуждающие его трактовать мировую войну как «столкновение культур», а не как конфликт империалистических держав, столкнувшихся в борьбе за передел мира.

В планах автора настоящей статьи стоит критический анализ глав XI тома, посвященных истории Октябрьской революции. Это ключевой сюжет, который предоставляет особенно широкие возможности для показа несостоятельности концепции Булдакова.

Предложение. В заключение статьи предлагаю руководству проекта двадцатитомной «Истории России» принять решение о подготовке новой версии XI тома, основанной на концепции, отличной от концепции бунта «охлоса», и с новым ответственным редактором. Это предложение позволит остановить общественный скандал, который будет набирать обороты по мере того, как все большее число людей будет знакомиться с содержанием XI тома и задавать вопрос: как такой том вообще мог появиться в рамках крупного государственного проекта. Если инициатива переиздания, а точнее – издания второй версии, XI тома параллельно с существующим первым вариантом, последует от РИО или ИРИ РАН, то её можно будет вполне резонно объяснить большой сложностью истории Русской революции, разным пониманием этого эпохального события историками и в обществе, и необходимостью учитывать это разное понимание. В декабре 2024 г. в ходе «прямой линии» президент В. В. Путин дал нам пример аккуратного отношения к сложным вопросам истории, отвечая на вопрос журналиста о захоронении тела Ленина по христианскому обычаю вне

⁴² Т. 11. Кн. 1 С. 11.

оценки его исторической роли. Президент отметил: «Когда-то, *наверное*, общество к этому подойдет, но сегодня, *особенно сегодня*, в России мы не должны предпринимать *ни одного шага*, который бы *раскалывал* наше общество»⁴³. Руководителям проекта двадцатитомной академической «Истории России» следует внимательно обдумать и ответить на вопрос: не является ли издание XI тома под редакцией В. П. Булдакова шагом, который может способствовать расколу нашего общества. И если ответ будет «является», то надо будет ответить и на второй вопрос: какие меры следует предпринять, чтобы нейтрализовать этот деструктивный шаг. Свой вариант ответа на эти вопросы автор этих строк предложил. В качестве аргумента в пользу такого ответа сошлемся на общеизвестные результаты целого ряда социологических опросов, проведенных в последнее десятилетие, которые стабильно показывают позитивное отношение большинства населения к советскому прошлому.

Нельзя не сказать и о том, что концепция «бунта охлоса», положенная в основу XI тома, порождает определенные опасения и в отношении последующих томов двадцатитомной «Истории России». Очень не хотелось бы получить серию томов, трактующих советскую историю как «охлос у власти». Келейность подготовки томов по истории советского периода не позволяет назвать такие опасения надуманными, а неизбежное повышенное внимание к их содержанию со стороны широкой общественности ставит авторов этих томов перед серьезным экзаменом.

⁴³ Итоги года с Владимиром Путиным.
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>

В. В. Калашников

**Первая мировая война как результат «восстания масс»
(Критика концепции В. П. Булдакова)**

Представленная статья продолжает цикл критических статей автора, посвященных анализу XI тома двадцатитомной «Истории России»¹. Она является продолжением статьи «Великая Российская революция как иррациональный бунт "охлоса"», помещенной в этом же сборнике. В этой первой статье дан анализ ряда общих проблем методологического и историографического характера, связанных с концепцией революции, которая положена в основу всего XI тома его редактором и основным автором — главным научным сотрудником ИРИ РАН В. П. Булдаковым. В частности, показано, что его можно считать создателем своего рода *иррациональной парадигмы* в трактовке истории мировой войны и революции, в рамках которой при объяснении ключевых событий акцент делается на фактор «бессознательного», на «психопатологические настроения масс». На основе этой парадигмы Булдаков создал концепцию Русской революции как бунта «охлоса»².

Эта статья содержит критический анализ той трактовки *причин* Первой мировой войны и *причин* участия в ней России, которая дана Булдаковым в первой книге XI тома, охватывающей период 1914–1916 гг. Важность этого вопроса для понимания истории Русской революции очевидна: трактовка причин мировой войны самым существенным образом влияет на трактовку причин и результатов Русской революции. В наиболее концентрированном виде свою позицию Булдаков изложил во вводном разделе с названием «У истоков мирового кризиса: геополитика и массы» в первой книге тома, а также в «Заключении» ко всему XI тому в целом. Эти разделы написаны им единолично.

Суть позиции. Автор отвергает традиционную интерпретацию причин войны как результата мирового соперничества великих держав и называет ее хрестоматийной «*истиной*» (в кавычках — В. К.), продиктованной «ментальностью XIX в., игнорировавшей изменения в массовой психологии»³.

¹ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. В 2х книгах. М.: Наука, 2024. Далее сноски оформлены по шаблону: Т. 11. Кн. 1 и Т. 11. Кн. 2.

² Калашников В. В. Великая Российская революция как иррациональный бунт охлоса // Настоящий сборник. С. 162–180.

³ Т. 11. Кн. 1. С. 6.

В силу этой устаревшей ментальности, по мнению Булдакова, его предшественники якобы постоянно находились в состоянии «непреодоляемого недоумения», которое «периодически пронизывалось легковесными "открытиями"»⁴. Отметим кавычки и в слове «открытия». Их смысл: предшественники Булдакова не были способны ни на какие настоящие открытия, даже на легковесные. Высокомерное отношение к предшественникам – характерная черта позиции Булдакова. Причины мировой войны, полагает В. П. Булдаков, «следовало искать в иной – культурно-антропологической – плоскости, не игнорируя область бессознательного»⁵. Эта область для Булдакова приоритетна: «Чтобы понять прошлое, мало скользить по поверхности *высокой* культуры, важно проникнуть в *глубинный слой* прежних верований и скрытых страстей»⁶.

Суть культурно-антропологического подхода историк видит в «социальных инстинктах» – в основном во врожденной агрессивности обычного человека, которая усиливается в определенной ситуации («демографический перегрев», «молодежный бугор» и т. п.): «Представляется, что события войны и революции были заложены в глубинах человеческой психики с его старыми как мир, социальными инстинктами, которые информационный "прогресс" превратил в агрегированную *агрессивность*»⁷.

В последней фразе отражена не только основная черта методологии автора (акцент на иррациональный фактор, на область «бессознательного»), но и его взгляд на основную причину мировой войны – «агрегированная *агрессивность*» масс. Предшественники, считает Булдаков, этот фактор игнорировали: «Вглядеться в глубинные причины невиданной "перетряски" мира мешал позитивистско-рационалистический образ мысли»⁸. И действительно, практически все крупные историки при анализе причин первой мировой войны (хотя и учитывали весь комплекс исторических и культурных факторов, которые способствовали ее развязыванию) главный акцент делали на конкретные и вполне рациональные причины глобального соперничества великих держав, которое проходило на рубеже XX в. в эпоху, названную еще тогда эпохой «империализма» (Д. Гобсон, 1902). Этот «позитивистско-рационалистический» подход опирался на детально изученную конкретную историю развития мирового конфликта.

⁴ Т. 11. Кн. 1. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Т. 11. Кн. 2. С. 731.

⁸ Т. 11. Кн. 1. С. 11–12.

Однако В. П. Булдакову такая трактовка казалась недостаточной, и он формулирует тезис о том, что причиной мировой войны стала *бессознательная агрессивность* масс, которая якобы и толкнула политиков всей Европы на мировую бойню: «...В XX веке к роковой черте правителей стали подталкивать сами массы, точнее та социально неудовлетворенная их часть, которая связывала ...победу над внешним врагом с разрешением своих внутренних проблем». И далее он поясняет причины такого поведения масс с выделением двух факторов: информационная революция и интенсивное «классообразование», т. е., видимо, формирование новой классовой структуры в рамках индустриального развития. «Информационная революция, – утверждает историк, – в условиях интенсивного классообразования привела к тому, что в Европе *массы* стали психологически «управлять» правительствами, а не наоборот». И еще: «*массами* овладела идея тотального передела мира»⁹. Вина возлагается и на «агрессивных партийных лидеров» из числа радикалов, которые потеснили «неторопливую правительственную бюрократию» и заговорили «голосом нетерпеливых масс». Этому помогли «безответственные mass media, заговорившие языком утопистов и экстремалов». Позднее эта картина, отмечает автор, была названа «восстанием масс»¹⁰.

Термин «восстание масс» Булдаков берет из весьма своеобразной теории испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, «разочаровавшегося республиканца», который в 1930-е гг. не мог найти себе места между коммунистами и франкистами. Он предложил рассматривать борьбу классов в Европе как иррациональное внеклассовое «восстание масс», причисляя к «массам» тех, «кто плывет по течению и лишён ориентиров»¹¹. Восстали эти «массы» – кто бы мог подумать – от сытой жизни: она разрушала классовые перегородки, превращая людей в «массу». Правящим элитам Европы, которую в 1920-е – 1930-е гг. сотрясали классовые конфликты, включая такие острые, как Гражданская война в Испании, идея испанского философа показалась полезной, и ее стали пропагандировать. После 1991 г. «полезность» идеи оценили и идеологи «ельциновской» России. Принял ее на вооружение и Булдаков: от концепции иррационального внеклассового «восстания масс» до трактовки рабоче-крестьянской революции в России как бунта «охлоса» – рукой подать. При помощи этой теории он попытался объяснить и причины агрессивности масс, которая

⁹ Т. 11. Кн. 1. С. 733.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 67.

якобы стала причиной мировой войны. Таким образом, историк уложил тезис о «восстании масс» в рамки своего понимания культурно-антропологического подхода. С таких позиций Булдаков обругал всех европейских социалистов за то, что они «с упорством, достойным лучшего применения, зауживали этот культурно-антропологический феномен («восстание масс» – В. К.) пресловутой "борьбой классов"»¹². Указать на «несостоятельность» классового подхода («пресловутую» борьбу классов) для Булдакова – особое удовольствие, несмотря на очевидную нелепость игнорирования фактора классовой борьбы в условиях революции. Отрицание классовой борьбы в истории Русской революции – самая что ни на есть *классовая* позиция, и самая что ни на есть *нелепая*.

Акцент на антропологическую агрессивность масс Булдаков дополняет концепцией «столкновения культур» на глобальном (общеевропейском) и на «внутринациональном» уровнях. Автор упрекает своих предшественников в непонимании важности этого фактора: «Беда идеологов и политиков старого склада состояла в том, что они не замечали перспективы «столкновения культур», связанного не только с процессами глобализации, но и *внутринационального* раскола»¹³.

Отсутствие аргументов. Общая особенность XI тома состоит в том, что после формулировки своих радикальных «новаций» Булдаков не предоставляет никаких внятных доказательств в их пользу, поскольку нельзя считать доказательствами ссылки на мнения людей, известных и не очень, которые высказывают такие же взгляды, как и он. В данном случае речь идет об отказе обосновать свои взгляды на причины мировой войны конкретным историческим материалом. Очевидно, что историк был обязан показать, в чем конкретно проявилась агрессивность масс накануне мировой войны, посредством каких средств они влияли на политику правителей в разных странах и, прежде всего, в России, как массы толкали правителей к войне. Однако эти задачи даже не поставлены. Иными словами, Булдаков предлагает читателю *на слово* поверить в то, что русский рабочий или русский крестьянин, или какая-либо существенная часть этих классов *«психологически управляли»* царским правительством, *толкали* царя на мировую войну и связывали с ней решение своих внутренних проблем. Нет доказательств и того, что рабочие и крестьяне других стран Европы толкали своих правителей на войну с соседями. В мировой исто-

¹² Т. 11. Кн. 1. С. 14.

¹³ Там же. С. 7.

риографии давно доказано иное: шовинистические настроения в предвоенной Европе создавались идеологическими институтами по команде *сверху*. Именно правители готовили народы к мировой войне.

Любопытно отметить, что среди десятков различных цитат, отражающих взгляды современников на причины войны, Булдаков привел ряд материалов, которые опровергали его построения, но уклонился от их оценки. Например, он приводит цитату из книги известного немецкого журналиста Эмиля Людвига: «повсюду низшие классы боялись войны и боролись с ней до последнего дня. Напротив, кабинеты ... и штабы ... министры, генералы, адмиралы, поставщики военного материала, редакторы, подгоняемые честолюбием и страхом, неспособностью и жадной наживы, гнали массы вперед»¹⁴.

Таких свидетельств можно привести много. В силу их множества и достоверности в мировой историографии уже 100 лет доминирует тезис о том, что ответственность за первую мировую войну несут правители, а не народы. Булдаков переворачивает этот тезис, но свою позицию приводит лишь в форме недоказанного постулата. Может быть аргументы приведены в других разделах тома, и все дело только в неудачной компоновке материала? Нет, другие разделы тома таких аргументов также не содержат.

Более того, второй раздел Введения содержит текст, который прямо опровергает позицию Булдакова. Его соавторы ссылаются на книгу известного историка С. В. Тютюкина «Война, мир, революция»¹⁵, написанную еще в советский период, и на более поздние его работы и соглашаются с трактовкой С. В. Тютюкиным вопроса об отношении рабочих и крестьян России к мировой войне: «По мнению автора (совпадающему с более поздними выводами исследователей при анализе настроений в Германии и Австро-Венгрии¹⁶), основная масса крестьян и рабочих восприняла войну

¹⁴ Т. 11. Кн. 1. С. 13. См.: Людвиг Э. Июль 1914 г. (перевод с немец.) Рига, 1929. С. 5. Автор – всемирно известный немецкий журналист, в годы войны – корреспондент в Вене и в Стамбуле. Встречался со многими ведущими политиками. В декабре 1931 г. стал первым зарубежным журналистом, который получил интервью у И. В. Сталина.

¹⁵ Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении в России. 1914–1917 гг. М., 1972.

¹⁶ См.: Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; L., 1995; Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008; Миронов В. В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.

"как страшное стихийное бедствие"¹⁷. Война явилась для них шокирующей неожиданностью и вызвала чувства страха и тревоги¹⁸. Между тем, российская власть ожидала от своих подданных безоговорочной и бескорыстной *жертвы*. Это было поистине роковым заблуждением, связанным с остаточными имперско-патерналистскими иллюзиями¹⁹. Таким образом, соавторы Булдакова просто перечеркнули его тезис об агрессивности масс как причине мировой войны, сославшись не только на С. В. Тютюкина, но и на целый ряд новейших работ, посвященных анализу настроений простых людей в Германии и Австро-Венгрии. Но Булдаков этого противоречия не заметил.

«Столкновение культур». Не сумев подтвердить тезис об «агрессивности масс», якобы толкнувших правительства на мировую войну, Булдаков не смог обосновать причины войны и при помощи тезиса о «столкновении культур» как на глобальном, так и на внутринациональном уровнях. Следует отметить, что автор, говоря о столкновении культур на глобальном уровне, не трактует его как тезис о конфликте цивилизаций, весьма популярный в околонучной имперской и монархической историографии. Не делает он этого потому, что, несмотря на популярность, за многие десятилетия никому не удалось хоть сколь-нибудь убедительно его обосновать, поскольку фактическая история первой мировой войны ему прямо противоречит. И действительно, всем известно, что в ходе этой войны православная Россия воевала в союзе с католической Францией и англиканской Великобританией. Врагами христианской Антанты были мусульманская Турция и преимущественно католическая Австро-Венгрия, которая в союзе с православной Болгарией воевала против православной Сербии и православной Румынии, а затеял войну король лютеранской Пруссии и император мультиконфессиональной Германской империи Вильгельм II, который весьма своеобразно определил «цивилизационную» суть мировой войны как конфликт двух рас — *романо-славянской* (!) и германской. Выявить в этом «вавилонском столпотворении» какой-либо значимый цивилизационный или религиозный фактор и представить его хотя бы важной, если не основной, причиной войны еще никому не удавалось.

¹⁷ Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

¹⁸ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. P. 259.

¹⁹ Т. 11. Кн. 1. С. 34.

Столкнувшись с трудностью обоснования цивилизационного раскола как причины войны, Булдаков делает акцент не на столкновении «цивилизаций», а на столкновении «культур», вкладывая особое содержание в термин «культура». Он говорит о «войне культур – как способных к интенсивной модернизации под воздействием экстремальных условий, так и слабеющих под грузом "непреодолимых" обстоятельств»²⁰. Версия – так себе, слабенькая. Во-первых, потому, что она не объясняет причин начала войны, а именно эта задача стоит как исходная и первостепенная. Во-вторых, потому, что она не объясняет поражение Германии, которая проявила в годы войны максимальную способность «к интенсивной модернизации под воздействием экстремальных условий». С другой стороны, поражение царской России так объяснить можно. Однако возникает вопрос: зачем надо было оценивать степень экономической и социально-политической готовности разных государств к мировой войне и причины поражения России через категорию «культура»? Ответ очевиден: для того, чтобы замаскировать ту основную причину, по которой Россия первой вышла из войны. Эта причина – острота классовых противоречий накануне военного кризиса, которые со временем привели к революции и к сепаратному миру. И действительно, Россия была единственной страной, в столице которой накануне мировой войны летом 1914 г. рабочие строили баррикады. А в феврале 1917 г. Россия стала первой страной, в столице которой вместе с лозунгом «Хлеба» рабочие выдвинули лозунг «Долой войну». Однако признать тот факт, что причину поражения России в мировой войне надо искать в классовых противоречиях, Булдаков не может. Как уже говорилось, для него «пресловутый классовый подход» – табу. Ведь с самого начала 1990-х гг. правые западные историки, такие как Р. Пайпс, убеждали российских коллег в том, что причины Русской революции надо искать в чем угодно, но только не в классовых конфликтах. В этом отношении Булдаков – верный ученик Пайпса. В его трактовке Русская революция – не борьба классов, а бунт «охлоса» или иррациональное внеклассовое «восстание масс». В тексте XI тома автор не использует словосочетания «борьба классов» или «классовая борьба» для объяснения событий Русской революции. Не хочет он видеть классовые корни и в причинах первой мировой войны.

Теория империализма. И на этом моменте следует остановиться особо. Классовый подход опасен: он заставляет обратиться к теории импери-

²⁰ Т. 11. Кн. 1. С. 15.

ализма как к методологическому инструменту для объяснения причин мировой войны, общеевропейской революционной ситуации и серии революций: в России, Австро-Венгрии и Германии. Булдаков о теории империализма говорит в привычной манере передергивания и ерничества: «С незапамятных времен принято считать, что деньги – это кровь войны. В век «финансового капитала» такое представление породило *подозрение*: именно капитал развязал войну, именно его ожидает крах. Под видом марксистского "*прозрения*" проблема оказалась *мистифицирована*»²¹. Понятно, что никаких внятных разъяснений по поводу «мистификации» не поступило. Теория империализма – тоже табу, которое утвердилось в постсоветской историографии хотя и далеко не сразу. Пока был жив академик Ю. А. Поляков теория империализма в академических трудах не отрицалась. В 2002 году вышла коллективная монография «Первая мировая война» с предисловием Ю. А. Полякова, который в лучших традициях мировой историографии писал, что «мировые войны сконцентрировали в своем происхождении узловые противоречия экономики, политики, социальной обстановки» и трактовал эти противоречия в рамках рациональной парадигмы²². В этой монографии содержалось, пожалуй, последнее крупное исследование проблем применения теории империализма в мировой историографии первой мировой войны. Его сделал Б. М. Туполев, один из крупных специалистов по проблеме в ИВИ РАН. Он назвал проблему империализма «*центральным моментом* международного дискурса, имеющим общетеоретическое значение». Анализ отечественной и западной историографии привел ученого к выводу о «*непреходящей* и даже неуклонно возрастающей актуальности изучения феномена империализма – ведущей тенденции развития индустриального общества на рубеже XIX–XX веков»²³. И это так. Другое дело, что важность этого дискурса не всегда просто заметить: и на Западе, и в постсоветской России ученые вынуждены принимать меры к тому, чтобы их не обвинили в симпатиях к марксизму. Тем не менее, время от времени принятые правила игры нарушаются.

Как бы там ни было, к 2014 г. теория империализма перестала упоминаться в трудах ИРИ РАН, и появились весьма экзотические трактовки роли царской России в развязывании мировой войны и ее характера («Вторая Отечественная война», «оборонительная с самого начала»). Отзвук этих трактовок есть и в XI томе. Впрочем, это емкий и деликатный вопрос, ко-

²¹ Т. 11. Кн. 1. С. 11.

²² Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 9.

²³ Там же. С. 28, 33.

торый не стоит рассматривать походя. Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что отказ от признания империалистического характера первой мировой войны закрывает возможность научной трактовки истории Русской революции.

Завершая краткий критический анализ трактовки Булдаковым причин мировой войны, отметим, что целый ряд разделов первой книги XI тома написан соавторами Булдакова в русле рациональной парадигмы и содержит богатый фактический материал. К ним нет особых претензий, или они вполне укладываются в рамки нормальных научных споров. Впрочем, можно сделать соавторам и общий упрек: они не смогли отказаться от предвзятой трактовки советской историографии, которой пронизан весь XI том. Этот критиканский настрой порой заводит их в неприятную ситуацию. Приведем только один пример: «В Советской России в 1918–1932 гг., – пишут три соавтора в историографическом очерке, – предпочитали писать о "первой империалистической" или просто "империалистической" войне. Лишь с 1939 г. заговорили о «первой мировой войне», это понятие окончательно закрепилось в 1954 г.»²⁴. Весь этот пассаж был нужен для того, чтобы доказать, что советские историки не понимали «масштабности» войны. Трудно понять, зачем нужен такой нелепый упрек.

Для справки: под империалистической войной 1914–1918 гг. советские историки всегда понимали мировую войну – результат перехода мирового капитализма в высшую стадию, для которой характерна борьба за передел мира. Другого понимания войны 1914–1918 гг. теория империализма не допускала. Термин «мировая война» наряду с термином «империалистическая война», «европейская война», уже в 1920-е гг. употреблялся во многих работах, в том числе и в названиях²⁵. Так, в 1926 г. Центрархив выпустил сборник «Царская Россия в мировой войне», а в 1928 г. М. Н. Покровский издал сборник «Империалистическая война», где центральной была статья «Как возникла мировая война». Утверждение о том, что понятие «мировая война» закрепилось только в 1954 г., т. е. после смерти Сталина, звучит курьезно, ибо именно Сталин утвердил в «Кратком курсе» формулу: «Война стала мировой» (1938). Таким образом, советские историки не делали ошибки в понимании «масштабности» войны. Кроме того, их формула «империалистическая война» была более правильной, поскольку отражала *характер* войны, а многие западные исто-

²⁴ Т.11. Кн. 1. С. 19.

²⁵ См., например: Зайончковский А. М. Подготовка России к Мировой войне. Л., 1926; Его же. Мировая война. Л., 1929.

рики предпочитали этого не делать: нейтральный термин «мировая война» не подчеркивает ее суть как империалистической. Читая такие нелепости, испытываешь чувство обиды за ИРИ РАН и удивление: как такая книга могла появиться в рамках важнейшего государственного проекта?

Вывод: в XI томе Булдаков выдвинул версию об «агрессивности масс», считая ее причиной мировой войны. На наш взгляд, версия является, более чем нелепой. Особенно применительно к России. Во всяком случае, она остается недоказанной аргументами, которые можно считать научными.

В. В. Фортунатов

**Революция 1917 года:
великая российская или «красная смута»?
(заметки о второй книге 11-го тома
«Истории России» в 20 томах)**

Для преподавателей высших учебных заведений научные изыскания и опубликованные труды сотрудников научных подразделений Российской академии наук являются главным ориентиром при подготовке к лекциям, в учебно-методической работе со студентами. Особое внимание привлекают монографии, статьи, высказывания академических ученых в средствах массовой информации по так называемым «трудным вопросам» отечественной истории. Научно-педагогической общественности, то есть профессорам и преподавателям высших учебных заведений, предстоит осмыслить и ввести в учебно-методический оборот богатое содержание «Истории России» в 20 томах. Событиям Великой российской революции 1917 года посвящена вторая книга 11-го тома. В предлагаемой статье автор попытается дать оценку именно этой книги с точки зрения возможностей применения того взгляда на эти драматические события, который представлен в этом объемном труде.

Во введении, которому авторы В. Б. Аксенов и В. П. Булдаков дали подзаголовок «Война, власть, народ в 1917 г.: эволюция представлений историков», следовало бы представить историографию Великой российской революции 1917 года. Только после решения этой непростой методологической задачи у авторского коллектива открывались перспективы сказать новое слово в изучении одного из ключевых моментов отечественной истории. Без качественного историографического анализа представляется проблематичным выявить пропущенное другими исследователями и наметить дальнейшие направления для исследований. И никто не может уклониться от миссии данного издания – выйти на новый уровень научно-теоретических обобщений.

У авторов введения явно прослеживается критическое, даже снисходительное отношение к историкам, работавшим в советский период истории страны, которая с 1922 по 1991 г. называлась Союзом Советских Социалистических Республик. Кажется странным, но труды И. И. Минца¹,

¹ Минц И. И. История Великого Октября: В 3 т. М., 1967–1973.

В. И. Старцева², О. Н. Знаменского³ и других ушедших в вечность исследователей не заслужили у авторов хоть сколько-нибудь подробного разбора.

Но и в отношении постсоветского периода, который длится уже более тридцати лет, авторы почему-то весьма выборочно подходят к огромному количеству работ, которые по определению должны были бы стать предметом их историографического внимания.

Самое большое удивление вызывает отсутствие во «Введении» не только историографической рефлексии, но и каких бы то ни было ссылок в книге про 1917 год на три фундаментальных энциклопедических издания, вышедших на протяжении последних десяти лет⁴.

Не удостоили В. Б. Аксенов и В. П. Булдаков своим вниманием и основательные работы доктора исторических наук профессора А. С. Сенина, построенные на анализе широчайшего круга источников, впервые именно им введенных в научный оборот⁵. А. С. Сенин является также автором большого числа статей в трех вышеупомянутых энциклопедиях.

В сравнительно недавнем прошлом, в «лихие 90-е» многие публицисты-журналисты-писатели, некоторые политики и даже отдельные историки в состоянии явного «контрреволюционного угара» предпринимали значительные усилия для того, чтобы переписать отечественную историю на новый лад, переставить «вехи», низвергнуть прежних кумиров и предложить широкой публике новых исторических героев. Само понятие «фальсификация истории» на какое-то время приобрело весьма неоднозначный смысл. Ведь в советский период под «фальсификаторами» истории подразумевались преимущественно зарубежные (буржуазные) историки. Доморощенные, критически настроенные к Советской власти исследователи не могли дорасти до «фальсификаторов», так как их труды в СССР просто не проходили цензуру.

В постсоветский период борцы с «буржуазными фальсификациями» потеряли популярность, а некоторые сменили идейно-теоретическую ори-

² Старцев В. И. Крах керенщины. М., 1982; Он же. Штурм Зимнего. Документальный очерк. Л., 1987; и другие работы.

³ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 г. М., Л., 1964 и другие работы.

⁴ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. М., 2014; Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017; Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М., 2021.

⁵ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009; Он же. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017.

ентацию. В контексте данной статьи представляется полезным вспомнить некоторых участников былых идеологических боев⁶.

Некоторые историки, как и другие обществоведы, бывшие работники «идеологического фронта», стали осваивать зарубежно-либеральные (когда-то «буржуазные») концепции и с учётом политической конъюнктуры стали конструировать на западные гранты «новую российскую историю». Сходный процесс в соседней Украине достиг своего предсказуемого результата. А в Белоруссии в условиях «авторитарного режима» А. Г. Лукашенко даже и не начинался.

К сожалению, последовательно и логично проследить «эволюцию представлений историков» о «войне, власти и народе в 1917 г.» у авторов не получилось. Вместо чёткой научной классификации, размещения достойных и не очень работ по «полочкам» читателю предлагается плохо структурированное собрание имен, мнений, цитат на заявленную тему. Такой подход В. П. Булдаков⁷ уже использовал в своей статье более десяти лет назад, но в ней объем проанализированных изданий был больше и интереснее.

Чем же может обогатиться преподаватель современного российского университета, вуза, академии, который с 2023/24 учебного года приступил к разработке и чтению расширенного курса истории России общим объемом 144 часа (4 зачетных единицы)?

Да, конечно, в тексте на почти 800 страницах можно найти множество занятных фактов и ещё большее количество самых разных суждений, наблюдений современников событий, интересных штрихов и зарисовок к образам известных исторических персонажей. Несмотря на то, что в качестве основного источника фактов, сведений, материала для оценок и выводов используется мемуарная литература, авторы поработали и со сборниками документов, и с периодической печатью. К сожалению, многие ссылки на архивы являются «глухими». Не все читатели данного труда имеют опыт работы в архивах и знают, что или кто стоит за номером того или иного фонда в том или ином архиве. Во «введении» В. Б. Аксенов и

⁶ Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Иоффе Г. З. Против буржуазных фальсификаций истории Великого Октября. М., 1977; Булдаков В. П., Кулешов С. В. История образования СССР и критика его фальсификаторов: Учеб. пособие для ист. спец. вузов. М., 1982 и др.

⁷ Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Между каунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г. А. Бордюгова. М., 2011.

В. П. Булдаков почему-то вообще решили обойтись без характеристики хотя бы основных групп источников, которые использованы в данном академическом издании. А в книгах целого ряда авторов-предшественников такая работа проведена должным образом.

Глава первая посвящена падению самодержавия. Авторами являются либо В. П. Булдаков, либо В. П. Булдаков и В. Б. Аксенов. В главе рассматриваются различные варианты трактовки причин произошедших событий, которые иногда называют Февральской революцией. Из мемуарной литературы «выжато» максимум возможного, но картины последовательного развития событий не получилось. Критические стрелы в адрес фундаментальной работы А. Б. Николаева с красноречивым названием⁸ явно не долетают по назначению.

Сложные отношения царя с IV Государственной думой хорошо изучены. Большая часть думцев не стремилась к лаврам революционеров. Но царь сам подтолкнул депутатов своими действиями к активной фронде. Думскому руководству в отсутствие царя в столице пришлось взять на себя не свойственные функции. Достаточно вспомнить, что по распоряжению Председателя IV Госдумы М. В. Родзянко депутат, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения А. А. Бубликов на трех машинах с несколькими десятками солдат и матросов занял хорошо ему знакомое здание министерства путей сообщения (набережная реки Фонтанки, дом 115). Он арестовал последнего министра путей сообщения, выпускника Петербургского института инженеров путей сообщения Э. Б. Войновского-Кригера в его квартире во Дворце Юсуповых (набережная реки Фонтанки, дом 117). Затем А. А. Бубликов из здания МПС разослал по телеграфной сети МПС сообщение о свержении самодержавия. Он же вызвал в министерство председателя Инженерного совета МПС, товарища (заместителя) министра, выпускника Петербургского института инженеров путей сообщения Д. П. Козырева, а также крупного специалиста в области движения поездов, выпускника и профессора Петербургского института инженеров путей сообщения Ю. В. Ломоносова. Инженеры путей сообщения были невысокого мнения о Николае II и монархической власти. Они сыграли главную роль в переходе вокзалов под контроль новой власти. А А. А. Бубликов, Д. П. Козырев и Ю. В. Ломоносов не допустили продвижения войск к восставшему Петрограду. А. А. Бубликов по поручению того же М. В. Родзянко в составе очень небольшой группы

⁸ Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. Т. 2. СПб., 2017.

арестовал царя и этапировал его в Царское Село. Какое-то время Александра Александровича Бубликова величали «диктатором Петрограда»⁹. Э. Б. Войновский-Кригер, А. А. Бубликов и Ю. В. Ломоносов оставили интересные воспоминания о событиях 1917 года.

В том, что касается хронологии событий Февральской революции, их последовательности, состава участников, локализации, людских и материальных потерь авторы по умолчанию фактически отсылают читателей к фундаментальной работе Э. П. Бурджалова¹⁰. Но для чего тогда нужен этот том? Ведь есть новейшие энциклопедии, о которых говорилось выше.

Между тем, через сто с лишним лет после происходивших событий, резонно задаться вопросом: на основе какого исторического опыта вождь Октябрьской революции В. И. Ленин составлял свой знаменитый план вооруженного восстания – «занять вокзалы, мосты, почту, телеграф». Великая французская революция породила красивую мифологизированную картинку. Поэтому у них было «взятие Бастилии», а у нас – «штурм Зимнего дворца». Но телеграфа и вокзалов в Париже в конце XVIII века не было. Парижские коммунары не наступали, а оборонялись. А российское самодержавие рухнуло за несколько дней. Не этот ли новейший опыт проанализировал В. И. Ленин и оперативно использовал уже отработанную модель? Но для авторского коллектива книги о Великой российской революции 1917 года В. И. Ленин почему-то не самая интересная фигура.

«Конечно, план Ленина был нереалистичен» (с.314). Это всё, что выдал из себя В. П. Булдаков после характеристики «Апрельских тезисов» в формате одного абзаца в главе «Апрельский кризис и оживление экстремистов». И для автора данной глубокомысленной сентенции не важно, что тезисы, сформулированные В.И. Лениным в начале апреля, уже к концу 1917 года были реализованы в масштабах всей страны. В. П. Булдаков, следуя своей методе, подбирает, как говорил В. И. Ленин, «факты по мастям» для обвинения гениального человека в сумасшествии, в отрыве от действительности и т. д. Руководящие большевики, а их воспоминания используются в как бы академическом труде совсем не академично, позже признавались, что они просто не понимали В. И. Ленина и не видели того, что видел он – гений!

⁹ Фортунатов В. В. Как Бубликов царя сверг // История в подробностях. 2017. № 1 (79). С. 26–29.

¹⁰ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967.

Да, в конце августа – начале сентября 1812 года не все понимали Михаила Илларионовича Кутузова. И мало кто знал о разведчике Александре Ивановиче Чернышёве, который предложил стратегию борьбы с Наполеоном. Но уже в декабре 1812 года в результате гениальной стратегии М. И. Кутузова остатки наполеоновской «Великой армии» едва унесли ноги из России. А В. И. Ленину хватило полгода, чтобы привлечь на свою сторону большинство населения Петрограда, а затем и всей России. А у В. П. Булдакова В. И. Ленин выступает как наименее цитируемый участник событий, в которых он был ключевой фигурой. Что-то вспоминается про слона и москву. Но не хочется в это углубляться.

А углубиться стоит в стиль изложения материала в данном томе многотомной как бы академической истории России. Когда-то ещё в достославные советские времена некоторые серьезные ученые называли такой стиль журналистским. Это такое поверхностное скольжение по канве событий, фактов, происшествий, главной задачей которого является сохранение внимания читателя, готового купить соответствующий опус. Есть ещё жанры «фольк-хистори» и «фэнтэзи-хистори». Когда авторы пытаются привлечь интерес читателей к тому, что им близко и понятно, или к тому, что содержит какую-то тайну, что-то необычное.

Но кто будет читать академическую историю России в 20-ти томах, если значительная часть населения России и большая часть молодежи почти ничего не читает и ограничивается перебранками в социальных сетях. Академической истории России, безусловно, обеспечено достойное место на полках библиотек, но почему надо читать то, что написано о Великой российской революции 1917 г. В. П. Булдаковым и другими соавторами?

Приходится констатировать, что по всем важнейшим узловым моментам в истории бурного 1917 года из предложенного текста можно мало что извлечь. Так, события «корниловщины» представлены в десятках оценок, мнений, сентенций некоторых (далеко не всех) участников событий. Но сведений о том, какие именно воинские части, когда, по каким маршрутам двинулись и до каких точек дошли и почему остановились, в сюжете «Провоцирование большевизма справа и генерал Корнилов» (с. 400–418), написанном В. П. Булдаковым, почему-то нет. А о настроениях казаков в «корниловских войсках» задолго до В. П. Булдакова талантливо и достоверно написал М. А. Шолохов в «Тихом Доне».

Возможно, в академическом издании следовало бы с опорой на документы опровергнуть мнение, бытующее в старейшем транспортном уни-

верситете страны ещё с советских времен и заключающееся в том, что «корниловщину» остановил, «завалил в одно лицо», исполнявший обязанности министра путей сообщения Александр Васильевич Ливеровский. Он так организовал движение поездов, что они застряли в рокадных тупиках. Реальность заключалась в том, что рядовые железнодорожники в своей основной массе разочаровались в «керенщине» и были против «корниловщины». Взбешенный Л. Г. Корнилов обещал «эту сволочь Ливеровского» повесить на первом же суку. Но в Корнилова весной 1918 г. попал снаряд. А выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения, известный строитель Транссиба и других магистралей А. В. Ливеровский многое сделал для железнодорожного транспорта страны, создал первую в стране кафедру «Железнодорожный путь» и умер орденоносцем и уважаемым ученым в почтенном возрасте.

В значительной своей части текст второй книги 11-го тома является дополненным изданием известной книги В. П. Булдакова «Красная смута». Почти 800 страниц посвящены доказательству того, что события 1917 г. в России никакая не великая революция, а тот самый «бессмысленный и беспощадный бунт». И здесь трудно обойтись без обозначения некоторых принципиальных моментов.

Во-первых, у В. П. Булдакова нашлось немало ярких характеристик и обоснованных суждений о разложении, дезорганизации организационного механизма самодержавной империи. На протяжении двух с лишним столетий государственно-крепостнический строй, окончательно оформившийся при Петре I¹¹, с упорством, достойным лучшего применения, защищал интересы первого сословия – дворянства. От обязательной службы государству дворяне были освобождены Манифестом от 18 февраля 1762 г. при Петре III. А крестьяне от дворян были освобождены лишь через 99 лет, 19 февраля 1861 г. при Александре II. Полноправными же частными собственниками земли крестьянам позволили стать лишь в 1906 г. в рамках столыпинской аграрной реформы. Прошло всего лишь около тысячи лет с момента появления частной собственности на землю ещё в Древней Руси¹². Последняя массовая порка мужиков произошла в 1902 г. при подавлении крестьянских выступлений в Харьковской и Полтавской губерниях.

¹¹ См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: Учебное пособие. М., 2019.

¹² Коловангин П. М. Собственность на землю в России. История и современность. СПб., 2003.

И разве удивительно, что в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. мужики сожгли 3 тыс. помещичьих имений, а после октября 1917 г. довели счёт до 26 тыс. (из 30 тыс. имевшихся).

Во-вторых, наряду с прогнившей системой самодержавной власти В. П. Булдаков в соответствии с ещё советской традицией среди главных виновников смуты, катастрофы называет «интеллигенцию». Со ссылкой на писателя и мемуариста Л. Н. Андреева. Очередным приговором «интеллигенции» заканчивается «Заключение» книги (см. с. 736–739). С высоты сегодняшнего дня, когда «интеллигенция», по мнению многих, умерла, аннигилировалась, «приказала долго жить», пора бы разобраться в том, на какую именно интеллигенцию следует «вешать всех собак».

В 1917 году «интеллигенции» насчитывалось свыше 1 млн. человек, среди которых 250 тыс. имели высшее или среднее специальное образование. К «распаду» империи самое непосредственное отношение имели 500 тыс. ранговых чиновников. О зловерности российской бюрократии В. П. Булдаков немало и ярко пишет. Но про подлинную историю российской управленческой интеллигенции пока говорить не приходится. Наряду с чиновниками не оправдали зарплат и надежд высокого начальства 200 тыс. лиц духовного звания из белого и черного духовенства. «Большинство рядовых священников были увлечены потоком, называемым современными историками «церковной», «приходской» и даже «религиозной» революцией», — пишет Т. Г. Леонтьева (с.199) со ссылкой на М. В. Шкаровского. Ещё 230–250 тыс. лиц, относимых к «интеллигенции», составлял офицерский корпус. Генералы активно поучаствовали в свержении царя. Несколько тысяч офицеров явно не хватало для управления солдатскими массами, сконцентрированными в столице. В сентябре–октябре 3–5 тыс. офицеров, вроде бы вооруженных и обученных крепких мужчин предпочитали проводить время в ресторанах и борделях. Таким образом, действительно и конкретно «виноватыми» в произошедшей революции можно считать около миллиона человек.

Но наряду с явно «виновной интеллигенцией» в стране было немало ни в чем не виноватых работников умственного труда, обладавших специальными знаниями и добывавших хлеб своей насущной работой по специальности. Школьные учителя, профессора и преподаватели вузов учили. Врачи и медицинские сестры лечили. Инженеры трудились в промышленности, включая оборонные заводы. Инженеры путей сообщения пытались спасти железнодорожный транспорт от наступления полного коллап-

са¹³. Доколе будет подниматься перо у пишущих (журналистов, писателей, социологов, культурологов, историков) и включаться камера у снимающих, чтобы в очередной вменить презумпцию виновности всей «интеллигенции»? Надо бы разобраться. Но в рецензируемой книге даже попытки не предпринято.

В-третьих, пора перестать, используя авторитет А. С. Пушкина, бороться с филистерскими страхами перед Революцией. «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!», – так заканчивал свои записки о ходе событий 17-летний Петруша Гринёв.¹⁴ Сам А. С. Пушкин написал потрясающую «Историю Пугачевского бунта», которую долго не публиковали, так как великий поэт был правдив и понимал, что у каждого народа есть право на революцию.¹⁵

К сожалению, приходится констатировать, что в рецензируемом тексте вузовским преподавателям «Истории России» мало чем можно «пожиться». Уже «Введение» отбивает охоту к внимательному чтению бесконечного калейдоскопа цитат из различных воспоминаний, представление об относительной ценности которых у всех профессиональных историков укладывается в формулу: «Врёт как современник!». К тому же у каждого вузовского преподавателя есть библиотека, папочки со статьями из научных журналов прошлых лет, свои наборы карточек с различными цитатами, интересными оценками, статистическими данными и т. д. Работа над историческими курсами в рамках уже более чем трех с лишним государственных стандартов позволила накопить фонд из нескольких поколений мультимедийных презентаций, сделанных в формате Power Point. И ничего нового и интересного в сравнении с «Красной смутой» во второй книге 11-го тома «Истории России» (в 20 томах), к сожалению, не просматривается. Вместо серьезного продвижения в научном осмыслении эпохи Великой русской революции 1917 г. получались какая-то «булдаковщина».

Поэтому кафедра «Истории, философии, политологии и социологии» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I своими скромными силами подготовила, а издатель-

¹³ Фортунатов В. В. Фактор революции: повседневная жизнь железнодорожников в 1917 году // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В. А. Верemenko. Спб., 2018. Т. 1. С.227–233.

¹⁴ Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. М., 1986. С. 308.

¹⁵ Фортунатов В. В. Пушкин как историк // III Царскосельские чтения. Научно-теоретическая межвузовская конференция. Спб., 1999.

ство «Питер» выпустило два учебных пособия. Ещё в марте 2024 г. вышли «Основы российской государственности. Учебное пособие для вузов. / Под ред. В.В. Фортунатова. – СПб.: Питер, 2024. – 304 с.». А в ноябре 2024 года увидела свет «История России. Учебное пособие для вузов / Под ред. В. В. Фортунатова. – СПб.: Питер, 2025. – 528 с.» в соответствии с актуализированной программой «Истории России», вступившей в силу 1 сентября 2023 года (Приказ Минобрнауки №662). Ждем реакции нашего профессионального сообщества.

А. В. Силин

**Антиистория Российской революции 1917 года или
Заметки на полях 11 тома 20-томной «Истории России»**

Начну с того, что в студенческие годы (во второй половине 1980-х) довелось прослушать в рамках спецкурса по истории российских революций 1917 г. лекции выдающегося ученого и исследователя этой тематики, ленинградского профессора В. И. Старцева. Они произвели неизгладимое впечатление и оставили не только память на всю жизнь, но и интерес к этой сложнейшей тематике, к которой автор этой статьи уже обращался в дальнейшем как исследователь.

Постсоветский период характеризовался острыми дискуссиями по этим проблемам с высказыванием часто полярных суждений, в том числе в связи со столетием этих событий в 2017 г. и в последующие годы. Тем с большим интересом и надеждой на объективное осмысление тех революционных событий был воспринят выход в свет в издательстве «Наука» в 2024 г. 11 тома 20-томной «Истории России» под названием «Империя, война, революция. 1914–1917 годы» и прежде всего второй книги этого тома объемом почти 800 страниц, озаглавленной «От развала империи к Гражданской войне».

Правда, уже знакомство с оглавлением этой второй книги и ее авторским коллективом породило вопросы в отношении объективности и научности этого издания. Дело в том оно почти полностью написано доктором исторических наук и ответственным редактором этого тома В. П. Булдаковым (в соавторстве в ряде разделов и глав с пятью коллегами). А указанный историк хорошо известен специалистам по его предшествующим работам и трактовке событий 1917 г., как Смуты («Красной смуты»), бунта, охлократии и т. д. К тому же возник вопрос, а под силу ли столь маленькому авторскому коллективу, не занимавшемуся ранее исследованием всего обширного комплекса проблем этой сложнейшей, противоречивой и драматической эпохи (политических, экономических, социальных, национальных, культурных и др.) выполнить заявленное исследование. Знакомство с этим изданием убедило в дальнейшем в основательности этих опасений, о чем и хотелось бы поделиться на страницах этой статьи.

Разочарование вызывает уже чтение «Введения» второй книги (вместе со знакомством с библиографией) этого тома. Здесь вместо представления и глубокого и содержательного анализа колоссального объема отече-

ственной и зарубежной исторической литературы более чем за столетие изучения революционной истории 1917 г. (тысячи, если даже не десятки тысяч только книг) представлено некоторое фрагментарное ее освещение с поучениями и упреками в адрес коллег самых разных исследовательских направлений и со странными и малопонятными авторскими суждениями и заключениями.

Вот некоторые подобные примеры: «Многие авторы словно не замечают, что все бывшие попытки конструирования «объективных» предпосылок революции («базис и надстройка») повисают в воздухе. Увы, люди слишком часто повинуются замшелым «истинам», даже не веря в них»¹, или «Подобные инвективы характерны для авторов, так и не сумевших выбраться из паутины историографического начетничества и псевдомарксистского просветительства застойных лет»², или «Постепенно стала возрождаться и сервильная привычка к переписыванию прошлого в угоду представлениям бюрократии»³ и т. д. и т. п.

Заключительный же абзац Введения, где должно быть итоговое обобщение звучит так: «Суть событий 1917 г. лучше ощущали незашоренные социологическими стереотипами и политическими догмами писатели и поэты, чем перегруженные всевозможными теориями профессиональные обществоведы и партийные доктринеры... политики, вздумавшие сопротивляться народной стихии, сделались ее беспомощными жертвами. За этим предстоит проследить академической науке»⁴. Иначе говоря, профессиональным историкам и исторической науке отказано в возможности и способности понимания революционного процесса.

Обращаясь к основной части текста книги, заметим, что специалисты или заинтересованные читатели будут тщетно искать в ней современное осмысление и объяснение Февральской революции. В первой главе книги лишь изредка используется даже само это понятие. Авторы предпочли дать ей название «Падение самодержавия», поучая, что «процесс разложения сложноорганизованной системы словно провоцирует поток простейших одномерных объяснений, которые могут показаться «убедительными» в силу формально-логистической ограниченности мыслительного аппарата

¹ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. 1914–1917 годы. Кн. 2: От развала империи к Гражданской войне. М., 2024. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 25.

человека»⁵, и указывая, что «сценарий развертывания бунта был известен заранее по опыту 1905 г.»⁶. Какие-либо выводы и обобщения в этой главе отсутствуют.

В сравнении с опубликованным текстом и фактическим бессилием ее авторов дать глубокую характеристику происходивших событий можно согласиться с их оценкой, что лучшей книгой о Февральской революции по-прежнему остается двухтомное исследование Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция» более чем полувековой давности, тем более что в ее втором томе этот историк дал описание и анализ протекания ее событий и процессов на пространстве страны. Авторам же второй книги 11 тома это не удалось сделать.

Вообще же в результате знакомства с этой книгой создается впечатление, что и в целом события 1917 г. раскрываются в ней посредством взгляда из центра, столицы, а происходившее в регионах – это не более, чем некая иллюстрация, без знания и понимания особенностей протекавших там процессов, без обращения к региональной историографии и использования местных источников, в т. ч. архивных документов. Это в полной мере характерно, например, для Европейского Севера России, ибо Олонецкая губерния в книге не фигурирует вообще, а указания на происходившее в Архангельской и Вологодской губерниях создают впечатление случайности и поверхностности отсылок. Региональную научную историографию, в т. ч. монографическую литературу о революционных процессах 1917 г. на Севере, авторы анализируемого издания просто не знают.

Часть заголовков глав и параграфов книги носит странный или сугубо публицистический характер, например: «Демократия перед лицом охлократии», «Провоцирование большевизма справа и генерал Корнилов», «Институционные судороги демократии», «Власть в зеркале эмоций», «Ленин и Троцкий: идеи и демагогия», что определяет и соответствующий легковесный характер текстов.

Во многих главах книги отсутствуют содержательные выводы, вместо них приводятся те или иные цитаты из суждений современников или заключения весьма странного свойства. Показателен, например, в этом отношении вывод главы 3: «Событиями во все большей степени управляли страхи беспомощности. Поэтому всякое потрясение в верхах отзывалось

⁵ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. 1914–1917 годы. Кн. 2: От развала империи к Гражданской войне. М., 2024. С. 63.

⁶ Там же. С. 65.

смутой в низах. Всякий политик, отказывающийся понимать это, был обречен. И первым пострадали самые упрямые из них»⁷. Или вот каково заключение главы 6: «Казалось остаться в стороне от всепроникающей "красной смуты" не мог никто. Такова была естественная расплата новорожденной демократии и одурь пробудившейся охлократии»⁸.

Как в первой, так и в заключительной главе, авторы предпочитают писать не о революции (соответственно, Февральской и Октябрьской), но о падении власти: в первом случае — самодержавия, а во второй — Временного правительства, именуя первый параграф главы 7 «Большевики и "захват" власти».

Бросается в глаза, что на всем протяжении текста книги авторы игнорируют и стараются не упоминать такие понятия, как «Российская революция» или «Великая российская революция», но оперируют терминами «смута», бунт», «хаос» и т. п.

А вот какой «замечательный» вывод делается в самом конце, в ЗаклЮчении второй книги и в целом 11 тома: «В ситуации «внутреннего отчаяния» различных культурных и социальных пластов российского общества Гражданская война делалась неизбежной. Но могла ли она превратить прежнее «застойное» социальное пространство в динамично развивающуюся социальную систему? Могла, если бы одна часть общества не питалась энергией всеохватывающего бунта и утопией всеобщего равенства, а другая не помышляла о невозможной реставрации — то ли эфемерной демократии, то ли выродившегося самодержавия»⁹.

В завершение статьи остается сделать вывод, что опубликованная вторая книга 11 тома вряд ли отражает представления современной исторической науки, как и указанный том в целом. В нем отсутствует самое главное — уважение к своей истории, глубокое и объективное осмысление и объяснение Российской революции 1917 г. и ее исторического наследия для нашей страны и мира, ибо история и историческая наука призваны объединять, а не разделять нацию, формировать ее историческую и культурную память, учить извлекать из исторического прошлого соответствующие уроки для настоящего и будущего.

⁷ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. 1914–1917 годы. Кн. 2: От развала империи к Гражданской войне. М., 2024. С. 311.

⁸ Там же. С. 618.

⁹ Там же. С. 739.

Не случайно Президент России В. В. Путин, выступая 7 ноября 2024 г. на пленарной сессии XXI ежегодного заседания международного дискуссионного клуба «Валдай», начал свою речь со слов: «Мы с вами встречаемся 7 ноября, дата значимая и для нашей страны, можно сказать, и для всего мира. Русская революция 1917 года, как в своё время нидерландская, английская, Великая французская революция, стали в известной степени вехами в развитии человечества, во многом определили ход истории, характер политики, дипломатии, экономики и общественного устройства»¹⁰.

Поэтому остается выразить сожаление, что подобного содержания 11 том, формирующий ложные представления о Российской революции 1917 г. и Великой российской революции в целом, был издан в рамках 20-томной «Истории России». Опубликованный текст фактически является не историей, а антиисторией Российской революции. Остается высказать надежду, что широкое научное обсуждение опубликованного текста этого тома приведет к общему выводу о том, что его авторский коллектив не справился с поставленной перед ним задачей, и следует создать иной и более представительный научный коллектив, который сможет создать честную, содержательную и объективную картину революционного процесса 1917 г. в России.

¹⁰ Официальный сайт Президента России: сайт.

URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/75521/videos>_(дата обращения: 04.01.2025)

**Еще раз о «локальном патриотизме» и
региональном подходе в изучении истории России**

Выход 11 тома академической «Истории России» стал событием в научной жизни, предметом пристального внимания всех исследователей, занимающихся Первой мировой войной и революцией в России. Уверен, что анализировать подобные обобщающие работы имеют моральное право те специалисты, кто сам вовлекался в процесс интеграции, обобщения исторического материала общероссийского уровня.

Автор данной статьи не относится к их числу и является частью многочисленной группы исследователей, реализующих региональный подход в отечественной историографии. Давно уже прошли те времена, когда под регионалистикой примитивно понимали только «местные иллюстрации» или еще хуже – отчасти дискредитировавшее себя в науке (но не в культуре) краеведение. За несколько последних десятилетий в России выросли региональные научные группы (избежим термина «школы»), которые ставят своей задачей не иллюстрацию общероссийской истории, а поиск того эмпирического и теоретического материала, который должен помочь интеграции и становлению общегосударственного исторического пространства.

Вместе с тем во второй книге 11 тома, на странице 23, мы встречаемся с весьма странным для XXI века упреком в отношении историков-регионалистов: авторы, размышляя о причинах и предпосылках революции и Гражданской войны, критикуют попытки некоторых исследователей делать это в рамках «отдельно взятого региона», связывая эту практику с «локальным патриотизмом»(!). Ссылаясь на то, что советская историография в свое время отвергла этот подход, авторы 11 тома не принимают его и в наше время.

Хотелось бы сразу возразить: советская историография с недоверием относилась к региональному подходу именно потому, что уже имела довольно стройную общесоюзную историческую концепцию. Сам региональный подход угрожал этой концепции вскрытием многих несоответствий. Да так, собственно, и произошло: под воздействием, в том числе региональных исследовательских групп, начиная со времени «оттепели» и особенно в 1990-е гг., происходила коррозия многих положений старой концепции.

Если охранительную логику советской историографии понять можно, то не совсем ясно, чем же провинился региональный подход перед авторами 11 тома? Ведь органичная и качественно новая (отличная от советской) общероссийская историческая концепция еще в стадии своего становления, она крайне нуждается в свежем эмпирическом и теоретическом материале, а его, в свою очередь, готовы раздобыть и предоставить историкам-«интеграторам» те самые региональные коллективы.

Почему не наблюдается такого же непримиримого отношения между микробиологами и теми, кто изучает живой мир как глобальное целое, или физикой элементарных частиц и астрономией? В воспроизводстве научного знания нужно всё. Нужна и микроистория, локальный, региональный подход в исторических исследованиях. Без этого не провести качественную интеграцию и реконструкцию большого исторического пространства.

В России на рубеже XX–XXI вв. возник проект новой культурной географии, более известной под названием *регионоведение*. Но вскоре стало очевидным, что в таком виде данное направление в какой-то степени носит искусственный характер. На наш взгляд, причина трудностей состояла в общей неспособности науки отойти от существующей номенклатуры научных специальностей. Экономисты считали регионоведение «своей» дисциплиной. Историки, среди которых был и автор этих строк, рассматривали регионоведение частью исторической науки, освобожденной от недостатков старого краеведения¹. Международники придумали «Зарубежное регионоведение» (аналог лингвокультурологического «страноведения»). Эти взгляды привели к появлению новых образовательных программ и учебных дисциплин, но в рамках старой матрицы научных специальностей.

Между тем Ф. Бродель еще в 1969 г. заметил: «В настоящее время нужно, скорее, стремиться к объединению наук о человеке (возможно, построив общий язык с помощью информатики?), чем к улучшению того или иного участка»².

По всей видимости, регионоведческий проект смогла бы спасти дальнейшая разработка теории культурных ландшафтов на основе органического синтеза разных научных областей (не исключая естествознания) и со-

¹ См.: Федоров П. В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004; Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы 9-й Всерос. науч.-практ. конф.). Армавир, 2005. С. 77–92.

² Бродель Ф. Очерки истории. М., 2017. С. 10.

временных информационных технологий. Ближе всего к этому пути оказались В. Л. Каганский и Д. Н. Замятин³, а также методологические искания вокруг компьютерного картографирования исторических процессов⁴.

Пространственная рефлексия, восходящая от феноменологии весьма малых масштабов к универсальным конструкциям, в частности, мир-системному подходу, как раз и является одним из оснований междисциплинарного синтеза, в том числе в социогуманитарном поле. С точки зрения применения исследовательских практик значима любая размерность и любая сложность, способная обогатить научное познание особым содержанием.

Чтобы как-то проиллюстрировать эту мысль, поделюсь теми вопросами, которые у меня возникли при чтении 11 тома «Истории России». Изучавшийся мной в течение десятилетий региональный исторический материал по Кольскому полуострову и арктическим морям привел меня к определенным теоретическим наблюдениям, относящимся к истории Первой мировой войны и революции. Полагаю, что эти наблюдения обогатили бы общероссийскую концепцию. Поэтому мои заметки будут не о том, что есть, а о том, чего нет в 11 томе.

«Вторые Дарданеллы»

Вопрос о роли северных коммуникаций России в истории Первой мировой войны давно замечен в историографии. Особенно продуктивной представляется обнародованная еще в 1939 г. идея П. Д. Быкова о существовании определенной взаимосвязи между военной ситуацией на Балканах и стратегической ролью Европейского Севера. П. Д. Быков подчеркнул, что вступление в войну Турции в конце октября 1914 г., хотя и лишило Антанту возможности пользоваться проливами Босфор и Дарданеллы, не привело к потере сербско-дунайского коридора, функционировавшего до осени 1915 г. Только вступление в войну Болгарии и падение Сербии вынудило союзников всецело сконцентрироваться на северном выходе в океан⁵.

Вместе с тем П. Д. Быкову, по нашему мнению, не удалось органично связать события, происходившие на севере и юге Европы. Так, он оши-

³ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001; Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.

⁴ См.: Владимиров В. Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.

⁵ Быков П. Д. Военные действия на Северном Русском морском театре в империалистическую войну 1914–1918 гг. Л., 1939. С. 4–5.

бочно указывал, что Мурманская железная дорога строилась «с начала 1915 года»,⁶ имея в виду, очевидно, время принятия решения о производстве изысканий под ее строительство. Из этого следовало, что интерес правительства к мурманскому транспортному направлению проявился практически одновременно и равнозначно, что и к архангельскому. Однако анализ законодательства свидетельствует о другом: относить время принятия решения о строительстве Мурманской железной дороги, в ее полном виде, к периоду ранее 23 сентября 1915 г. некорректно⁷.

Российскому правительству потребовалось 9 месяцев, чтобы окончательно решить вопрос о строительстве железнодорожной линии от Петрозаводска до Мурмана.

Почему же российское правительство до лета 1915 г. предпочитало поддерживать архангельскую позицию и борьбу с беломорским льдом, отвергая свободные, незамерзающие гавани Мурманского побережья? Представляется, что колебания властей могли быть связаны с существовавшими в тот период надеждами на быстрый исход войны. Ведь еще в феврале–марте 1915 г. Россия вела переговоры с союзниками о разделе сфер влияния в южной Европе, считая, что «всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл... не будут впредь включены в состав Российской империи»⁸.

Происходившее по мере усложнения военной обстановки затухание этих надежд, нарастание страха перед предстоящей зимой и замерзанием Архангельского порта стали непосредственными причинами переключения внимания центра на затратный мурманский проект и принятия окончательного решения о строительстве целостной линии на Мурман, что и завершилось к осени 1915 г. По времени это совпало со вступлением в войну Болгарии и началом ожесточенных боев за Сербию, в результате чего «у центральных держав образовался сплошной театр от Северного моря до Багдада, дававший им возможность использовать большие богатства азиатской Турции»⁹.

⁶ Быков П. Д. Военные действия на Северном Русском морском театре в империалистическую войну 1914–1918 гг. Л., 1939. С. 5.

⁷ См. подробнее: Федоров П. В. Балканы и Русский Север в 1914–1917 гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 3. С. 41–46.

⁸ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: Сб. документов. М., 1926. Ч. II. С. 25.

⁹ Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. I. С. 347.

Поняв необратимость фактической изоляции России на южно-европейском направлении, в условиях нарастающего ресурсного голода российское правительство стало признавать значение обустройства нового выхода в океан на Севере. На строительстве Мурманской железной дороги были достигнуты беспрецедентные в мировой практике темпы прокладки рельсового пути. Более чем 1000-километровое полотно от Кольского залива до Петрозаводска было уложено за 20 месяцев: в среднем по 52 км в месяц¹⁰. Стоимость железнодорожного строительства составила 208 млн. руб., выделенных государством¹¹.

Сквозное движение между Мурманом и Петроградом было открыто 3 ноября 1916 г. В Кольский залив вереницей пошли суда из союзнических стран. Они везли вооружение, боеприпасы и другие грузы – все, что необходимо для воюющей страны. Однако недостаток портовых разгрузочно-погрузочных устройств, нехватка паровозов и подвижного состава затрудняли отправку вглубь России. Пропускная способность дороги оценивалась в 11 пар поездов в сутки с общей грузоподъемностью до 400 тыс. пудов груза в одном направлении, но в реальности техническое состояние дороги оставляло желать лучшего. В начале 1917 г. по этим причинам в Кольском заливе скопилось около 20 неразгруженных пароходов. Проблемы работы Мурманского порта и Мурманской железной дороги обсуждались на Особом совещании по обороне государства¹².

В литературе встречается мнение о том, что строившийся мурманский коридор в круговороте войны так и не успел вступить в строй, и на Севере действовала только архангельская линия. В частности, небезызвестный историк Первой мировой войны Н. Н. Головин считал, что если бы Мурманская дорога «и была своевременно закончена, потребовалось еще много времени для оборудования порта»¹³. А. М. Анфимов называл строительство этой самой северной в мире дороги «еще одним преступлением царя Николая II», перенапрягавшего «силы народа, и без того изнывавшего под гнетом войны, страдавшего от голода и разрухи»¹⁴.

¹⁰ Подсчитано по: От Управления по постройке Мурманской жел[езной] дор[оги] // Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг., 1916. С. 7.

¹¹ Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 589.

¹² Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 год. М., 1978. С. 127.

¹³ Головин Н. Н. Указ. соч. М., 2006. С. 367.

¹⁴ Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 65.

Подобные точки зрения не являются бесспорными. При всем техническом несовершенстве мурманского коридора, его работу нельзя признать безрезультатной. По данным П. Д. Быкова, на Мурманский порт пришлась пятая часть всех грузов, завезенных в Россию северным маршрутом в 1914–1916 гг.¹⁵ По оценке А. Б. Смирнова, в течение 1917 г. в порты Архангельской губернии было доставлено 80 % всех поступивших в Россию грузов, в том числе 60 % в Архангельск и 20 % в Кольский залив. Остальные 20 % грузов поровну распределялись между оставшимися транспортными коридорами – системой железных дорог Швеции и Владивостоком¹⁶. Соответственно, в первый революционный год на Мурманский порт пришлась четверть северного грузопотока в Россию.

Таким образом, Первая мировая война выявила несовершенство системы довоенных территориальных приоритетов Российской империи, с ее ориентацией на континентальный Юг. Балканский кризис вынудил воюющую Россию воспользоваться стратегическими возможностями своего Севера и полностью реконструировать систему транспортных коммуникаций с союзниками.

Характерно, что связь между событиями, происходившими на юге Европы и в северной части России, улавливалась в сознании европейцев уже в годы Первой мировой войны. В западной прессе мурманский выход в Европу получил образное название «Вторых Дарданелл»¹⁷, которым выражалось появление у России новых морских ворот, позволявших взаимодействовать с миром, минуя Средиземное море.

Миграции в зеркале Русского Севера

В 11 томе до обидного мало говорится о миграционных процессах на территории Российской империи. А ведь они не только стали особенностью многовекового исторического процесса, но и характерной чертой эпохи Первой мировой войны и революции в частности.

Мы столкнулись с этим, когда изучали состав населения Романова-на-Мурмане (ныне Мурманска) – последнего города, учрежденного в Российской империи. Историко-документальная реконструкция первого

¹⁵ Подсчитано по: Военные действия на Северном Русском морском театре в империалистическую войну 1914–1918 гг. Л., 1939. С. 6.

¹⁶ Смирнов А. Б. Морские порты Архангельской губернии в политике Российского государства в годы Первой мировой войны: Автореферат дисс... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. С. 20.

¹⁷ См.: Арнольдов А. М. Вторые Дарданеллы: Мурманский выход в Европу. Пг., 1922. С. 3.

кладбища Мурманска, имевшего специфическое название «на Горé», позволила установить имена и статусы почти 900 человек, похороненных здесь в 1916–1922 гг. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что кладбище отразило в себе символическую карту Российской империи. В ее почве оказались выходцы из многих губерний, включая центральные и южные регионы, Поволжье, Сибирь, Финляндию и Прибалтику. Кроме того, свой последний приют на «Горé» нашли выходцы из Китая, Кореи, Румынии, Чехословакии, Швеции. Здесь появился целый участок английских военнослужащих и гражданских лиц, а также могилы военных из Сербии и Дании¹⁸.

Даже такой микрообъект, как кладбище, ставит отнюдь не микровопросы: невооруженным глазом видно, что миграции носили глобальный, евразийский характер. Изучая их на региональном уровне, можно постепенно, реконструируя все звенья, продвигаться к пониманию их сущности.

Север и революция: третий путь?

Автор любого обзорного труда по истории России не может не заметить, что одни периоды легко подаются органической «сборке» и единообразной периодизации, а другие находятся в большей власти пространственного многообразия и до известной степени сопротивляются синтезу. К последним относятся периоды революций и гражданских войн, в ходе которых территории олицетворяют подчас сами субъекты исторического процесса. Исторiku и тем более автору обобщающих трудов для подобного многослойного синтезирования требуется научиться декодировать и сравнивать территориальные сущности как своего рода «социальные идеи».

Весьма своеобразное лицо имела мурманская окраина в период революции. Даже историки сталинского поколения говорили о «несмываемой печати мурманской специфичности»¹⁹.

Повышенная миграционная активность населения, суровые условия Заполярья, трудности адаптации, незавершенность процесса освоения тундры, близость Западной Европы и другие факторы привели к тому, что вместо классового противостояния в Мурманске 1917 г. проявлялась склонность к компромиссу. Едва ли на это следовало бы обращать внимание, если бы данная проблема – о выборе пути – не стояла бы перед Рос-

¹⁸ Федоров П. В., Малащенко А. А. Гора: место упокоения странников и первооткрывателей Мурманска (1916–1922 гг.). СПб., 2024.

¹⁹ Корнатовский Н. А. Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане // Красная летопись. 1930. № 3 (36). С. 5–63.

сией в 1917–1918 гг. И очертания заветного «третьего пути» – ни диктатуры, ни демократии – просматриваются в политической обстановке Мурманского края того времени.

Начиная с 1960-х гг. историки из Мурманска А. А. Киселев и Ю. Н. Климов начали публиковать труды об особенностях революции и Гражданской войны на Мурмане. Их наблюдения заметно отличались от той позиции, которая устоялась в советской историографии²⁰, что вызывало у ее сторонников жесткую критику²¹. Значительный импульс этому процессу придали мемуары борцов за власть Советов Т. Д. Аверченко и В. Л. Бжезинского, в которых выражалось несогласие с положениями официальной исторической концепции²². Региональный подход тем самым уже тогда вскрывал настигший советскую историографию кризис и настоятельно звал к «работе над ошибками» с учетом всего многообразия регионального материала.

Таким образом, если мы говорим о современной исторической науке, в такой стране, как Россия (самой большой стране мира по территории!), региональный подход следует рассматривать одним из существенных методологических инструментов исторического исследования, без которого невозможен подлинный, органичный научный синтез.

История российской цивилизации, Россия в евразийской судьбе, строительство русского «арктического фасада» – по этим и другим актуальным контурам историософской мысли региональный подход способен дать много ценных штрихов и наблюдений. Историческое осмысление российской истории от локального измерения к глобальным координатам Севера, Юга, Запада и Востока представляется благодарной почвой для выстраивания новых горизонтов понимания.

²⁰ Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск, 1969; Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. Мурманск, 1977.

²¹ Голуб П. А., Рыбаков М. В. Советский Север в огне революционных боев // Вопросы истории КПСС. 1978. № 10. С. 128–134.

²² Федоров П. В. «Мурманских большевиков брали в кавычки»: Мемуарное творчество борцов за власть Советов и советская историография // Новый исторический вестник. 2024. № 2 (80). С. 121–140.

**От «Октябрьского переворота» к
«Великой Октябрьской социалистической революции».
Историографический обзор терминов**

Цель сообщения – попытка рассмотреть, как именовали основные события 1917 г. деятели большевистской партии, ученые-историки и средства массовой информации на протяжении 1917–1938 гг., и объяснить причины этой трансформации. Естественно, что изменение словоупотребления в той ситуации было связано, прежде всего, с политическими и идеологическими задачами, которые определяло руководство большевистской партии.

Не рассматривая в данном случае проблему самого термина «социальная революция» и ее временные границы в России, отметим лишь, что революция представляет достаточно длительный процесс, начинающийся открытым политическим выступлением разнообразных общественно-политических сил против существующего политического, экономического и социального строя и заканчивающийся победой одной из них. Поэтому Февраль 1917 г. и его итоги невозможно признать особой революцией, имеющей начало и завершение. То, что свержение самодержавия не является концом революции, признавал в 1917 г. и В. И. Ленин. В статье «О задачах пролетариата в данной революции» он писал: «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹.

В стилистике первых месяцев советской власти на равных правах употреблялись словосочетания «Октябрьский переворот», «Октябрьская революция». Вместе с тем именно В. И. Ленин с 25 октября 1917 г. настойчиво формирует миф о новой, Октябрьской революции. Уже в докладе «О земле» на II съезде Советов вечером 26 октября он впервые употребил выражение «возникновение ...второй, Октябрьской революции»². В первом публичном выступлении этих дней, на заседании Петроградского Совета 25 октября, он сочетал оба понятия: «революция» и «переворот»³. Это сохранялось и в дальнейшем. 6 ноября 1918 г. на торжественном заседании

¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 31. С. 114.

² Там же. Т. 34. С. 23.

³ Там же. Т. 31. Т. 34. С. 2.

В. И. Ленин начал речь словами: «Мы собираемся сегодня ..., чтобы праздновать годовщину Октябрьского переворота»⁴. В тот же день, а также и 8 ноября на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов он говорил об «Октябрьской революции»⁵.

Один из ведущих теоретиков партии, Л. Б. Каменев, выступая на пленуме Московского совета 7 февраля 1924 г., именовал «величайший в истории поворот мировой истории» как «Октябрьский переворот 1917 года»⁶. В ноябре 1924 г., на собрании Московского комитета РКП (б), он употреблял в докладе словосочетания «Октябрьская революция» и «Октябрьский переворот»⁷. Такое же сочетание данных терминов и самого восприятия событий 1917 г. можно наблюдать и в статьях И. В. Сталина в 1918–1920 гг. Он назвал термином «Октябрьский переворот» две свои статьи⁸. Затем это выражение встречается у него все реже. Пожалуй, последний раз Сталин воспользовался им в декабре 1924 г. в послесловии к статье «Против федерализма», написанной в марте 1917 г.⁹ Оба эти термина – «Октябрьская революция» и «Октябрьский переворот» – неоднократно встречаются в работах Л. Д. Троцкого¹⁰. Этот же термин, «Октябрьский переворот», можно найти у А. И. Рыкова в 1918–1923 гг.¹¹

Чем объяснить такое длительное употребление термина «Октябрьский переворот» лидерами правящей партии. Можно сформулировать несколько причин. Во-первых, в течение 1917 г. они, помнившие историю Великой французской революции и называвшие себя «пролетарскими якобинцами», рассматривали происходившее как единый исторический процесс, как переход от одного этапа революции к другому. Во-вторых, само взятие власти и удержание ее представлялось многим из них в глубине души неким «чудом». В этом плане характерно выступление И. В. Сталина на заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 г. Он, в частности, сказал: «неволью вспоминаю вечер 1917 года, 25 октября, ... когда мы, маленькая группа большевиков ... имея в руках Петроградский Совет ... и незначи-

⁴ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 37. С. 132.

⁵ Там же. Т. 37. С. 141, 153.

⁶ Каменев Л. Путь Ленина//Каменев Л. О Ленине. Статьи, речи, заметки. Л., 1925. С. 39.

⁷ Каменев Л. Ленинизм или троцкизм (Уроки партийной истории)// Каменев Л. О Ленине. Статьи, речи, заметки. Л., 1925. С. 189, 190, 219.

⁸ Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 134, 152, 155, 161, 163, 313.

⁹ Там же. Т. 3. С. 30.

¹⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. М.: Республика, 1997. С. 259, 262, 263, 264, 265.

¹¹ Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 42, 51, 95, 239.

тельную Красную гвардию, ... как мы, эта маленькая группа, ... передали власть 2 съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»¹². В-третьих, термин «Октябрьский переворот» подразумевал события непосредственно 24–25 октября 1917 г. Наконец, проблемы исторического образования, четких оценок исторического прошлого, в том числе и совсем недавнего, еще не были в центре внимания высших партийных органов.

В результате до конца 1920-х гг. общеупотребительными были термины «Октябрьская» и «Пролетарская» революция¹³. Во Всеобщем иллюстрированном календаре на 1928 год 7 и 8 ноября были отмечены как дни Пролетарской революции¹⁴. Были, конечно, и исключения. Так, Я. М. Свердлов, выступая перед делегатами съезда комитетов деревенской бедноты 5 ноября 1918 г., сказал, что он счастлив приветствовать их «в годовщину великой Октябрьской революции»¹⁵. В конце 1919 г. Н. И. Бухарин в учебном пособии «Азбука коммунизма» написал фразу, что «Под лозунгом «Вся власть советам» произошла великая октябрьская революция» [Орфография подлинника]¹⁶. В 1923 г. Н. И. Бухарин повторил эту формулировку, утверждая, что «Великая октябрьская революция ... сольется неизбежно с великим победоносным восстанием мирового пролетариата» [Орфография подлинника]¹⁷. В 1924 г. ответственный сотрудник Наркомпроса И. И. Ходоровский издал брошюру «Великая Октябрьская революция»¹⁸. Но эти новации не являлись пока обязательными.

Крупнейшие советские историки 1920-х гг., писавшие о революции 1917 г., также употребляли в некоторых случаях выражение «Октябрьский переворот», а в целом именовали взятие власти большевиками как «Октябрьскую революцию». Например, М. Н. Покровский писал, что «Февральская революция была не только рабочей революцией, не только пролетарской революцией по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и фактически стала у власти, но неизбежно была и социалистической революцией совершенно объективно»¹⁹. Комментируя это высказывание, ученик М. Н. Покровского Д. Я. Кин утверждал, что

¹² Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 391.

¹³ Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 6.11. С. 1.

¹⁴ Всеобщий иллюстрированный календарь на 1928 год. М., 1927.

¹⁵ Северная Коммуна. 1918. 6.11. С. 3.

¹⁶ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. М., 1919. С. 140.

¹⁷ Бухарин Н. И. От крушения царизма к падению буржуазии. Харьков, 1923. С. 150.

¹⁸ Ходоровский И. И. Великая Октябрьская революция. М., 1924.

¹⁹ Очерки по истории революционного движения. Т.2. М.-Л., 1927. С. 191.

«Антиимпериалистический характер классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства в семнадцатом году определяет революцию Февраля-Октября, как внутренне единый процесс, модифицирующий на различных этапах развития» и что «Февральская революция непосредственно вела к социалистической революции, являлась ее началом и в этом смысле была пролетарской»²⁰.

Видный деятель партии в 1917 г., историк В. И. Невский в 1920 г. неоднократно ставил рядом термины «Октябрьская революция» и «Октябрьский переворот»²¹. В пособии В. О. Волосевича беседа 10-я названа «Февральская революция и Октябрьский переворот». При этом автор выделяет два периода в развитии русской революции: от 27 февраля до начала июля и «от июльских дней до 25 октября», рассматривая события 1917 г. как единый исторический процесс²². В учебном пособии Н. Н. Попова, в разделе «Октябрьская революция» можно прочесть фразы: «Своеобразие Октябрьского переворота», «сам Каутский приветствовал Октябрьский переворот», «в течение первых месяцев Октябрьской революции»²³. Эту терминологию он сохранил и в издании 1931 г.²⁴ В учебнике под редакцией А. С. Бубнова в XI главе (автор А. Геронимус) «Октябрьская революция и большевизм» подразделы названы «Октябрьский переворот и ЦК партии» и «Первые попытки вооруженного сопротивления буржуазии Октябрьскому перевороту», а также подчеркивается, что красногвардейская атака на капитал «сломила первые попытки сопротивления эксплуататоров Октябрьскому перевороту»²⁵. Выражения «Февральский переворот» и «Октябрьский переворот» рядом со словами «Октябрьское восстание» и «Октябрьская революция» можно встретить в учебнике под общей редакцией Е. М. Ярославского, увидевшим свет в 1929 г.²⁶ Даже в докладе на торжественно-траурном заседании 21 января 1930 г. в связи с годовщиной смер-

²⁰ Кин Д. Я. К 60-летию М. Н. Покровского. М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. № 9. С.24–25.

²¹ Невский В. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920. С. 6; Он же. Праздники христианские и рабоче-крестьянские. М., 1920. С. 11, 12.

²² Волосевич В. Самая краткая история ВКП (б). Восьмое издание, стереотипное. Л., 1930. С. 9, 110.

²³ Попов Н. Н. Очерки истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Изд.2, испр. и доп. М., 1926. С. 204, 218, 219, 221.

²⁴ Попов Н. Н. Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Вып.2. М.-Л., 1931. С. 3, 14.

²⁵ Бубнов А. С. ВКП (б). М.-Л., 1931. С. 492, 494, 501, 502.

²⁶ История ВКП (б). Т. 3 / Под общей редакцией Ем. Ярославского. М.-Л., 1929. С. 82,179, 207, 218, 221.

ти Ленина Ем. Ярославский употребил выражение «Октябрьский переворот»²⁷. В 1933 г. под редакцией М. Д. Орахелашвили и В. Г. Сорины Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) издал сборник документов «Декреты Октябрьской революции», первый том которого назывался «От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания»²⁸. Здесь видится отличие событий 24–25 октября 1917 г., «Октябрьского переворота», от всего периода Октябрьской революции, рамки которой тогда ограничивались датами 25 октября 1917 – лето 1918 гг. Далее шли события Иностранной военной интервенции и гражданской войны.

С середины 1920-х до середины 1930-х гг. наиболее общеупотребительным в докладах, речах на официальных и торжественных заседаниях стал термин «Октябрьская революция», хотя и он утвердился не сразу. Например, речь М. И. Калинина на торжественном заседании 6 ноября 1926 г. называлась «К IX годовщине советской власти», его же выступление 6 ноября 1929 г. – «12 лет пролетарской диктатуры», в 1930 г. – «13-я годовщина Октября: наши успехи и трудности социалистического строительства», в 1932 г. – «15 лет Октября»²⁹. Но уже в 1927 г. доклад Н. И. Бухарина именовался «10-я годовщина Октябрьской революции», в 1928 г. доклад А. В. Луначарского – «12-я годовщина Октябрьской революции», доклад В. М. Молотова в 1931 г. – «Октябрьская революция и борьба за социализм», его же в 1933 г. – «К годовщине Октябрьской революции»³⁰.

Эти изменения не были, конечно, случайными. Как справедливо отмечает А. М. Дубровский, с начала 1930-х гг. меняется «общественно-политический статус исторической науки» и подходы к преподаванию истории. История стала «важным средством воздействия власти на общественное сознание»³¹. Восстановление преподавания истории как отдельного предмета в школах и вузах требовало четких идеологических установок для ученых-историков, для авторов учебников от руководства ВКП(б), в том числе терминологических определений. Не касаясь всей суммы этих директив, отметим, что нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов на совещании историков 22 марта 1934 г., передавая суть выступлений

²⁷ Ярославский Ем. Под знаменем Ленина. М.-Л., 1930. С. 1.

²⁸ Декреты Октябрьской революции. М., 1933.

²⁹ Правда. 1926. 7.11. С. 1; Правда. 1929. 7.11. С. 1; Правда. 1930. 7.11. С. 1.

³⁰ Правда. 1927. 7.11. С. 1; Правда. 1928. 7.11. С. 1; Правда. 1931. 7.11. С. 1; Правда. 1933. 7.11. С. 1.

³¹ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского ГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2005. С. 779.

И. В. Сталина на заседаниях Политбюро ЦК 5 и 20 марта 1934 г., в частности, подчеркнул, что «это должна быть большевистская история»³². Поэтому особую важность приобретали термины 1917 г. В этом отношении принципиальные указания были даны И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым в августе 1934 г. в замечаниях на конспекты учебников по истории СССР и новой истории (естественно, основным их автором был Сталин). В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» 8 августа 1934 г. указывалось на то, что «значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее полуколониального положения остается немотивированным»³³. В «Замечаниях о конспекте учебника новой истории» 9 августа 1934 г. подчеркивалось, что «нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией Октябрьской, — ее надо называть и трактовать как революцию *социалистическую*, революцию *советскую*», что свержение «капитализма в СССР силами Октябрьской революции» открыло «новую эру в истории человечества»³⁴. Таким образом, новая идеологическая формула именования событий 25 октября (7 ноября) 1917 г. здесь была уже выработана. Но парадокс состоял в том, что эти указания были впервые опубликованы лишь в 1936 г.³⁵, хотя, безусловно, о содержании этих заметок были информированы не только авторы конспектов разбираемых учебников и руководители ЦК ВКП(б), но и идеологические работники, вхожие в коридоры Кремля и Старой площади.

Поэтому 6 ноября 1934 г. выступление М. И. Калинина называлось «17-я годовщина Октябрьской социалистической революции»³⁶, а 6 ноября 1935 г. — «18 лет Великой пролетарской революции в СССР»³⁷. В речи Ем. Ярославского в январе 1935 г. на VII Всесоюзном съезде Советов впервые прозвучала фраза о «победе Великой социалистической Октябрьской революции»³⁸. В начале 1935 г. появилась статья одного из ведущих молодых советских историков, А. М. Панкратовой, пересказывавшей основное содержание «Замечаний». Она писала, что Октябрьская революция должна освещаться как грандиознейшее событие мировой истории, затме-

³² Дубровский А. М. Указ. соч. С. 194.

³³ Сталин И. Сочинения. Т.14. М.: Писатель, 1997. С. 40.

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Правда. 1936. 27.01. С.2.

³⁶ Правда. 1934. 7.11. С.1.

³⁷ Правда. 1935. 7.11. С.1.

³⁸ Известия ЦИК СССР. 1935. 31.01. С. 5.

вающее собой Французскую революцию³⁹. В этой ситуации на страницах ведущих газет сначала немедленно появилась формулировка «Великая Октябрьская революция»⁴⁰ с некоторыми разночтениями типа «Великая революция пролетариата», «Великая пролетарская революция»⁴¹. Докладная записка зав. отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого в Оргбюро ЦК ВКП(б) о проверке наглядных пособий по истории партии, изданных Музеем революции (между 14 августа и 13 сентября 1935 г.) содержала утверждение, что «текст к альбому «Пролетарская революция в образах и картинах» (Под общей редакцией С. И. Мицкевича, 1926) недопустимо извращает историю Великой Октябрьской революции»⁴². В 1936 г. происходит окончательное уточнение и появляется чеканная формула «Великая Октябрьская социалистическая революция»⁴³. Одновременно в рамках подготовки «Краткого курса истории ВКП(б)» идет идеологическое (не научное) уточнение других формулировок событий 1917 г. В частности, В. Г. Кнорин, на тот момент заместитель заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в статье 1 мая 1937 г. утверждал, что «совершенно ненаучно отрывать февральскую революцию от периода войны и присоединять ее к периоду подготовки Октябрьской социалистической революции», разрывая таким образом единый революционный процесс 1917 г.⁴⁴

Окончательная точка этой трансформации была поставлена И. В. Сталиным на страницах «Краткого курса»: «Крейсер «Аврора» ... возвестил 25 октября начало новой эры – эры Великой социалистической революции» и «Великая октябрьская социалистическая революция победила», символически закрепив политическую победу большевиков [Орфография сохранена]⁴⁵.

³⁹ См. Дубровский А. М. Указ. соч. С.247–248.

⁴⁰ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1935. 30.01. С. 2; 1935. 23.06. С. 1.

⁴¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1935. 01.05. С. 1; 7.11. С. 1.

⁴² Краткий курс истории ВКП (б). Текст и его история. В 2 частях. Ч. 1 / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014. С. 189.

⁴³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 09.02. С. 3; 1936. 27.09. С. 3.

⁴⁴ Кнорин В. Г. К вопросу об изучении истории ВКП (б). 1 мая 1937 г. // Краткий курс истории ВКП (б). Текст и его история. М., 2014. С. 233.

⁴⁵ Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 199, 202.

Г. М. Ипполитов

Исторический феномен политических органов Красной армии в зеркале советской историографии российской Гражданской войны в период хрущевской оттепели

Работа историографа во многом напоминает работу землекопа. Отжитая, жизнь лежит перед историком как сложный ряд слоев, скрывающихся один за другим. Историография начинает свое изучение с верхнего и постепенно углубляется внутрь.

В. О. Ключевский¹

В огне братоубийственной Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) сформировалась, окрепла и утвердилась система партийно-политической работы в Красной армии². Одним из важнейших ее элементов являлись политические органы Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Они (в плане их функционирования) отличались двойственным характером: с одной стороны, в качестве руководящих партийных органов Российской коммунистической партии (большевиков) [РКП(б)] в Красной армии, объединявшими, в первую очередь, всех армейских коммунистов, а с другой стороны, как военно-административные аппараты, подчиненные соответствующему армейскому командованию³.

¹ Ключевский В. О. Записная книжка // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. Электронная версия. [Электронный ресурс] Lib/ru. Классика – URL: http://www.az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1892_zapismaya_knizhka.shtml (дата обращения: 20.08.2013.11.2024).

² Колычев В. Г. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918–1920. М., 1979; Ипполитов Г. М. Феномен партийно-политической работы в РККА в период Гражданской войны: концептуальные основы, принципы, формы, методы (1918–1920 годы) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 149–177; Воронов В. Н. Историческая необходимость создания системы партийно-политической работы в РККА (1918 – 1922 гг.) / В. Н. Воронов, Г. М. Ипполитов, С. Д. Половецкий // Наука. Общество. Оборона. Сетевое научное издание. 2019. №1 (18). [Электронный ресурс] URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-1-18/> (дата обращения: 13.11.2024); Ипполитов Г. М. Система партийно-политической работы в Красной армии в период Гражданской войны (1918–1920 гг.). Ст. первая / Г. М. Ипполитов, Т. В. Филатов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. т. 6. № 41. С. 56-67 и др.

³ О принципах политико-просветительной работы в армии: резолюция I Всероссийского съезда политработников Красной армии // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 11. Д. 82. Л. 19; Положение о политических отделах Реввоен-

Историографический анализ показывает: тема, означенная в заглавии данной статьи, проходила в советской исторической науке во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов по разряду приоритетных. Это было время хрущевской оттепели, которая породила уникальные условия для дальнейшего исследования проблематики российской Гражданской войны, в том числе и исторического феномена политорганов РККА. Главное заключалось в том, что высшее партийно-государственное руководство СССР, выполняя решения XX съезда КПСС, дало четкую идеологическую, организационную и методологическую установку на исправление деформаций, порожденных в советской исторической науке в период безраздельного господства сталинской теоретико-методологической парадигмы, перманентно усиливающейся в период культа личности И. В. Сталина⁴.

Значительную роль сыграло здесь Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, проведенное ЦК КПСС в 1962 г.⁵ Между тем, с дистанции времени, выглядит чрезмерно оптимистичной такая мысль, высказанная на данном форуме: «Культ личности, подобно кандалам, висел на ногах советской исторической науки, но она все же продолжала идти вперед»⁶. Дело в том, что советской исторической науке в конечном итоге не удалось выйти на качественно новые рубежи познания исторической истины. Ведь оттепель никоим образом не отменила практики декретирования со стороны ЦК КПСС научных истин в последней инстанции, навязывания ученым «классово актуальной» проблематики научной исследований. Видимо, не случайно по-прежнему приоритетной оставалась историко-партийная

советов фронтов и армий // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 50. Л. 206 об.–207; Приказ Революционного военного совета Республики (РВСР) РВСР № 117 от 22 января 1920 г. «Об утверждении единой структуры политорганов Красной Армии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 61. Л. 54–54 об.; Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко-теоретический очерк. М., 1984.

⁴ Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Ее же. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков М., 2008; Ипполитов Г. М. Летопись братоубийства. Очерки советской историографии Гражданской войны на юге России. (1918–1985 гг.). Самара, 2009. С. 330–336; Ипполитов Г. М. Условия выполнения советских исторических исследований по проблематике истории Гражданской войны в России (1918 – 1922 гг.) во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. / Г. М. Ипполитов, В. Я. Ефремов // Самарский научный вестник. Научный журн. 2016. № 2 (15). С. 120–126.

⁵См.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. М., 1964.

⁶Там же. С. 21.

проблематика. Так, за период с 1956 по 1961 гг. издали около 7 тыс. книг, брошюр, сборников статей по истории КПСС, что в два раза больше, чем за предыдущее пятилетие⁷.

Следует отдельно подчеркнуть (применительно к предмету исследования данной статьи), факт издания в 1959 г. XXXVI Ленинского сборника. В нем впервые увидели свет 636 документов, написанных в период с марта 1917 г. по январь 1923 г.⁸ И самое важное: произошел прорыв в источниковой базе исследования, в том числе и рассматриваемой проблемы. На фоне облегченного, правда, только *несколько*, доступа к архивным источникам (если в 1947 г. в читальных залах системы Государственного архивного управления получили доступ к документам немногим более 4 тыс. человек, то в 1957 – свыше 23 тыс.⁹), нельзя не отметить того, что издали большое количество документов, имеющих отношение к истории Гражданской войны¹⁰. Так, по данным советского историографа Д. К. Шелестова, только за период 1956–1960 гг. увидели свет «почти 200 документальных сборников»¹¹.

Это стало выражением общей тенденции в советской историографии периода хрущевской оттепели – освоение новых документальных и архивных фондов. Например, много материала в русле исследования деятельности реввоенсоветов, командиров, военных комиссаров, политорганов, партийных организаций войск можно почерпнуть из двух сборников документов о партийно-политической работе в Красной армии в годы Гражданской войны, в том числе, и о деятельности политорганов РККА¹². Они, по сути дела, являются томами единого издания. Если первый из них посвящен начальному периоду строительства Красной армии и ее партийно-политического аппарата, то второй охватывает этап после VIII съезда РКП(б) до окончания основных боевых действий в Гражданской войне.

⁷ Вопросы истории КПСС. 1962. № 2. С. 12.

⁸ См.: Сокровищница великих идей ленинизма. М., 1966. С. 152.

⁹ Исторический архив. 1958. № 3. С. 171.

¹⁰ См., например: КПСС о Вооруженных силах Советского Союза 1917–1958. М., 1958; Партия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 годы): док. и материалы. М., 1962; Боевые подвиги частей Красной армии (1917–1922 гг.): сб. док. М., 1957; Отчет Реввоенсовета Республики за 1917–1919 гг. // Исторический архив. 1956. № 1. С. 132–155; Доклад И. Вацетиса В. И. Ленину // Исторический архив. 1958. № 1. С. 42–69; Послужные списки героев Гражданской войны // Исторический архив. 1958. № 4. С. 208–21; и др.

¹¹ Шелестов Д. К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 22–48.

¹² См.: Партийно-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919): док. М., 1961; Партийно-политическая работа в Красной армии (март 1919 – 1920 гг.): док. М., 1964.

Обе книги объединяет и сам подход к отбору документального материала, и композиционная преемственность, и общность принципов археографической обработки материалов. В целом, данный двухтомник представляет собой весьма солидное и оригинальное издание, содержащее богатую коллекцию документов. Однако в публикации источников имелись жесткие цензурно-идеологические ограничения. Любые попытки выйти за рамки стереотипов, созданных на базе догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении, решительно пресекались.

Необходимо подчеркнуть, что началось интенсивное (по сравнению с 1920-ми – первой половиной 1950-х гг.) собственно историографическое осмысление истории нашей Гражданской войны. Своего рода знаковым событием стала здесь публикация в 1956 г. в журнале «Коммунист» статьи «О некоторых вопросах истории Гражданской войны». Этот журнал являлся теоретическим и политическим журналом ЦК КПСС. Следовательно, ее основные положения приняли по существующему тогда порядку вещей директивный характер. Авторы статьи раскритиковали научную практику чрезмерного возвеличивания роли И. В. Сталина в Гражданской войне. Она вела, по их оценке, к искажению исторической правды и, соответственно, к неправильной трактовке отдельных событий 1918–1920 гг.¹³ Текстологический анализ этой статьи дает основания утверждать, что в ней обозначены узкие места, образовавшееся в предшествующей советской историографии российской Гражданской войны, которые предстояло ликвидировать силами научно-исторического сообщества¹⁴. И как одно из следствий данной статьи – выпуск в свет историографической монографии¹⁵. Относительно же научно-справочных изданий и библиографических трудов отметим следующее: они оказали большое подспорье в повышении качества научных исследований по истории Гражданской войны, в том числе и по рассматриваемой теме¹⁶.

¹³ Кузьмин Н. О некоторых вопросах истории гражданской войны / Н. Кузьмин, С. Найда, Ю. Петров, С. Шишкин // Коммунист. 1956. № 12. С. 54–71.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958.

¹⁶ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция (хроника событий): В 4 т. М., 1957–1960; Советская страна в период Гражданской войны 1918 – 1920. Библиографический указат. документ публикаций. М., 1961; Прохоров В.П. Вопросы партийно-политической работы в трудах В. И. Ленина и решениях КПСС. Указ. лит.-ры. М., 1959; Военные вопросы в решениях КПСС: аннот. библиогр. указ. М., 1962; Руководство КПСС – основа основ советского военного строительства: рек. указ. М., 1963 и др.

Историографический анализ показывает, что тема, лапидарно освещаемая в настоящей статье, нашла лишь некоторое отражение в 3–5 томах «Истории гражданской войны в СССР»¹⁷. Это же само можно сказать и о «Краткой истории Гражданской войны», увидевшей свет в 1960 г.¹⁸ В изданиях, которые можно классифицировать в качестве фундаментальных обобщающих трудов. Фрагменты и сюжеты, имеющие отношение к деятельности политических органов РККА, связаны, преимущественно, с освещением борьбы красного командования за претворение в жизнь политической линии РКП(б) на всемерное укрепление воинской дисциплины и правопорядка в Красной армии. Не может здесь не заинтересовать суждения о том, что в работе политорганов следует сделать акцент на обеспечение сознательного выполнения воинского долга каждым бойцом и командиром Красной армии. Между тем, как это сделать конкретно, не указано.

Некоторые аспекты рассматриваемой темы раскрыты в фундаментальном обобщающем труде «КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР (1918 – июнь 1941 гг.)». Они сосредоточены во фрагментах и сюжетах, имеющих отношение к истории Гражданской войны в России¹⁹. Это же можно сказать и о коллективном труде, в котором анализируется деятельность коммунистов Урала в годы Гражданской войны²⁰. Есть небольшие фрагменты и сюжеты о деятельности политорганов в книгах²¹ и статьях²²,

¹⁷ См.: История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3; 1959. Т. 4; 1960 Т.5

¹⁸ См.: Краткая история гражданской войны. М., 1960.

¹⁹ КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР (1918 – июнь 1941 гг.). М., 1959.

²⁰ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959.

²¹ См.: Воропаев Д. А. Борьба КПСС за создание военных кадров. 1918–1941. / Д. А. Воропаев, А. М. Иовлев. М., 1956; Кузьмин Г. В. Гражданская война и военная интервенция: Военно-политический очерк. М., 1958; Берхин И. Б. Разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны, 1918–1920. М., 1958; Чигарев И. С. Братское сотрудничество народов Советской страны в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1958; Кузьмин Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; Сухоруков В. Т. XI: Армия в боях на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. М., 1958; Поляков Ю. А. Боевой восемнадцатый год / Ю. А. Поляков, Д. К. Шелестов. М., 1958; Решающие победы советского народа над белогвардейцами в 1919 г. М., 1960; Шелестов Д. К. Год девятнадцатый. М., 1961; Кляцкин С. М. На защите Октября: организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике 1917–1920 гг. М., 1965 и др.

²² Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: Сб. ст. М., 1956; Кузьмин Н. Ф. В. И. Ленин и создание командных и политических кадров Советских Вооруженных сил (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 23–44; Андреев Г. В. Интернациональная коммунистическая печать в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Труды Военно-полит. акад. им. В. И. Ленина. М., 1959. № 27.

посвященных отдельным аспектам истории Гражданской войны. Но авторы этих работ не исследовали достаточно подробно тему партийно-политической работы в РККА и, соответственно, деятельности политических органов РККА. И все-таки данные работы можно отнести к тем, что имеют опосредованное отношение к предмету исследования этой статьи.

Однако несколько подробнее, чем в изданиях и публикациях, указанных выше, освещена рассматриваемая тема в монографии Ю. П. Петрова. Историк заострил внимание, в частности, на анализе партийных документов, имеющих отношение к организации партийно-политической работы (в том числе и деятельности политорганов) в действующей армии²³. Отдельно здесь следует выделить биографические работы о Н. Г. Толмачеве²⁴. Ведь он являлся крупным политработником Красной армии²⁵, и ему приходилось вплотную заниматься, в том числе и проблемой, которой посвящена эта статья.

Своего рода знаковым событием можно классифицировать издание в 1962 г. выполненной В. А. Устименко специальной научной работы «В. И. Ленин о партийно-политической работе в Советских Вооруженных силах». В ней раскрыты теоретические взгляды большевистского лидера на партийно-политическую работу в РККА, в том числе и на проблему строительства в ней политорганов. Следовательно, здесь изложены и методологические ориентиры для исследователей рассматриваемой проблемы. Причем они жестко выдержаны в духе директив высших партийных идеологических инстанций²⁶.

С. 199–206; Волков И. М. О некоторых вопросах истории начального периода строительства Советских Вооруженных Сил // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 45–50; Рогожин А. И. Военное строительство на Украине в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции // Правоведение. 1965. № 3. С. 107–115 и др.

²³ Петров Ю. П. КПСС – руководитель и воспитатель Красной армии. М., 1961.

²⁴ Карамышев В. А. Боец, комиссар, журналист: Очерк о Н. Г. Толмачеве. М., 1960; Мансветов Н. В. Николай Толмачев 1895–1919: Историко-биографический очерк. Л., 1960.

²⁵ Член Уральского областного комитета партии и главный политкомиссар 3-й армии Восточного фронта (с января по март 1919). Вместе с представителями Уральского областного комитета РКП(б) был одним из организаторов первых политотделов РККА. После, в этом же году, стал заведующим культпросветотделом Петроградского окружного военного комиссариата. По его инициативе создали курсы политработников, на основе которых был образован Красноармейский учительский институт, преобразованный позже в Военно-политическую академию (см., например: Гусаревич С. Героический комиссар (К 80-летию со дня рождения Н. Г. Толмачева) // Военно-исторический журнал. 1975. № 10. С. 126–128).

²⁶ Устименко В. А. В. И. Ленин о партийно-политической работе в Советских Вооруженных силах. М., 1962.

Нельзя не упоминать и о книге Д. Ю. Элькиной, в которой имеется фактографический и, отчасти, фактологический материал по проблеме ликвидации неграмотности в Советском государстве, в том числе и в 1918–1920 гг. В ней автор кратко раскрыл роль и место здесь политорганов РККА²⁷

Рассматриваемая тема появилась в текстах отдельных рукописей защищенных кандидатских диссертаций. Например, в кандидатской диссертации И. Е. Герасина рассмотрены некоторые аспекты партийно-политической работы, в том числе и деятельности политорганов в войсках советского Южного фронта. Правда, в диссертации отсутствует глубокий анализ практической реализации основных форм и методов, практикуемых политическими отделами соединений. Эта диссертация отличается обилием количества цитат из документов РКП(б)²⁸. Тема, которая раскрывается в данной статье, нашла некоторое отражение, правда, довольно лапидарное и обобщенное, в кандидатской диссертации В. Л. Сушкова, в которой автор проанализировал процесс разработки В. И. Лениным основ строительства Советских вооруженных сил и борьба партии за их осуществление в 1918–1920 гг.²⁹

Таким образом, краткое освещение истории изучения проблемы исторического феномена политических органов Красной армии в качестве одного из основных элементов системы партийно-политической работы в РККА в период братоубийственной Гражданской войны в России во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. позволяет выявить **основные тенденции ее развития:**

во-первых, произошел качественный сдвиг в исследовании рассматриваемой проблемы. Он детерминирован, в первую очередь преодолением деформаций, порожденных сталинской теоретико-методологической парадигмой, насильственно насажденной в советской исторической науке во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. Однако цензурные ограничения для ученых наличествовали в период хрущевской оттепели по-прежнему;

²⁷ Элькина Д. Ю. На культурном фронте: из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959

²⁸ Герасин И. Е. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Южного фронта: Дис... канд. ист. наук. М., 1960.

²⁹ Сушков В. Л. Разработка В.И. Лениным основ строительства Советских Вооруженных Сил и борьба партии за их осуществление (1918–1920 гг.): Дис...канд. ист. наук. М., 1958.

во-вторых, серьезное приращение источниковой базы исследований, преимущественно посредством публикации архивных документов. Но эта тенденция не приняла устойчивый характер;

в-третьих, выполнение всех работ в историко-партийном ключе;

в-четвертых, защита первых кандидатских диссертаций, в которых получила некоторое освещение и тема, ставшая предметом исследования настоящей статьи;

в-пятых, отсутствие достаточной остроты в критике недостатков, имевших место в деятельности политорганов РККА;

В целом, историография проблемы, кратко освещенная выше, развивалась по восходящей линии. Сегодня она представляет повышенный интерес для повторного осмысления и переосмысления в условиях новых теоретико-методологических подходов в современной отечественной исторической науке.

**Россия конца XIX – начала XX в.
на страницах дневника генерала М.А. Уварова**

В Государственном архиве Российской Федерации хранится дневник генерал-майора Михаила Андреевича Уварова. Дневник представляет собой объемистую тетрадь с оттиском на коричневой потрепанной обложке «М. А. Уваров 1865» (1865-й – год рождения Уварова)¹. Особую ценность этому источнику придает то, что в нем отражена почти вся жизнь забытого русского генерала Уварова и дух давно ушедшей эпохи.

1 сентября 1882 г., когда 16-летний Миша Уваров в этой тетради сделал свою первую запись о зачислении на военную службу, он едва ли мог себе представить, что через несколько сотен страниц другой человек напишет здесь же о его смерти.

Дневник Уваров вел с 1882 по 1920 год – ни много, ни мало целых 38 лет или почти всю взрослую жизнь. На его страницах поденные записи, романтические переживания, удивительные описания мирных и военных лет, схемы боев, яркие характеристики современников и даже нескладные генеральские стихи. Однако наиболее информативны краткие воспоминания генерала о своем жизненном пути, которые он набросал на страницах дневника в 1920 г., когда на некоторое время остался без службы, и у него появилось свободное время. Как оказалось, тот год его жизни стал последним.

Уваров родился 28 сентября 1865 г. в семье коллежского секретаря Тверской губернии. Детство будущего генерала было тяжелым и безрадостным. Ранняя смерть матери, пьянство отца, жизнь с двумя младшими сестрами на попечении нищенствовавшей тетки. Чтобы вырваться из такой среды, Уваров, не кончив гимназии, поступил на военную службу вольноопределяющимся в 8-й гренадерский Московский полк. «Солдаты, как все русские простолюдины, были циничны, грубы, но добродушны и услужливы. Вражды с их стороны к господам тогда не чувствовалось, ко мне относились любезно и звали барином, но знаниями моими не интересовались и ничего у меня не желали узнать», – вспоминал Уваров². В 1885 г. он окон-

¹ В сокращенном виде материал о дневнике Уварова опубликован в: Ганин А. В. Листая старую тетрадь отверженного генерала... // Родина. 2024. № 9. С. 110-113.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 134об.

чил Московское пехотное юнкерское училище и годом позже вышел в офицеры. Служил в 21-м пехотном Муромском полку, дислоцированном в Польше, подальше от дома, так как опасался скандалов из-за пьянства отца. Затем решил продолжить военное образование и в 1898 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба (в академию поступил не сразу из-за травмы правого глаза). Вместе с ним учились будущие белые генералы Ф. Ф. Абрамов, А. П. Архангельский, Л. М. Болховитинов, А. В. Герау, Л. Г. Корнилов, а также их оппоненты – будущие военспецы М. Д. Бонч-Бруевич (один из создателей Красной армии), А. Е. Гутор, А. С. Мадритов, А. А. Самойло; будущий украинский генерал П. К. Ерошевич.

Уваров участвовал в Первой мировой войне, но не слишком удачно, как он считал, в силу сложных отношений с начальством. Летом 1914 г., после 32 лет службы, он получил в командование полк – 159-й пехотный Гурийский, однако осенью был отрешен от командования и в декабре уволен в отставку. В июне 1915 г. вернулся на фронт и стал командиром 414-го пехотного Торопецкого полка. Был контужен и вновь отчислен от должности формально – по болезни, а в действительности снова из-за начальства. Уваров подал жалобу, по которой было проведено расследование, установившее, что его полк был лучшим в корпусе, а командир отрешен от должности несправедливо. Вслед за этим Уварову дали в командование новый полк – 192-й пехотный Рымникский. Позднее он исполнял должность начальника штаба 35-й пехотной дивизии, в декабре 1916 г. был произведен в генерал-майоры. Далее стал начальником штаба 46-й пехотной дивизии и ею же командовал, а в Гражданскую войну примкнул к белым.

В дневнике много обывательской, бытовой стороны жизни глухих полковых стоянок, известной по произведениям А. И. Куприна. Беспорядочное пьянство, карточная игра, однообразная повседневность и скука, мелкое интриганство, дуэли, бытовой антисемитизм, вымогательство командиров, соперничество из-за наград, безденежье, безысходность и суицидальные мысли. Жизнь была настолько бедной, что у Уварова не было средств даже отметить день рождения³. Единственным развлечением в Плоцке, где стоял его полк, был маленький театр. «У большинства молодых офицеров карты, пьянство и женщины заполняли все досуги»⁴. Не пившего, не кутившего, не знавшего женщин Уварова подвергли почти злобным насмешкам, прозвав

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 26об.

⁴ Там же. Л. 137об.

«Маничкой» и «булочкой». Офицеры из спортивного интереса стали спаивать, развращать его и приучать к курению (в конце жизни он выкуривал по 80 папирос в день). Впрочем, к алкоголю из-за пагубного пристрастия отца он сохранил отвращение на всю жизнь.

Себя Уваров в юные годы считал неудачливым, на что сетовал в дневнике. «Службу мы несли усердно, но она была малоинтересная: доминировали шагистика и муштра в сомкнутом строю. Начальство было из генералов, начавших службу еще при Николае I... И случись в это время война, наш крах был бы еще больший, чем в Маньчжурскую кампанию»⁵. Серьезной боевой подготовки не велось, а «на маневрах проделывались батальные картины боев, как они изображаются в лубочных картинах»⁶. Правда, в 1890-е гг. ситуация, благодаря нововведениям генерала М. И. Драгомирова, стала меняться в лучшую сторону.

Перед нами предстает типичный кадровый офицер своей эпохи – человек не особенно широкого кругозора, злопамятный, мелочный и корыстный (вплоть до записи, где и сколько вещей на протяжении жизни он оставил), рассуждавший в дневнике о происках «жидов» и о том, что можно поверить, что им нужна кровь христианских младенцев для ритуальных целей⁷. Характерная бытовая зарисовка. Бедные евреи в городе Плонске (в 40 верстах от Плоцка) за плату перевозили на себе опрятно одетых людей через чудовищную грязь между тротуарами, молодые офицеры же «со скуки из этого создали себе развлечение, устраивая скачку в перегонки между носильщиками Янкелями, Мовшами, Шмулями и др., сами восседая на их спинах. Если Янкель с[о] своим седоком падал в грязи, ему седок насыпал по шее, что называется, по первое число, если же обгонял своих конкурентов, то никелевая десентка (dziesięć groszy⁸, пять копеек⁹) была ему призом»¹⁰.

Отношение местного польского населения к русским отличалось антагонизмом. Особенно возмущали поляков чиновники-взяточники, тогда как с офицерами они обращались сдержанно, как с людьми подневольными¹¹.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 137.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Исправлено ошибочное польское написание из рукописи Уварова.

⁹ Уваров неточен. Пятикопеечные монеты в то время были медными, тогда как десятикопеечные чеканились из серебряного сплава.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 137об.

¹¹ Там же. Л. 136.

С высоты прожитых лет в 1920 г. Уваров вспоминал об общем уровне образования офицерства в конце XIX в.: «Состав офицеров был неоднородный: около 1/3 из окончивших среднеучебные заведения, а 2/3 с образованием ниже среднего; из последних выделялись господа, мнившие себя самородками и умницами (такие были преимущественно бывшие семинаристы)... Была еще мода изображать, что готовишься в какую-либо военную академию..., но за 10 лет (1885–1895 гг.) ни один до меня не поступил в академию»¹².

Из дневника узнаем и о противоречиях в старой армии. Так, в августе 1893 г. Уварова подпоили офицеры Кексгольмского полка (годом позже полк получил права гвардии), о которых он написал, что они «там страшные фаты и фанфароны, чем мне они очень не понравились; весь свет они, по-видимому, делят на два разряда — на "своих кексгольмцев" и на "чужих", и этих "чужих" они третируют свысока, почти не признавая за ними никаких достоинств»¹³. При поступлении в академию Уваров обратил внимание на гвардейских офицеров, которые «за блестящей своей внешностью совсем оставляли в тени нас, армейцев»¹⁴.

По мнению Уварова, «в то время в Генеральном штабе не было сплоченности, ибо до поступления в академию мы были людьми разных воспитаний и различных социальных положений, такое же деление сохранялось и после академии — у нас были избранники из богачей (хотя бы по жене) и людей с крупными связями и простые смертные, из которых некоторые старались приблизиться к первым, подлаживаясь к ним и заискивая у начальства. Избранники жуировали и вообще наслаждались жизнью, простые смертные работали за них и делали всю черную работу. Первые, преимущественно из гвардейцев, держались надменно, старались импонировать своими знанием, величием и служебными успехами над скромными, строевыми армейцами, ненавидевшими за это их и окрестившими их кличкой — "моменты", вторые совершенно незаслуженно из-за упомянутых "моментов" разделяли с ними тяжесть строевой антипатии. "Моменты" тщеславились даже сомнительными преимуществами и достоинствами, напри[мер,] помещали на визитных карточках после обозначения должности в Генеральном штабе еще и "officier de l'Académie française"¹⁵ — звание,

¹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 136об.

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Офицер французской академии (*фр.*).

полученное на каком-то дипломатическом кутеже»¹⁶. Раздражало автора дневника и засилье немцев в Генеральном штабе.

Немало занимали офицера переживания из-за романтических отношений и отсутствия подходящей партии для брака (он принимал во внимание как внешние данные потенциальных невест, так и размер приданого¹⁷). Он даже завидовал солдатам: «Солдату, наприм[ер], не стыдно подойти к какой-нибудь девушке, какую бы профессию она ни занимала, а я не могу подойти к интеллигентной даже девушке (как же, стыдно офицеру!), если она дочь не "блаародного" человека»¹⁸. Впоследствии же Уваров вспоминал, что «полковые дамы... всем пригляделись и даже надоели. Многие из них были грубы, глупы, малообразованны и невоспитанны, мужьям изменяли не только с офицерами, но и с денщиками. Дочери полковых офицеров, редко красивые и интересные, из[о] всех сил старались поймать женихов, но при 39 руб. жалованья проблематичность будущего "счастья" столь была очевидна, что почти никто не рисковал на подобный шаг до получения роты и 70 руб. жалов[анья], да и незачем было: почти семейное счастье получалось без всякого труда, ибо пылкие и чувствительные польки и еврейки из модисток, приказчиц, швеек и проч. после легкого флирта начинали посещать наши холостые квартиры и гостить по неделям... Была и обратная сторона медали – сильная заболеваемость венерическими болезнями: в полку не менее 60 % было сифилитиков»¹⁹.

Семейная жизнь автора дневника не сложилась. Он был женат на Людмиле Петровне Богалдиной, с которой познакомился в 1894 г., быстро женился и прожил 15 лет в браке. Уваров вспоминал: «Женился я на бедной, некрасивой девушке, был ей верен, весь заработок свой отдавал ей; она страшно экономила во всем и нездоровой пищей довела меня до острого припадка катара желудка в 1908 г., от чего страдаю я и теперь. В 1909 г. жена под предлогом моей неверности уехала от меня, увеза с собой все мои сбережения, а затем судом стала искать от меня содержания себе. Так порвалась моя семейная жизнь без какой-либо моей вины»²⁰. Попытка жениться во второй раз не удалась, так как развод за четыре года Уваров так и не получил, а его новая избранница ждать не стала и вышла за другого. Незадолго до смерти генерал даже подумывал, что выпавшие

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 148об.-149.

¹⁷ Там же. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 28об.

¹⁹ Там же. Л. 137.

²⁰ Там же. Л. 131.

на его долю страдания являются «кармой» за грехи прошлой жизни. Итог он подводил философский: «Наша жизнь – это сцепление неудач, нужды, лишений, неудовлетворенных желаний и в итоге сознание неудавшейся жизни и разочарования»²¹. Не имея близких, Уваров нежно заботился о своих домашних питомцах – собаках.

Служба Уварова после окончания учебы проходила в Киевском военном округе. Полевые поездки, подвижные сборы, военные игры, маневры, – все это заполняло службу молодого выпускника академии. Была и другая сторона – внеслужебные отношения офицеров, слухи и сплетни. Например, начальник 19-й пехотной дивизии генерал-лейтенант П. П. Федоров «брал подарки и взятки (даже коровою и дровами) и за них только и выдвигал подчиненных по службе»²². Подполковник (впоследствии – генерал) М. Д. Бонч-Бруевич «в молодости неосторожно пошалил с дочерью почтово-телеграфного рассыльного и должен был жениться на ней, но она ни по воспитанию, ни по образованию не подходила к нашему кругу, что и сама понимала»²³. Женщина образовывала себя чтением романов. Прочитав, что у виконтов и маркизов за креслами стояли лакеи в ливреях, она заставила в этой роли выступать денщика Бонч-Бруевича, а затем вознамерилась обзавестись высокопоставленным любовником, сделав его из генерала В. А. Сухомлинова. Однако эта затея не удалась.

Революционное движение Уваров не поддерживал. В период Первой русской революции, 23 июля 1906 г., в дневнике читаем: «Необходимо принимать самые суровые меры для борьбы с воен[ными] мятежами, иначе существованию России угрожает опасность»²⁴. Однако не приветствовал он и черносотенное движение. Когда в канун Первой мировой войны «опять начала торжествовать реакция, поощрялись самые возмутительные действия черносотенцев, и мы, умеренные, возмущались между собою, говоря, что в случае революции богачи и аристократы, заваривающие кашу, потом удерут "на теплые воды" за границу, а нам придется расхлебывать эту кашу и вообще отдуваться своими боками, что и случилось в действительности в 1917 г.», – писал он²⁵.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 133.

²² Там же. Л. 155об.

²³ Там же. Л. 153.

²⁴ Там же. Л. 83об.

²⁵ Там же. Л. 155.

Буквально с самого начала Первой мировой войны полк Уварова, вступивший летом 1914 г. в Восточную Пруссию, оказался втянут в ожесточенные бои. Восточная Пруссия поразила нашего героя инфраструктурой, порядком и чистотой. «Жителей почти не было – все бежали при приближении русских, опасаясь ужасов нашествия варваров»²⁶. Русские солдаты не трогали дома, где оставались жители, «но беспощадно громили пустые дома, бессмысленно разбивая зеркала, стекла в окнах, пьянино и рояли, мебель и проч[ее]... число мародеров страшно возрастало с каждым днем наступления»²⁷. Не видевшие мяса солдаты буквально им объедались. Уваров констатировал: «Слишком была велика разница между культурной Пруссией и бедной Россией. Даже наши солдаты замечали это и говорили: "Вот дурак Вильгельм, что полез воевать с нами, у него у самого такое богатство, а у нас – рвань, навоз, да вши с блохами – наше добро"»²⁸.

Обе стороны творили жестокости. Уваров долго терзался муками совести за приказ расстрелять немецкого юношу, сигнализировавшего своим войскам. «Потом, когда в м. Симно я увидел 2-х повешенных донских казаков у костела, у которых немцами на голых ногах была вырезана кожа в виде кровавых лампасов, ...пришел в таковое негодование, что после того угрызения совести как рукой сняло»²⁹.

По мере развития боевых действий настроения менялись. Уваров вспоминал: «Я тогда горел энтузиазмом, что воюю за Россию и славянство с исконным врагом – немцем, но вид трупов расстрелянных или повешенных мирных жителей, картины разорения сел, рев мучающихся животных сразу переменили мое настроение, и у меня поднималось отвращение и ненависть к войне»³⁰.

Судя по тексту, Уваров был нервным человеком, который постоянно жаловался в дневнике на происки недоброжелателей. Очень сильна была у него обида за незаслуженное отрешение от должности и отставку в 1914 г., что поставило его намного ниже даже младших по службе офицеров и лишило георгиевских наград.

Возвращение на службу летом 1915 г. оказалось непростым. Уваров получил в командование формировавшийся из дружин государственного

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 157.

²⁷ Там же. Л. 157об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 162.

³⁰ Там же. Л. 157об.

ополчения третьеочередной (т. е. формировавшийся уже в войну) 414-й пехотный полк. Состав полка оставлял желать лучшего: «Офицеры были люди, отвыкшие от военного дела и мечтавшие в дружинах государствен[ного] ополчения укрыться от войны; слишком много коммерсантов и жуиров. После первых дней... командования я получил от солдат анонимку, что офицеры пьянствуют, с девками гуляют, на службу не ходят и солдат не учат. Солдаты – все тяжеловесные, бородатые ратники, забывшие службу»³¹. Офицеры так не хотели на фронт, что даже подали коллективный рапорт с просьбой вернуть их в ополчение.

Уваров описывает чудовищный хаос при обороне крепости Ковно, в которой ему довелось принимать участие. Безответственность, трусость и безынициативность начальников, отсутствие связи. Неудивительно, что сбежавший комендант крепости генерал В. Н. Григорьев был предан суду и приговорен к каторжным работам.

После вторичного отстранения от должности командира полка Уваров уехал в Петроград. Столица в декабре 1915 – январе 1916 г. произвела на него «впечатление сумасшедшего места: никто не хотел идти на войну и не думал о ней; все разряжены, дамы залиты брильянтами; жизнь там – сплошной кутеж»³².

Будничными на войне были гибель людей, героизм и безалаберность. Так, в ночь на 9 августа 1916 г. немцы пустили на позиции Рымникского полка, которым командовал Уваров, четыре волны хлора. Две роты полка, находившиеся на работах, имели при себе вместо противогазов лишь матерчатые «рыльца», которые оказались бесполезны. Погибли офицер и 209 нижних чинов. Рядовой 9-й роты Идеатула Тагиров, «увидя, что его ротн[ый] к[оманди]р подпор[учик] Неминуший задыхается от газа, снял с себя резиновый противогаз, найденный им на убитом немце, и спас тем Неминущего, а сам умер»³³. Люди погибли из-за того, что полку не выдали противогазы, хотя командир полка задолго до газовой атаки четырежды подавал рапорт об этом. Необходимое имущество было выдано только после массовой гибели людей.

Дневник добавляет штрихи к портретам известных исторических личностей и содержит характеристики сотен безвестных современников Уварова. Так, военный министр конца Российской империи генерал Д. С. Шуваев, по

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 166.

³² Там же. Л. 173.

³³ Там же. Л. 175об.

оценке Уварова, «ума был ограниченного и говорить совершенно не умел»³⁴. Об уровне мышления Шуваева в бытность того в 1899–1905 гг. начальником Киевского военного училища свидетельствует следующий эпизод: «На каком-то молебне Шуваев, проходя, шепнул мне, чтобы после молебна я явился к нему по служебному делу. Я явился и стал перед ним по всем правилам строевого устава, но Шуваев строго сказал мне:

– Как Вы стоите перед[о] мною?

Я ответил:

– Стою, как полагается по уставу.

– Почему?

– Потому что Вы мой начальник.

– Ну вот, перед[о] мною Вы стоите “смирно”, потому что я – Ваш земной начальник, а на молебне стояли, отставив ногу и держа руку за бортом, хотя стояли пред самым Господом Богом. А что я такое? Червь земной, может быть, дурак, а Вы мне отдавали честь больше, чем Богу.

– Ваше Пр[евосходитель]ство, стоять смирно перед Вами меня обязывает строевой и дисциплинарный уставы, ну а Господу отдание воинской чести и дисциплинарный устав не нужны.

Шуваев мигом покраснел и закричал:

– Не богохульствуйте, подполковник Уваров, и предлагаю на молебнах стоять смирно»³⁵.

Интересна характеристика командующего 35-й пехотной дивизией генерала В. З. Май-Маевского – в будущем видного деятеля Белого движения на Юге России – командующего Добровольческой армией. Именно к нему в дивизию начальником штаба попал Уваров в конце 1916 г. «Толстый, с громадным брюхом человек с маленькими свинными глазками, большим носом и отвислым подбородком – напоминал кормленого борова; он постоянно сопел и говорил хриплым голосом, ежедневно был пьян. Мне он очень не понравился. В штабе 35[-й] пех[отной] див[изии] служили исключительно офицеры, угодливые перед Май-Маевским и нравственно нечистоплотные»³⁶. В этом описании важно, что Май-Маевский, по-видимому, страдал алкоголизмом еще до Гражданской войны (хотя это свидетельство ретроспективно и оставлено уже в Гражданскую войну). Таким образом,

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 150об.

³⁵ Там же. Л. 151.

³⁶ Там же. Л. 179об.

при последующих его высоких назначениях у белых о его недуге могло быть известно, что бросает тень на кадровую политику главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. И. Деникина.

Что касается офицеров штаба 35-й пехотной дивизии, то они у Уварова, как он подозревал, украли серебряные часы-браслет, а один из работников штаба проиграл в карты 11000 руб. казенных денег. Свое производство в генералы Уваров назвал давно заслуженным, отметив, что получил его «не как все, а с какими-то приключениями»³⁷. Не сработавшись с Май-Маевским, Уваров поспешил покинуть штаб дивизии. Неприязнь к Май-Маевскому, однако, у него сохранилась. Он писал, что в революционный период Май-Маевский «получил Гвардейский корпус, и там начал буквально подлизываться к "товарищам"-солдатам, а с офицерами обращался по-хамски, за что все офицеры, как мне сказал капитан стрелк[ового] императ[орской] фамил[ии] полка Ахвердов, презирали его, как поганое животное»³⁸.

О Февральской революции генерал высказывался с отвращением, считая, что ее начали в Петрограде «запасные батальоны гвардии, состоявшие из шкурников и не желавшие идти к нам на позицию, и матросы флота, рабочие петроградских заводов и чернь, руководимая интеллигенцией»³⁹. «Мы, офицеры, были против революции, находя несвоевременным[и] внутренние неурядицы, когда еще не кончена война»⁴⁰, — утверждал он.

Начался развал армии. Боевые действия почти прекратились. После выступления генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства комиссары и комитеты стали следить за офицерами, подслушивая даже их служебные телефонные разговоры. Солдаты не хотели ничего делать, даже строить блиндажи для собственной безопасности от обстрелов противника. Чтобы пристыдить их, офицеры сами брались за топоры и строили блиндажи, но на солдат это не подействовало, и они пользовались по необходимости офицерскими блиндажами. Уваров сетовал: «Чести никому не отдавали, отвечали грубо, нахально. Мне пришлось съездить на несколько дней в Луцк, где по улицам шлялись гвардейские солдаты в расстегнутых мундирах, шинели в накидку, все грязное, фуражка кокардой над ухом и вся на затылке, из-под фуражки торчат клочьями длинные нече-

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 180.

³⁸ Там же. Л. 181.

³⁹ Там же. Л. 180об.

⁴⁰ Там же.

санные волосы, в зубах "цыгарка" (свернутая из бумаги папироса), на руке калачиком висит растерзанная баба, пьяная, грызущая вместе с солдатом своим семечки; дороги никому не дают, а толкают всех; залетают в лучшие рестораны, где иногда не платят денег; подходят к старшим офицерам, чтобы "прикурить"; сыплют умопомрачительные нецензурные ругательства»⁴¹. «Уже не стало русского солдата, а был сброд лентяев, грабителей и буйнов»⁴², — заключал автор дневника. В присутствии союзников Уварову было стыдно находиться в мундире генерала «столь унизившей себя армии»⁴³. Он был убежден, что заключение сепаратного мира приведет Россию к самым печальным последствиям. Например, к войне ослабленной России с японцами и китайцами. В какой-то мере его предположение оправдалось в виде японской интервенции на Дальнем Востоке.

Когда в декабре 1917 г. отменили чины и ордена, а также появился выборный командующий 11-й армией рядовой Елдаков, Уваров решил, что служить дальше не станет, и под предлогом болезни оставил должность. Он попытался пробраться в Новочеркасск, но это не удалось. Пришлось ехать в Полтаву, где в марте 1918 г. Уваров попал под немецкую оккупацию и новую украинскую власть. «Началось гонение на все русское; выписаны были галичане для обучения настоящему украинскому языку, коего, однако, не понимали ни крестьяне, ни малорусская интеллигенция. Комендант Киева проходимец Цицович издал приказ, чтобы русские офицеры, не признавшие себя украинцами, были арестованы и отправлены в Дарницю, в концентрационный лагерь вместе с пленными австрийцами»⁴⁴. Уварову пришлось обратиться к начальнику милицейского участка в Полтаве, оказавшемуся его армейским знакомым. Тот в апреле 1918 г. выдал удостоверение на украинском языке, что Уваров не имел отношения к большевикам, но был их врагом. Кроме того, в мае Уварову удалось получить из Одессы свои банковские сбережения 1915 г. Он продал часть вещей и отправился на Дон. Четыре месяца в Полтаве оставили тяжелое впечатление: «Все люди как-то насторожились, прежние друзья сделались врагами, везде проявлялась нетерпимость к чужим мнениям и жадность к приобретению»⁴⁵.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 181.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 181об.

⁴⁴ Там же. Л. 183об.

⁴⁵ Там же.

Интересны оценки Уваровым настроений сослуживцев. Так, генерал М. Д. Бонч-Бруевич, по свидетельству Уварова и ряда других современников, был консерватором, черносотенцем и ультра-монархистом⁴⁶, однако пошел в Красную армию. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал В. А. Черемисов также в прошлом был ультра-монархистом, затем «подлизывался к Керенскому, а теперь служит красным»⁴⁷. В последнем случае Уваров ошибся — генерал Черемисов красным не служил.

В июне 1918 г. Уваров записался в Новочеркасске в Добровольческую армию. Там же он встретился с генералом М. В. Алексеевым, после чего отправился в армию. Командовавший армией генерал А. И. Деникин принял Уварова сухо, заявив, что вакансий начальника дивизии в армии нет. Однако затем генерал был назначен помощником военного губернатора территории, занятой Добровольческой армией, полковника (позднее — генерала) П. В. Глазенапа. В июле к Глазенапу и Уварову приехал полковник А. Г. Шкуро (известный как Шкуро), рассказавший о трудностях занятия Ставрополя. Затем ездили к Деникину, который сказал Уварову о Шкуро: «Врать он мастер, и, боюсь, что и грабить мастер»⁴⁸. Было принято решение, что Уваров отправится в Ставрополь как временный военный губернатор, чтобы не допустить разграбления города казаками Шкуро. Пришлось познакомиться и с начальником штаба Шкуро полковником Я. А. Слащевым (впоследствии знаменитым генералом), которого Уваров охарактеризовал, как «довольно симпатичн[ого], но уже потрепанного жизнью (лысина, седые виски и отсутствие передних зубов)»⁴⁹. Уваров взял у Слащева грузовик с пулеметом, собрал желающих (всего вместе с генералом поехали 5 офицеров и 7 казаков) и поехал в Ставрополь. По имевшимся у него сведениям красные город уже покинули, а белые еще не заняли. В случае осложнений Уваров надеялся на поддержку ставропольского офицерства до подхода отряда Слащева. 7–8 (20–21) июля 1918 г. Ставрополь перешел в руки белых. О том, что генерал Уваров представлял первую белую власть в городе, известно и от независимых очевидцев⁵⁰. Лишь на следующий день в город вошел отряд Слащева. Уваров утверждал, что это произошло не 8, как на самом деле, а 9 июля по

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 151.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 184об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 227.

старому стилю. Слащев же, видимо, не считал действия Уварова сколько-нибудь значимыми и даже не упомянул о его рейде в своих воспоминаниях о событиях 1918 г.⁵¹

Представители Коммерческого клуба Ставрополя, желая выразить признательность Уварову, осенью 1918 г. учредили в 1-й мужской гимназии города стипендию его имени. Аналогичная именная стипендия была учреждена Семейным собранием и во 2-й мужской гимназии⁵². Сам Уваров занятие Ставрополя без боя расценивал как невероятный подвиг, переживая по поводу того, что его почти никто не оценил. События складывались таким образом, что город должен был быть занят белыми в любом случае, а генерал лишь воспользовался ситуацией и въехал туда первым после ухода красных, не имея за собой никакой вооруженной силы. Неудивительно, что отношения Слащева и Уварова не сложились. Со слов первого Уваров вскоре стал предлагать едва ли не оставить Ставрополь⁵³. Осенью 1918 г. Уваров занимался вопросами эвакуации города. Если верить свидетельствам Уварова, против него был настроен начальник штаба Добровольческой армии генерал И. П. Романовский. В итоге в октябре автора дневника уволили из армии.

Далее Уваров отправился в монархическую Южную армию, но не был туда принят из-за отсутствия рекомендаций из Добровольческой армии. Чтобы свести концы с концами, Уварову пришлось продать ордена, но его ограбили, и он все равно оказался на мели. Тогда возникла идея отправиться в Сибирь в армию адмирала А. В. Колчака. Для этого требовалось выехать в Одессу, оттуда на Дальний Восток через Константинополь – Суэцкий канал – Цейлон – Сингапур – Нагасаки и Владивосток. Однако об Уварове вспомнили на Юге, назначив в марте 1919 г. заведовать тылом I Кубанского корпуса. Ему даже достался персональный пульмановский вагон, правда, кишевший клопами.

Корпусом командовал одиозный генерал В. Л. Покровский, известный своими жестокостями. На станции Долженково Уварову пришлось видеть троих повешенных рабочих, уличенных в сопротивлении, а конвой Покров-

⁵¹ Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Ч. II / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2016. № 1 (15). С. 223-224. Также см.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. С. 48–49.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 192.

⁵³ Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Ч. II. С. 230.

ского «зверски избивал на моих глазах плетью трех же рабочих»⁵⁴. Без суда и следствия Покровский приказывал расстреливать неугодных ему офицеров (Уваров упоминает такой случай с капитаном-артиллеристом Бурковским⁵⁵). Добиться встречи с командиром корпуса было непросто, так как в штабе шло повальное пьянство. Уваров описал один из таких пьяных вечеров: «Покровский настолько развернулся, что показал себя во всей своей непосредственности. Он стрелял из револьвера в потолок дорогого вагона-ресторана, затем вызывал простых казаков по фамилии и назначал каждого на должности, то московского генерал-губернатора, то к[омандую]щего войсками Москов[ского] округа, то коменданта Москвы и т. п. Казаки орали песни и качали своего "кубанского батьку", т. е. Покровского. Он в заключение сказал нескладную речь, в которой высказался против царя и царского режима»⁵⁶. В конце весны 1919 г. генерал пришел к немудреному выводу: «Вообще вижу, что в Гражданской войне обе стороны грабят, пьют, бесчинствуют и развратничают; тыловые деятели воруют»⁵⁷. Примеры подобного поведения были один ярче другого. Так, начальник штаба I Кубанского корпуса генерал К. К. Петерс весело проводил время с шансонеткой Тамарой Грузинской, но после встречи не заплатил ей 2000 руб. гонорара, а во избежание скандала оставил в залог папаху, подаренную ему кубанскими казаками. Вернувшись в гостиницу, он заявил управляющему, что у него пропала папаху и, если ее не найдут, он с казаками лично обыщет все номера. Управляющий, дорожа репутацией отеля, купил Петерсу папаху за 500 руб.⁵⁸ Уваров ходатайствовал об исключении Петерса за подобные проступки из Генерального штаба.

Безобразным было состояние белого тыла. Санитарная служба была организована из рук вон плохо. Раненых бросали без помощи. 29 октября (11 ноября) 1919 г. в дневнике записано: «Тыловые офицеры развратничают и пьют с женщинами и ведут себя, как в завоеванном краю»⁵⁹. Уваров констатировал колебания общественных настроений между неумным оптимизмом и паникой. Прогноз его был неутешителен. Большевики не согласятся на второстепенные роли в стране, даже если проиграют. Если же победят белые, начнется борьба партий и честолюбцев. Описывая

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 193.

⁵⁵ Там же. Л. 194–194об.

⁵⁶ Там же. Л. 193.

⁵⁷ Там же. Л. 123об. –124.

⁵⁸ Там же. Л. 125об.

⁵⁹ Там же. Л. 128.

конфликт генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, Уваров заключил: «Сейчас идет борьба за власть, а не за освобождение России»⁶⁰.

Летом 1919 г. Уваров был прикомандирован к штабу корпуса, а позднее, до начала 1920 г., исполнял должность помощника начальника тыла Кавказской армии белых. Кадровая политика белого командования его возмущала. Например, про карьерный рост генерала А. Г. Шкуро Уваров писал, что тот «годится лишь для партизанско-мародерской войны... Если будут неудачи и Шкуро сменят, то он не подчинится этому, а перейдет или к монархистам, или к большевикам, если у них будет успех»⁶¹.

На страницах дневника зафиксировано и немало слухов. Так, Уваров упомянул, что неприятный ему генерал В. З. Май-Маевский «имел любовницу – еврейку, которая и продавала Добр[овольческую] армию красным, а пьяница Маевский способствовал»⁶² или, что его «назначили командармом потому, что он близкий родственник молодой жены Деникина»⁶³.

Критиковал Уваров и стратегию белых, когда значительные силы были брошены на завоевание Украины вместо того, чтобы соединиться с армиями адмирала А. В. Колчака на Востоке⁶⁴. Впрочем, это были рассуждения типичного обывателя, хотя и носившего генеральские погоны. После того, как развернулось советское наступление на Украину, Деникин не мог оставить это направление без внимания и уступить его красным.

С презрением Уваров отзывался о пленных красноармейцах. В июне 1919 г. он записал: «На отрезвление великороссов еще нельзя рассчитывать, о чем можно судить по пленным красноармейцам: они жалкие, рабские, вшивые, грязные и все-таки цинично-похабные и распущенно-неверующие; просят у всех хлеба, но не именем Христа»⁶⁵. Но летом 1920 г. оценки побеждавшей Красной армии стали у Уварова иными, причем отличались достаточной точностью: «У красных армия крепнет, ибо все импровизированные командиры заменены настоящими кадровыми офицерами, введены прежняя дисциплина и порядки, кроме отдания чести, отставные и семьи обеспечиваются пенсиями, в движении по службе протекция и родственные связи не имеют значения. Т[о] е[сть] все противоположно тому, что делается у Врангеля, организация коего, гордо имену-

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 128об.–129.

⁶¹ Там же. Л. 124об.

⁶² Там же. Л. 129.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 130.

⁶⁵ Там же. Л. 124об.

емая Русской армией, по моему мнению, скоро совершенно развалится»⁶⁶. Так и случилось.

И хотя Уваров был принципиальным противником большевиков, Белое движение он стал считать авантюрой⁶⁷. 5 (18) июля 1920 г. в дневнике записано: «Вообще народ не пошел за нами, и думают, что врангелевцы сдадут к зиме Крым»⁶⁸. Этот прогноз вскоре сбылся. О моральном духе белых и провале мобилизации в Крыму генерал писал: «Погибло то, что с таким трудом насаждал покойный [генерал М. В.] Алексеев – чувство взаимной выручки в Добр[овольческой] армии»⁶⁹. Это резко проявилось при эвакуации Новороссийска, когда корниловцы и др[угие], забравшись на пароходы, не пускали спасаться к себе другим русским, угрожая пулеметами. Дух в Добр[овольческой] армии плохой – молодые бойцы и их малограмотн[ое] юное начальство (генералы и полковники из прапорщиков и унтер-офицеров) привыкли лишь мародерствовать и затевать оргии, где неумело, глупо, зоологически пытаются наслаждаться. На днях такая компания ужинала здесь, в ресторане ["]Астория["], и заплатила 16 миллионов рублей за несколько часов. Мобилизация в Крыму не прошла – нет сочувствия населения, а военная молодежь стала шкурниками – в газетах сообщалось, что из 160 чел[овек] призванных прибыло в Ялту лишь 70 чел[овек], а 90 чел[овек] растаяли в дороге. Для спасения России нужна новая, более жизненная организация. Кто же ее создаст?»⁷⁰

Когда весной 1920 г. Уварова собрались увольнять со службы за то, что ему 54 года, генерал записал: «Надо бы мне примириться с этим и махнуть рукою на дело всей моей жизни – на военную службу, которой я отдал все силы своей души и ума, а не могу. Да и чем я теперь буду добывать себе средства к существованию – ремесла никакого не знаю и на старости лет поздно учиться, сельского хозяйства не знаю и гожусь разве в пастухи, писаря, может быть в конторщики и на административную службу, но теперь в России разруха и не найдешь свободного места на службе... Жалел отчаянно мою дорогую собачку Бурусю, пропавшую и, вероятно, погибшую где-либо под забором, а ведь самому, пожалуй, придется помереть где-либо под забором с голоду»⁷¹.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 140об.

⁶⁷ Там же. Л. 130.

⁶⁸ Там же. Л. 153об.

⁶⁹ Подразумеваются Вооруженные силы на Юге России и Русская армия.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 132.

⁷¹ Там же. Л. 131.

Свое увольнение со службы генерал воспринимал болезненно: «Кроме меня уволено до 500 генерал[ов] и полковников — настоящих кадровых офицеров, верных долгу и присяге, и вместо них берут взятых в плен красных офицеров и своих самодельных. Система, более чем оригинальная!»⁷² Между тем деньги были нужны — при чудовищной крымской дороговизне генерал не мог обеспечить себя даже самым необходимым. О жизни в Белом Крыму весной 1920 г. он писал: «Пропадаю с голода. Цены ужасные... кусок мыла, стоивший до войны 30 коп., в 1919 г. в Новочеркасске — 10 руб., теперь стоит 1000 рублей в Феодосии. Куда деваться — не ведаю»⁷³.

В Крыму генералу Уварову поначалу было попросту негде жить: «Приехал в Севастополь 23 июня⁷⁴, но не мог найти крова нигде и поэтому ночевал на мостовой вместе с[о] своими спутниками — полковн[иком] 9[-й] арт[иллерийской] бриг[ады] Мих[аилом] Ник[олаевичем] Денисенковым, офиц[ером] Степ[аном] Кузьм[ичом] Паськовым и инженером-технолог[ом] Дмитрием Осиповичем Недзвецким. На другой день все-таки нашли себе пристанище на углу Нахимовской и Больш[ой] Морской в общежитии Обществен[ного] собрания. Подал рапорт об определении меня на службу, но сегодня мне ответили отказом — такова награда мне за жертвы для России и заслугу занятия с 11 человек[ами] гор[ода] Ставрополя»⁷⁵.

Видимо, пользуясь советско-польской войной, оставшийся не у дел генерал планировал уехать через Галицию и Украину в Полтаву за вещами. Правда, Полтава тогда оставалась красной, и не очень понятно, как он представлял себе такую поездку, не говоря о том, что никто бы не выпустил Уварова с вещами с советской территории. Мотив автора дневника был простым: «Оч[ень] горько на 55 году своей жизни, после 38 лет службы и 5 лет участия в войнах не знать, где преклонить голову и на что жить!»⁷⁶

Позднее генерал все-таки смог устроиться у белых на службу председателем военно-судной комиссии крепости Керчь. О своей службе осенью 1920 г. и повседневности врангелевской армии генерал писал: «Весь сентябрь судил офицеров, воровавших у жителей имущество, или грабивших их. По закону за это положена смертная казнь, но [Д. М.] Зигель как ко-

⁷² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 140об.

⁷³ Там же. Л. 130об.

⁷⁴ 6 июля по новому стилю.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 153об.

⁷⁶ Там же. Л. 153об.

мендант Керчи наказание им даже прощает совсем»⁷⁷. Уваров сетовал, что когда летом 1918 г. с 11 бойцами на грузовике занял город Ставрополь, его в Добровольческой армии считали героем, но затем стали последовательно отстранять от серьезного дела.

Себя Уваров, будучи безнадежным пессимистом, считал несчастлив, но постоянно жалел себя, прямо упиваясь этой особенностью и расценивая собственную жизнь как «печальную повесть моих постоянных неудач житейских и очень редких часов радости»⁷⁸. Последняя запись в дневнике датирована 29 сентября 1920 г. по старому стилю или 12 октября нового стиля. Генерал описывал военно-политические события, жаловался на скуку и проблемы с желудком. Из-за последних приходилось придерживаться молочной диеты, которая, как он отмечал, «стоит так дорого, что я едва свожу концы с концами»⁷⁹.

До нашего знакомства с дневником Уварова о судьбе генерала данных не имелось. Казалось, следы его затерялись. Однако о том, что с ним случилось, поведали последние страницы тетради. На них подчиненный Уварова делопроизводитель военно-судной комиссии крепости Керчь И. П. Расторгуев уже по прибытии в Сербию в январе 1921 г. записал, что 2 (15) декабря 1920 г. около 15 часов генерал Уваров скончался на борту французского парохода «Австрия»⁸⁰. Здесь же заботливо вклеены два фото генерала.

Из записи Расторгуева мы узнаем, что при эвакуации Крыма 55-летний Уваров вместе с чинами военно-судной комиссии крепости Керчь погрузился на пароход «Мечта». Эвакуировавшийся с генералом Расторгуев писал: «Тяжелы были условия путешествия на пароходе и давнишняя болезнь генерала (желудочные боли) при отсутствии не только диетической, но и вообще какой бы то ни было пищи, недостаток воды и полная невозможность какого-либо отдыха заставили идти болезнь усиленным темпом и в то время, когда пароход «Мечта» стоял на константинопольском рейде, генерал уже чувствовал приближение смерти. Об этом он говорил... Когда беженцам предоставлено было право выбрать страну, куда кто желает эвакуироваться, генерал Уваров избрал Сербию, как он мне говорил потом, единственную православную из югославянских стран. Еще более усилилась болезнь и самочувствие генерала, когда мы пересели на паро-

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 195.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 194об.

⁷⁹ Там же. Л. 195.

⁸⁰ Там же. Л. 196.

ход "Austria" для дальнейшего следования в Сербию»⁸¹. Генерал ехал в трюме, где для него едва нашлось лежащее место. Расторгуев так описывал обстановку: «Полутемный трюм, грязный пол, прикрытый циновками, люди, лежащие так, что приходится осторожно ставить ногу, чтобы не наступить на живого человека, постоянная пыль, споры, крики, ругань и в то же время отсутствие медикаментов и определенное нежелание русских врачей облегчить положение больных»⁸². Почувствовав ухудшение своего состояния, генерал написал завещание. За сутки до смерти Уварова перенесли на спардек (верхнюю палубу), где было устроено подобие лазарета. На следующее утро генерал позвал своих сотрудников проститься. Пришел проститься и его товарищ по академии генерал-майор В. И. Сенча. Ему Уваров сказал: «Не сыграем больше с Вами в шахматы»⁸³.

Имущество русского генерала было невелико: два чемодана, самовар, фотоаппарат, бурка и куртка. Все это Уваров завещал Расторгуеву и А. С Севалинскому – «единственно не оставившим меня во время болезни при тяжелом путешествии из Крыма за границу»⁸⁴.

Генерал скончался, когда пароход заходил в Валлонский залив Адриатического моря (залив Влера) у берегов Албании. Намечалось отпевание и погребение генерала, но французы из команды парохода, никого не предупредив, видимо, по санитарным соображениям предали тело генерала водам залива. Расторгуев изобразил на схеме место, где это было сделано. Русский генерал предвидел свою смерть и почти угадал ее обстоятельства. От него не осталось практически ничего, кроме скромной тетради с записями.

Последней просьбой Уварова к Расторгуеву было сохранить дневник. Воля генерала оказалась выполнена наилучшим образом – книга его жизни была передана в Русский заграничный исторический архив в Праге, впоследствии попавший в нашу страну. Благодаря этому мы более века спустя узнали о судьбе генерала Уварова, ставшего одной из жертв Гражданской войны, а также получили возможность ознакомиться с его поразительными свидетельствами о жизни нашей страны в богатую событиями эпоху конца XIX – начала XX века.

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 198–198об.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 803. Л. 198об.

⁸³ Там же. Л. 199.

⁸⁴ Там же. Л. 199об.

Октябрьская революция 1917 года и самоопределение Беларуси

7 ноября отмечается в Республике Беларусь как День Октябрьской революции и является общереспубликанским праздничным днём. Со стороны государства и общества это является признанием важной роли, которую сыграла революция в судьбе Беларуси. Октябрьская революция ускорила процесс национально-государственного самоопределения и привела к образованию первого белорусского государства – Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР).

До Октябрьской революции 1917 г. ни одна из национальных белорусских организаций, действовавших на неоккупированной территории, не ставила вопрос о создании самостоятельного белорусского государства. Максимум требований белорусского национального движения на этом этапе – предоставление Беларуси национально-территориальной автономии в составе России. В то время как белорусские партии и организации спорили о том, должна ли Беларусь быть отдельной областью или автономной республикой в составе России, лидер большевиков В. И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной ещё до взятия власти, впервые заявил о необходимости немедленного восстановления полной свободы для Беларуси.

Дважды в 1917 г. – в марте и июле – проходили съезды белорусских национальных партий и организаций. Результатом их работы стало создание координационного органа белорусского национального движения, который после ряда реорганизаций стал называться Великой белорусской радой (ВБР). В обращении ВБР «Ко всему народу белорусскому» говорилось о необходимости провозглашения Беларуси демократической республикой, «спаянной с Великороссией и другими соседними республиками России на основе федерации». Для решения вопроса о самоопределении Беларуси, а также важнейших политических и социальных задач, ВБР предложила созвать в Минске Всебелорусский съезд. Ещё одним инициатором созыва съезда выступил Белорусский областной комитет (БОК) при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, состоявший в основном из делегатов от северо-западных губерний на всероссийских съездах крестьянских депутатов. БОК также высказывался за автономию Беларуси в составе России. В своей Декларации он провозгласил необходимость спа-

сения завоеваний революции путем «организации белорусского крестьянства вокруг идеи образования автономно-свободной Белоруссии как части Российской Федеративной Республики».

Созванный ВБР и БОК I Всебелорусский съезд, собравший около двух тысяч участников, состоялся в декабре 1917 г., однако не завершил своей работы. В ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. он был разогнан по решению Совета народных комиссаров Западной области и фронта. Мотивом для разгона съезда, как телеграфировал в Петроград председатель СНК Западной области и фронта К. И. Ландер, было то, что хотя съезд и высказался за признание Советской власти и Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным, тем не менее, не признал «установленную Советами власть для местного края». Такой властью был созданный 26 ноября 1917 г. Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап), председателем которого с января 1918 г. был А. Ф. Мясников, главнокомандующий Западным фронтом и руководитель Северо-Западного областного комитета РКП(б). Большевики, которые находились во главе советской власти в Беларуси, отрицательно относились к идее белорусской государственности и стояли на позициях так называемого «областничества». Они считали, что белорусам достаточно того, что у них уже есть — Западной области (коммуны) в составе РСФСР.

В последующем в советской историографии многие годы господствовало утверждение, что I Всебелорусский съезд был разогнан из-за его контрреволюционного мелкобуржуазного и кадетско-помещичьего состава, высказавшегося якобы против советской власти. Единственный пункт резолюции, за который успели проголосовать делегаты I Всебелорусского съезда до разгона, свидетельствует, что это утверждение не соответствует действительности. Делегаты I Всебелорусского съезда единогласно постановили: «Закрепляя свое право на самоопределение, провозглашенное российской революцией и утверждая республиканский демократический строй в пределах Белорусской земли, для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Демократической Федеративной Республики, 1-й Всебелорусский Съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые сношения с центральной властью, ответственной перед Советом рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов». Из резолюции следует, что делегаты съезда, во-первых, апеллировали к реализации права наций на самоопределение, провозглашённого Октябрьской революцией, во-вторых, рассматривали Беларусь как часть России и руководствовались принципом недопустимости отторжения от неё, во-третьих, предполагали сформировать именно *советский* орган власти – Всебелорусский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, в-четвертых, зафиксировали статус Всебелорусского Совета как *временного* органа власти, в-пятых, признавали в качестве центральной власти правительство В. И. Ленина. По воспоминаниям участника съезда А. И. Цвикевича, мысль о независимости Беларуси не имела на съезде успеха, повсюду витала идея федеративной России, а Беларусь мыслилась как ее часть.

Разгон I Всебелорусского съезда был встречен с разной степенью неодобрения. По мнению председателя БОК Е. С. Канчера, из-за разгона съезда на нелегальное положение были вынуждены уйти не только контрреволюционные, но и чисто революционные социалистические силы: «Разгон 1-го Всебелорусского Съезда создал такое положение, при котором открылось широкое поле для работы темных людей и закрыта возможность работы для искренних и честных политических деятелей на белорусской ниве». Хотя деятельность Облискомзапа часто не соответствовала местным нуждам, за что подвергалась критике со стороны белорусских национальных организаций, тем не менее, Всебелорусский съезд не собирався отстранять оный от власти, так как его существование считалось временным, а власть его понималась ограниченной Западным фронтом. Перед I Всебелорусским съездом же стояла задача выявить все «революционно-творческие силы Беларуси». «Разгон съезда во всех отношениях явился преступлением и перед белорусским народом и перед всемирной социалистической революцией...», – делал вывод Канчер.

Резолюцию с осуждением разгона I Всебелорусского съезда приняла 4 января 1918 г. Петроградская организация Белорусской социалистической громады (БСГ), представлявшая левое крыло крупнейшей белорусской национальной партии. В резолюции отмечалось, что возможность самоопределения облегчает ведение классовой борьбы, и принцип права наций на самоопределение должен быть сохранен среди других великих принципов революции как залог скорейшего достижения торжества интернационального социализма.

Сожаление по поводу разгона съезда высказала и Белорусская социал-демократическая рабочая партия, оформившаяся осенью 1917 г. Партия потребовала создания специальной комиссии из представителей БСДРП, ЦК РСДРП(б) и Народного комиссариата по делам национальностей для расследования обстоятельств разгона и выявления виновников.

Наконец, вопрос о разгоне I Всебелорусского съезда стал предметом перепалки между одним из лидеров левого крыла БСГ Ф. Ф. Грибом и народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным на III Всероссийском съезде Советов, проходившем в Петрограде в январе 1918 г. Получив слово, Ф. Ф. Гриб выступил с протестом против разгона съезда и, как вспоминал позднее присутствовавший при этом будущий первый председатель правительства Советской Беларуси Д. Ф. Жилунович, «обрисовал в черных красках процесс его разгона минскими большевиками». В ответ на это Сталин назвал Всебелорусский съезд «съездом помещиков». Как свидетельствует Жилунович, речь Сталина искажала факты и оставила тяжелое впечатление у белорусских делегатов съезда. В изданном протоколе III Всероссийского съезда Советов отсутствует информация о выступлении Сталина по этому вопросу, однако упоминается о заявлении «белорусских социалистов» о насильственном разгоне Всебелорусского съезда и ответе на него К. И. Ландера, который пояснил, что съезд попытался «фальсифицировать политическую организацию советов в Белоруссии» и «вступить в борьбу с действительной властью рабочих, солдат и крестьян Западной России».

После разгона I Всебелорусского съезда часть его делегатов 18 декабря 1917 г. собралась на закрытое заседание, где постановила считать съезд насильственно разогнанным и признала Раду (Совет) съезда его исполнительным органом, в обязанности которого входило проведение в жизнь решений съезда.

Тем временем события, определившие ближайшее будущее Беларуси, разворачивались в Брест-Литовске, где с декабря 1917 г. проходили мирные переговоры между РСФСР, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой. После того, как руководитель советской делегации Л. Д. Троцкий отказался подписать мирный договор на условиях первого ультиматума Германии и заявил, что Советская Россия прекращает войну, Германия возобновила наступление по всей линии фронта. 18 февраля 1918 г. кайзеровские войска двинулись на восток с линии Двинск — Поставы — Сморгонь — Барановичи — Пинск, на которой

находились с октября 1915 г. Не имея возможности организовать отпор, 19 февраля органы Облискомзапа покинули Минск и выехали в Смоленск. В отчете Облискомзапа говорилось по этому поводу: «Ряды наших солдат дрогнули, нас оттеснили, в два дня все положение изменилось с катастрофической быстротой. Спокойно работающая Советская власть мгновенно очутилась между молотом и наковальней... При тех силах, которыми располагал Совет Комиссаров, нельзя было думать не только о серьезном отпоре, но и вообще о каком-либо сопротивлении». 20 февраля 1918 г. А. Ф. Мясников послал в Ставку донесение об отступлении армий Западного фронта. Прибыв в Смоленск, большевики предприняли усилия по организации вооружённых формирований и партизанских отрядов для сопротивления германским войскам. В приказе № 2 главнокомандующего Западным фронтом от 23 февраля 1918 г. говорилось о необходимости преградить врагам все подступы вглубь страны, для чего нужны широкая мобилизация и стальная дисциплина.

Немецкие войска вступили в Минск 21 февраля 1918 г. Назначенный сразу после ухода большевиков Радой I Всебелорусского съезда комендант Минска К. Б. Езовитов призвал горожан дружелюбно встретить и быть полностью лояльными к немцам. В тот же день Исполком Рады I Всебелорусского съезда принял 1-ю Уставную грамоту, в которой провозгласил себя временной властью в Беларуси. Для «защиты и утверждения завоеваний революции» было сформировано правительство – Народный секретариат во главе с представителем правого крыла БСГ И. Я. Воронко.

9 марта Исполком Рады I Всебелорусского съезда сделал следующий важный шаг – во 2-й Уставной грамоте провозгласил Беларусь *народной* республикой (Рада I Всебелорусского съезда теперь переименовывалась в Раду Белорусской Народной Республики). Чтобы соответствовать этому высокому предназначению, в БНР провозглашались свобода слова, печати, собраний, забастовок, объединений, совести, неприкосновенность личности, равенство всех национальностей и языков, объявлялось о введении восьмичасового рабочего дня, отмене частной собственности на землю и передаче ее без выкупа крестьянам, о передаче лесов, рек и недр в собственность республики. Всему этому суждено было остаться на бумаге. Хозяевами положения в Беларуси были немцы. Немецкая оккупационная администрация либо отменила, либо готовилась запретить всё, что могло напоминать о завоеваниях революции.

Наконец, 25 марта 1918 г. Рада БНР издала 3-ю Уставную грамоту, которая объявляла о разрыве государственных связей с Россией: «С этого времени Белорусская Народная Республика провозглашается Независимым и Свободным Государством... Утрачивают силу все прежние государственные связи, которые дали возможность чужому правительству подписать и за Беларусь договор в Бресте, который убивает насмерть белорусский народ, разделяя его землю на части». Как видим, правительство Ленина здесь уже названо «чужим».

В среде белорусских деятелей, ориентировавшихся на Советскую Россию, акт провозглашения независимости БНР под немецкой оккупацией был назван предательским. Во-первых, Рада БНР, возникшая фактически из Рады I Всебелорусского съезда, взявшей обязательство проводить все его решения в жизнь, нарушила волю съезда, по которой Беларусь должна была оставаться в составе Российской Республики. Однако, как откровенно признавал впоследствии известный белорусский общественный деятель и историк М. В. Довнар-Запольский, «принцип единства с центральной Советской Россией, который был обязательным для Рады как постановление 1-го съезда..., мог вредно отразиться на положении Рады в глазах немецких оккупантов». Во-вторых, о реальной независимости в условиях немецкой оккупации не могло быть и речи. Точную характеристику такой «независимости» дала белорусская газета «Дзянніца», издававшаяся Белорусским национальным комиссариатом: «С одной стороны "народное правительство" ("народный секретариат"), управляющее именем Белорусской республики, а с другой систематическое убийство, постоянное удушение белорусского народа. И вместе с тем никакого протеста по поводу происходящих событий со стороны этого "народного правительства", никаких шагов к прекращению грабежа и насилий над трудящимися крестьянскими массами, пошлая заискивающая покорность перед германскими властями».

Бездействие Рады и Народного секретариата БНР было продиктовано заинтересованностью в признании БНР со стороны Германии. Попытка добиться признания БНР отправкой германскому правительству текстов Уставных грамот успеха не имела. 20 апреля 1918 г. на заседании специальной делегации БНР по вопросам международных переговоров председатель делегации А. И. Цвикевич констатировал, что немцы не заинтересованы в Беларуси, и что «мы поддержки со стороны Берлина ожидать не можем», «немцы смотрят на нас сквозь пальцы». В поисках решения один

из участников совещания предложил посетить германского посла и «заинтересовать его Белоруссией – буфером»: «...Этнографическая Белоруссия не даст возможности быть великими ни Польше, ни Великороссии...». Идея понравилась присутствующему на заседании в качестве эксперта М. В. Довнар-Запольскому. «Нам нужно, – взял он слово, – признание, полегче оккупация и нормальное отношение оккупационных властей к нашей власти. Заинтересовать его [посла – *А.Е.*] Белоруссией как большим рынком. Указать на наше стремление к правопорядку. Отметить, что мы хотим своими силами утвердить свою власть дальше на восток...». На следующий день обсуждение продолжилось. Предлагалось убедить германского посла в том, что Беларусь – это средство «не дать усилиться Польше», что Беларусь всегда тянуло к западной культуре, что в Беларуси нет голодовок, что белорусы трудолюбивы, что Беларусь может иметь нужные Германии ресурсы – лес, торф, воды и т. п. В пользу признания БНР со стороны Германии приводился и тот аргумент, что Рада и Народный секретариат БНР могут выступить в качестве «громоотвода», т. е. не позволят вызвать у населения ненависть к немцам: «Их власть оккупационная не так будет противна населению».

25 апреля согласно обсуждённому плану с грифом «Секретно» в Киеве германскому послу был подан Мемориал, содержащий перечисление всех интересов Германии в Беларуси. Содержание Мемориала должно было убедить немцев в выгодности для них дипломатического признания БНР. В нём перечислялись все те положения, которые были предварительно обсуждены 20–21 апреля. В документе говорилось, что теперь от германского правительства зависит, «обратить симпатии нашего народа к Германии, или же обратить симпатии и взоры нашего народа в другую сторону, быть может менее благоприятную для германских интересов». Другая сторона – это, конечно, Советская Россия. Чтобы этого не произошло, торопили авторы Мемориала, германскому правительству надо признать независимость БНР и власть Рады и правительства БНР.

25 апреля Рада БНР приняла ещё одно секретное решение – обратиться за поддержкой напрямую к германскому императору Вильгельму II. В Берлин была послана телеграмма со словами «глубочайшей благодарности за освобождение Беларуси немецкими войсками от тяжелого притеснения». Рада БНР просила Вильгельма II о защите ради укрепления государственной независимости и неделимости Беларуси: «Только под защитой Германской Империи видит край свою добрую судьбу в будущем».

Инициатива посылки телеграммы Вильгельму II, исходившая от правого крыла Рады БНР, вызвала острый кризис Рады. Уже 27 апреля И. Я. Воронко писал в частном письме, что «дело это наделало тут много шума»: «Одни хвалят нас, другие называют предателями, немецкими подданными». В знак протеста семь социалистов оставили посты народных секретарей и вышли из Народного секретариата. Вскоре формирование нового состава Народного секретариата было поручено бывшему депутату Государственной думы и члену Государственного совета Российской империи, крупному землевладельцу Р. А. Скирмунту. Таким образом, за короткое время конфигурация власти в БНР претерпела качественные изменения: если в феврале – начале марта 1918 г. она сформировалась из умеренных социалистов на вполне социалистической программе, то к концу весны первую скрипку здесь играли уже правые консерваторы, не только не помышлявшие о защите завоеваний революции, но прямо заинтересованные в их ликвидации.

За более чем тридцать постсоветских лет в историографии Республики Беларусь был создан настолько респектабельный образ БНР, что в академических изданиях о ней есть главы о территориальном самоопределении, регистрации граждан, местных органах власти, финансово-экономической деятельности, культуре и образовании, дипломатии и т. п. Однако со страниц научной литературы полностью исчезла тема, которая хронологически и территориально соответствует истории БНР, и которая в устах советских историков звучала как «Борьба белорусского народа против немецких интервентов». Иногда она проникает на свет окольным путем. Например, четвертый том «Большого исторического атласа Беларуси» содержит красноречивую карту под названием «Брестский мир и административно-территориальные изменения в марте–ноябре 1918 года». Её особенность не сразу заметна, но если присмотреться, то можно увидеть, что территория Беларуси, которая была оккупирована Германией 18–24 февраля 1918 г., сплошь усыпана красными точками. Легенда карты сообщает, что это условные обозначения районов краснопартизанского движения в тылу оккупантов.

Совпадение территории партизанского движения с территорией более или менее активной деятельности структур БНР обнаруживает беспомощность отдельных исследователей: «Своеобразие ситуации, её парадоксальность, которая и сейчас ставит в тупиковое положение многих исследователей, не считая бывшую официальную белорусскую историографию,

заключается в том, что БНР была объявлена на территории, где вся власть принадлежала немецкой оккупационной администрации». На самом деле тупик здесь совершенно искусственный, потому что всё, что требуется, чтобы его избежать — это не выплёскивать младенца вместе с водой, как это делается с историографическим наследием советского периода, а согласиться, что в вопросе о БНР советские историки были правы: пока белорусские политики искали пути, как договориться с немецкими оккупантами и их императором, белорусский народ боролся за свою независимость от немецких оккупантов и немецкого империализма.

Партизанское движение не сразу стало красным. Оно возникло стихийно, как непосредственный ответ жителей деревень на случаи произвола, грабежей и насилия со стороны немцев. Источники фиксируют робость первых шагов народного сопротивления, свидетельствуют о страхе, растерянности и панике среди крестьян и жителей городов. Источники, в том числе большевистские, свидетельствуют о том, что крестьяне начинали преодолевать растерянность и панику без руководства партии большевиков, самостоятельно. «На всём Западном фронте идёт усиленное и успешное формирование крестьянских партизанских отрядов по своей инициативе».

В отличие от деятелей БНР большевики не только сразу осознали себя неотъемлемой частью народного сопротивления, но и поставили цель возглавить его. Насколько буквально они понимали эту миссию, можно видеть на примере заявления Исполкома Гомельского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 28 марта 1918 г.: «Во всех концах нашего уезда, даже в самых глухих, идёт организация партизанских отрядов без руководителей, без средств, без оружия. Охваченные безумной жадой мести ненавистному врагу революции и свободы, они собираются в отдельные отряды, часто даже не связанные между собой, и, если их предоставить самим себе, они обречены на гибель. Учитывая всё это, мы, исполнительный комитет Гомельского Совета рабочих и крестьянских депутатов, твёрдо решили стать во главе стихийного народного движения, придать ему планомерность, стройность, и тогда успех будет на нашей стороне». Гомельские большевики подчеркивали, что если бы они поступили иначе, они не были бы настоящими революционерами.

Таким образом, место руководителя стихийного партизанского движения в Беларуси изначально было свободным. В условиях 1918 г. его могли занять только две силы, претендовавшие на влияние на белорусские массы: либо большевики, либо деятели БНР. Последние даже не присоеди-

лись к борьбе против оккупантов, не говоря уже о том, чтобы попытаться повлиять на него. Естественно, что растущая популярность большевиков, а вместе с ней и стремление к единству с Советской Россией, были закономерным результатом такой ситуации, как и падение авторитета Рады БНР и компрометация идея независимости Беларуси, которая стала восприниматься как обман.

Так что не должно удивлять, что решения о формировании партизанских отрядов принимались не просто в целях борьбы с врагом, а именно «в целях борьбы с неприятелем и Белорусской Радой», а также то, что Рада БНР обвинялась в желании «закабалить белорусских тружеников у германских, польских и белорусских помещиков», в стремлении под видом независимости восстановить свергнутый царский режим. Большевики не только активно участвовали в партизанской и подпольной борьбе против оккупации, но и в значительной степени были организаторами этой революционно-освободительной борьбы. Таким образом, они на деле способствовали консолидации и независимости белорусов как нации.

13 ноября 1918 г., через три дня после революции в Германии, ВЦИК РСФСР аннулировал Брестский мирный договор. Немецкие войска стали покидать территорию Беларуси. Уход немцев означал и конец БНР. 10 декабря 1918 г. части Красной армии вошли в Минск.

Изменившееся положение открыло возможность для реализации идеи белорусской государственности на советской основе. Ещё с февраля 1918 г. эту идею отстаивали деятели Белорусского национального комисариата, созданного при Наркомнаце. Актив Белнацкома составили представители БСДРП, одним из лидеров которой был А. Г. Червяков (он и стал комиссаром Белнацкома), и левого крыла БСГ, лидером которого был писатель Д. Ф. Жилунович. Работники Белнацкома неразрывно связывали национальные и классовые интересы. В газете «Дзянніца» эта задача была выражена так: «Национальное самоопределение должно идти через руки рабочих и крестьян — тогда оно достигнет цель, а не станет самоопределением буржуазии. С этой точки зрения перед нами стоит великая цель — осветить перед всем трудовым народом дело национального самоопределения со стороны его интересов к нему и четко выявить эту потребность в настоящее время».

Серьёзным препятствием в решении этой задачи оставалась позиция Облискомзапа. Один из его руководителей В. Г. Кнорин недоумевал: «Я спрашиваю, что такое белорус-коммунист? До последнего времени мы

особых "белорусских коммунистов" не знали. Мы считали, что белорусы не являются нацией, и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашею задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых националистических рогаток. Белорусское же движение является таким воздвижением новых националистических рогаток, не существовавших до сих пор, а потому коммунисты не могут в каком бы то ни было виде принимать участие в этом движении». В среде Облискомзапа деятелей Белнацкома называли не иначе, как «"советскими" социал-шовинистами», обвиняли их в предательстве классовых интересов трудящихся, измене интернациональному долгу.

Со своей стороны работники Белнацкома доказывали, что классовые и национальные интересы совместимы, что национальное самоопределение может осуществляться через рабочих и крестьян, и выступали за такое самоопределение на советской основе. В качестве первого шага они предложили переименовать Западную область в Белорусско-Литовскую. Но кроме очередной порции обвинений со стороны Облискомзапа ничего не получили. В ответ на это Д. Ф. Жилунович публично заявил, что поведение деятелей Облискомзапа не достойно коммунистов, что все вокруг как будто нарочно отворачиваются от белорусского вопроса, и что попытки обратить на него внимание разбиваются, как стекло о камень. И чтобы еще больше усилить эффект, он заявил, что действия Облискомзапа на руку врагам революции и Раде БНР, которые говорят приблизительно так: «Посмотрите, братья-белорусы, даже край ваш большевики боятся назвать его настоящим именем – Беларусь! А называют его по-царски – Западный край. Где же их искренность?».

Пик конфликта между Облискомзапом и Белнацкомом пришелся на декабрь 1918 г. – время окончания немецкой оккупации. 21–23 декабря 1918 г. по инициативе Белнацкома в Москве состоялась конференция Белорусских секций РКП(б) (большевистских организаций белорусов-беженцев, возникших в различных городах России и входивших в состав местных партийных организаций), высказавшаяся за создание рабоче-крестьянского правительства Беларуси. 25 декабря 1918 г. народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин встретился с Д. Ф. Жилуновичем и другими работниками Белнацкома и предложил им составить список членов будущего правительства. В этот же день Сталин позвонил председателю Облискомзапа А. Ф. Мясникову и сообщил о ре-

шении ЦК РКП(б) создать Белорусскую Советскую Республику. Мясников был против этого, но должен был подчиниться решению ЦК.

30–31 декабря 1918 г. прошла VI Северо-Западная конференция РКП(б), которая объявила себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белорусской республики и приняла решение о провозглашении Белорусской Советской Республики. В ночь с 1 на 2 января 1919 г. был обнародован написанный Д. Ф. Жилуновичем Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси. В нем Беларусь провозглашалась независимой советской республикой с передачей всей власти Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов.

Несмотря на все коллизии, идея создания Белорусской Советской Республики победила. Но произошло это только тогда, когда в необходимости образования республики убедились лидеры партии большевиков и руководители Советской России. Что побудило их пойти на этот шаг?

Уже с начала октября 1918 г. В. И. Ленин был уверен, что разразившийся в Германии политический кризис приведет к революции, и призывал ЦК немедленно готовиться к оказанию ей всяческой помощи. Одновременно Ленин полагал, что поражение германского империализма будет означать «рост наглости, зверства, реакционности и завоевательных попыток со стороны англо-французского империализма». Таким образом, последний был определен в качестве нового главного врага вместо почти побежденного германского.

Начало постепенного вывода немецких войск подготовило почву для мнения, что по мере ухода немцев с оккупированных территорий их заместят войска Антанты. Полпред РСФСР в Германии А. А. Иоффе предполагал, что уже имея «фронт Антанты» на востоке, большевики вскоре получат «сплошной англо-французско-казацко-украинско-белогвардейский фронт от Двинска до Ростова» на западе и юге. Иоффе признавался, что не верит в военную мощь Красной Армии, и выражал надежду, что весь этот фронт постигнет та же участь, что и некогда российскую армию – разложение, однако вопрос в том, как долго смогут продержаться большевики. «А отступать нам будет некуда, так как в этом смысле мы теперь в худшем положении, нежели после разрыва Брестских переговоров, когда могли базироваться на Урале и за Урал, чего теперь тоже уже не можем», – написал Иоффе Ленину и Чичерину 28 октября, и

ещё раз повторил: «...Нужно предвидеть возможность сплошного фронта против нас почти от Балтийского моря до Черного».

Такая возможность была, и минская газета «Звезда» точно определила ее — это «польские националисты» и «балтийские бароны», которые по мере ухода немцев создают на западе националистический фронт, и этот фронт вскоре в угоду англо-французскому империализму отделит Советскую Россию от революционной Германии. Корреспондент «Звезды» призывал к немедленным действиям: «Поэтому мы должны, мы обязаны самым срочным порядком двинуть в наш край все лишние резервы наших войск или создать таковые, ускорить наше продвижение в сторону Германии, лихорадочным темпом занимать таким же темпом оставляемые немцами местности, чтобы не дать возможности польско-литовско-юнкерско-баронской сволочи воздвигнуть против нас новый предательский фронт».

Процитированный фрагмент раскрывает изнутри мотивацию спешного создания большевиками Эстонского, Литовского и Латвийского рабоче-крестьянских правительств, срочного провозглашения и немедленного признания со стороны РСФСР советских республик Эстонии, Литвы и Латвии и, наконец, образования Белорусской Советской Республики. Позволить местным национальным элитам перехватить инициативу означало быстрое возникновение в регионе республик, ориентированных на Антанту, отделяющих большевиков от революционной Германии, как это уже сделало возрожденное Польское государство. Это неизбежно вело к отсрочке мировой революции. Чтобы этого не допустить, нужно было торопиться. Несмотря на то, что все без исключения лидеры большевиков Латвии, Литвы, Эстонии и Беларуси не соглашались с центром в вопросе создания национальных советских республик, они были вынуждены подчиниться партийной дисциплине и выполнить соответствующие решения ЦК РКП(б). Образование Белорусской Советской Республики соответствовало стремлению руководства РСФСР и РКП(б) не допустить возникновения форм несоветской государственности на западе. Об этом стремлении совершенно откровенно заявил 22 января 1919 г. членам Центрального Бюро КП(б)Б никто иной, как теперь уже бывший советский полпред в Германии Иоффе, приехавший в Минск для практического проведения решений ЦК о белорусской республике. Хотя доклад Иоффе сохранился в двух протокольных вариантах, запротоколирован он довольно фрагментарно, однако достаточно для того, чтобы понять мотивы руководителей

Советской России относительно образования как белорусской, так и других окраинных республик.

Прежде всего, отметим, что среди этих мотивов ни в какой форме, даже на уровне обычной большевистской риторики, обращенной к широким массам, не фигурировало право наций на самоопределение. Более того, Иоффе напоминал, что когда большевики накануне Октябрьской революции особенно активно выдвигали и часто повторяли лозунг о праве наций на самоопределение, они делали это лишь в противовес росту националистических настроений мелкобуржуазных масс окраин с целью перетянуть их на свою сторону. Когда же большевики пришли к власти, необходимость в дальнейшей артикуляции национального вопроса отпала, поэтому в дальнейшем они выступали только под классовыми лозунгами. Иоффе охарактеризовал эту политику как процесс большевизации России. Но она была полностью перечеркнута результатами переговоров в Брест-Литовске: на окраинах началась «реакция против большевизма», территории начали отпадать от России. Теперь же, после революции в Германии, как подчеркивал Иоффе, снова наступает время «националистических исканий», империализм стремится использовать национальные моменты в борьбе с революцией путем «образования республик, подчиненных не России». И чтобы на этот раз не просчитаться, большевики должны сыграть на опережение: принять меры к созданию национальных, но в то же время советизированных республик. Это позволяло решить сразу две задачи: во-первых, лишить врагов оснований обвинить РСФСР в завоевательских целях, во-вторых, избежать непосредственного влияния сил империализма на Советскую Россию. Вот почему ЦК решил «создать между им [империализмом – А. Е.] и нами ряд республик-буферов», вот почему «мы в ЦК решили Советскую Россию отделить буферами от Европы». Такие республики должны были представлять собой барьер, который выдержал бы первый натиск империализма на РСФСР, ослабил его мощь. Иоффе сразу назвал, от кого сейчас исходила главная угроза для Советской России с запада – это польский империализм, обладающий «огромными аппетитами». «Претензии Польши могут быть частично разрешены дипломатическим путем. Поэтому удобнее, чтобы она сталкивалась с буферами – Литвой и Белоруссией». «На основании этих соображений ЦК постановил образовать Литовскую и Белорусскую Республики», – резюмировал Иоффе.

С Литвой вопрос был решен 22–23 декабря – сначала постановлением Совнаркома, а затем постановлением ВЦИК была признана независимость Литовской Советской Республики. В эти же дни Совет обороны (на заседании 22 декабря под председательством Ленина) рекомендовал остановить наступление Красной Армии по территории, на которую могла претендовать Польша. В свою очередь нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин направил в Варшаву ноту, в которой заверил, что со стороны России Польше ничто не угрожает не только потому, что войска Советской России находятся еще очень далеко от польских границ, но и потому, что Польша и Россия больше не имеют общей границы, так как отделены друг от друга Литвой и частью Украины. Однако, если посмотреть на карту, то можно легко убедиться, что общая граница между РСФСР и Польшей существовала еще неделю после этого – до провозглашения Белорусской Советской Республики. Лишь с ее образованием большевики завершили создание буферных государств и могли сказать, что РСФСР не граничит непосредственно с западным миром.

Именно так и объяснял Мясников делегатам I съезда КП(б)Б необходимость объявления Западной области (коммуны) Белорусской Республикой. Он сказал, что нельзя допустить создания вокруг России «враждебных нам национально-буржуазных государств», что необходимо «разбить тонкую политику Антанты, предупредив буржуазное самоопределение мелких народностей». Этой цели служило провозглашение советских республик Литвы, Латвии и Эстонии, а также образование рабоче-крестьянского правительства Украины. «Но цепь разорвана, – констатировал Мясников. – Наша Западная область представляет собой тот проход, куда устремляются на Советскую Россию силы Черного Интернационала. Нужно замкнуть цепь советски-самоопределяющихся республик. ...Западная Коммуна должна объявить себя самостоятельной Советской Социалистической Белорусской Республикой».

Решение ЦК РКП(б) о создании ряда национальных советских республик на западных окраинах бывшей Российской империи, включая Беларусь, было вызвано и очевидным стремлением расширить границы революции дальше на Запад. Формирование правительств из национальных кадров, признание со стороны РСФСР независимости новых республик (ВЦИК признал независимость Белорусской Советской Республики 31 января 1919 г.), наделение их всеми атрибутами государственности позволяло, во-первых, удовлетворить национальные стремления окраинных

народов к самоопределению, во-вторых, вывести Советскую Россию и партию большевиков из под обвинений в аннексионизме, захвате территорий и распространении своего влияния силой штыков, в-третьих, опередить возникновение государственности не на советской, а на национально-демократической основе. В то же время республики должны были стать плацдармом для дальнейшего распространения идей мировой революции и продвижения ее носителей на соединение к германской революцией. Особую роль здесь играла Белорусская Советская Республика, поскольку она непосредственно граничила с Польшей, через которую пролегал кратчайший путь в революционную Германию. На Украине, которая также могла выполнять эту роль, еще не была провозглашена советская республика, там большевикам все еще противостояла Директория. В случае соединения с Германией большевики получили возможность перенести идею социалистической революции на территорию «англо-французского империализма», что наверняка создавало условия для их победы, если не в мировом, то в европейском масштабе. Таким образом, Белорусская Советская Республика должна была стать плацдармом, который позволял продвигаться на Запад – открывал проход в Европу «Красному Интернационалу». Одновременно Белорусская Советская Республика должна была стать форпостом, который закрывал проход в Советскую Россию «Чёрному Интернационалу», главной силой которого на тот момент была Польша, вооружённая и подготовленная Антантой к интервенции на восток.

**Лавр Корнилов:
Генерал на белом коне во главе Белого дела**

Одним из наиболее значительных идеалов «долгого XIX века» явилось представление о совершенном воплощении лидера, вербальным выражением которого в русском языке стало экспрессивное словосочетание – Генерал на белом коне. Этот своеобразный тип вождя, исполненного харизматического геройства, оказался жизненно востребован в России в катаклизмические годы войн и революций начала минувшего столетия. Тогда же влиятельный немецкий социолог М. Вебер, изучая природу власти, вывел справедливое заключение, что чрезвычайное время, предъявляющее требования сверх привычной повседневности, закономерным образом обосновывает пребывание у власти вождя-харизматика, наделенного вышним благословением и как бы исполняющего некую сверхъестественную миссию¹. В России тех лет ожидание и искание Генерала на белом коне стало явлением настоящего запроса общества на героя во власти, национального вождя и спасителя, облеченного доверием масс и способного уверенно вывести страну из теснины тяжелейших внутренних и внешних распрей. Побуждение ответить данным чаяниям народа обнаруживали и последний самодержец Николай II, и «первая любовь революции» А. Ф. Керенский, и виднейший контрреволюционер Л. Г. Корнилов².

Переломный для России 1917 год давал твердую почву современникам как внутри страны, так и за ее пределами рассматривать происходящее как слепок с Французской революции. В соответствующей логике призраки повторения Термидорианского переворота и дальнейшего возвышения русского Бонапарта будоражили ожидания, давая одним тревогу, а другим надежду³. Это не могло не отразиться на образе Генерала на белом коне в российском интеллектуальном и политическом дискурсе, закономерно оттенив в данном символизме сущностные черты носителя диктаторской

¹ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / пер. с нем. Т. 4. Господство. М., 2019. С. 178–179.

² Подробнее см.: Семенов В. В. Керенский и Корнилов: искание Генерала на белом коне в 1917 г. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2023. Т. 11. С. 196–209.

³ Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. Basingstoke ; London, 1999. P. 8–11, 109–110.

власти. Поскольку большинство личностных свойств этому образу сообщила фигура Наполеона как неповторимого романтического кумира, то для левых, в силу исторических параллелей, появление Генерала на белом коне знаменовало собой гибельную угрозу делу революции⁴. По замечанию Шатобриана, отражающему консервативный взгляд на бонапартистский феномен, немалая часть исторического величия Наполеона оказалась заключена именно в том, что тот вывел Францию из состояния хаоса к порядку посредством восстановления прежних святынь, усмирения анархии и укрощения черни⁵. Оттого, как оправданно заявляет петербургский историк Б. И. Колоницкий, в данной интерпретации «образ "вождя-победителя" мог трансформироваться в образ грядущего диктатора»⁶.

Известный историк Г. З. Иоффе вынес однажды в название монографии три главных, с его точки зрения, имени революционного 1917 года: Ленин, Керенский, Корнилов⁷. Лишь одного из этих «лидеров эпохи» никак не затронул феномен Генерала на белом коне: исследуя период Революции и Гражданской войны, мы резонно не отмечаем в большевистском лагере личностей, с которыми уместно было бы связать рассматриваемый символизм. Напротив, с первых же дней советской власти руководство партии и страны питало страх перед появлением подобного человека из рядов Красной армии, что накладывало заметный отпечаток на его взаимоотношения с Вооруженными силами⁸. Как несколько десятилетий спустя категорично заключил виднейший партийный идеолог, член РКП(б) с 1921 г. М. А. Суслов: «Нет ни грана марксизма-ленинизма в самой мысли или, лучше сказать, в самой бессмыслице, допускающей возможность проявления в нашей советской действительности, в стране победившего социализма такой ситуации, при которой генерал на белом коне спасает страну»⁹. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов христианские корни образа Всадника на белом коне: во многом благодаря им какое-то время он оставался частью «царства слухов» в качестве объекта надежд на гря-

⁴ Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. Basingstoke ; London, 1999. P. 11.

⁵ Шатобриан Ф. Р. де. Замогильные записки / пер. с фр. М., 1995. С. 324–325.

⁶ Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 г.) М., 2017. С. 434.

⁷ Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. 238 с.

⁸ Finer S. E. The man on horseback : the role of the military in politics. New Brunswick, 2002. P. 100, 104.

⁹ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов и др. М., 2001. С. 245.

дущего избавителя от советской власти¹⁰. Возымело действие и традиционное колористическое противопоставление белого и красного цветов, по своей семантической нагрузке исключаящих друг друга¹¹. Таким образом, фигура Генерала на белом коне может уверенно рассматриваться как часть леворадикальной демонологии.

В противоположность большевистскому лагерю, где цезаристская фигура Генерала на белом коне виделась безусловно реакционной и опасной, в кругах, не принявших Октябрьскую революцию, данный идеал оказался чрезвычайно востребован, неразделимо слившись в этих представлениях с ролью спасителя страны от революционного хаоса и анархии, национального позора и распада¹². Согласно закономерности, выведенной однажды видным историком Я. Буркхардтом, «в процессе глубоких потрясений государственной жизни... при полном упразднении или бессилии прежних властей люди оказываются в таком состоянии, что тоска по чему-то, ассоциирующемуся с прежней властью, становится непреодолимой. Тогда и возникает привычка видеть в каком-то счастливчике-генерале как бы источник дальнейших событий»¹³. В свою очередь, британский ученый С. Файнер аналитически выявил ряд побудительных мотивов для непосредственного вмешательства военных в политику, среди которых обращают на себя внимание фундаментальная вера в особую, исторически сложившуюся роль и предназначение армии как спасительницы страны, защитницы национальных интересов и последнего оплота государственности, а также осознание военными назревшей угрозы своему корпоративному статусу и привилегиям¹⁴. Всё это обнаруживалось в России революционного периода, тем самым складывая прочную взаимообусловлен-

¹⁰ См. к прим.: Архипова А. С. Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Русский политический фольклор: исследования и публикации / ред.-сост. А. Панченко. М., 2013. С. 92.

¹¹ Как отмечает исследователь К. В. Душенко, «в большевистской печати "белые генералы" с конца 1917 г. выступают уже в рамках оппозиции "красные – белые"» (см.: Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка : сб. ст. М., 2018. С. 53).

¹² Так, по утверждению американского историка-русиста Д. Шляпентоха, после Октября для консервативно настроенной части интеллигенции Генерал на белом коне стал едва ли не единственным символом спасения страны: Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. Basingstoke ; London, 1999. P. 110.

¹³ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / пер. с нем. М. ; СПб., 2013. С. 203.

¹⁴ Finer S. E. The man on horseback: the role of the military in politics. New Brunswick, 2002. P. 32–60.

ность, неминуемо ведущую к появлению на исторической авансцене Генерала на белом коне из армейской среды¹⁵.

В разные моменты бурного времени эти лавры в той или иной мере воображаемо примерялись к множеству военных профессионалов. Но наибольшие чаяния закономерно связывались с генералом от инфантерии Л. Г. Корниловым, который сумел обрести подлинно диктаторскую власть над «последним бродячим клочком России», как известный романист А. Н. Толстой нарек впоследствии белую Добровольческую армию¹⁶. В заключительный и, бесспорно, кульминационный год своей жизни Корнилов всерьез рассматривался обществом как заметный, а временами и главный претендент на амплуа Генерала на белом коне. В декабре 1917 г. Корнилов, снискавший стойкое реноме политически «красного»¹⁷, придал электризирующий импульс движению, впоследствии названному Белым. Энергетическая сила личности генерала и неопределенность его политической платформы во многом обусловили харизматический характер зарождавшегося движения. Согласно одному недвусмысленному свидетельству, «объединяющей идеей» белых стали именно «Корнилов и его приказ», сделавшиеся для многих синонимом идеи спасения России от большевиков¹⁸. Апеллируя к долгу повиновения, Корнилов дал возможность своим аполитично настроенным приверженцам прямо и бесхитростно отринуть невыносимую для них рационалистическую партийность в пользу романтической и, как им казалось, одухотворенной цели. Тем самым в освященном традицией воинском девизе «За Веру, Царя и Отечество» он

¹⁵ Со слов американского историка Р. Уэйда следует, что появление Генерала на белом коне из рядов вооруженных сил воспринималось левыми как осуществимая угроза с первых же дней Февральской революции: Wade R. A. *Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution*. Stanford, 1984. P. 134.

¹⁶ Офицер-доброволец С. М. Пауль в своих памятных записках окрестил Корнилова «духовным диктатором» армии (см.: Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Кн. 3. Берлин, 1927. С. 67). Красноречивую формулировку писателя см.: Толстой А. Н. *Собрание сочинений* : в 10 т. Т. 5 : *Хождение по мукам*. Кн. 1 и 2. М., 1959. С. 346.

¹⁷ Гиацинтов Э. Н. *Записки белого офицера*. М., 2010. С. 108; Молчанов В. М. *Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы*. М., 2012. С. 75.

¹⁸ По мнению петербургского историка А. С. Пученкова, в этих словах мемуариста полковника И. Ф. Патронова «предложена наиболее точная характеристика умонастроений первых добровольцев» (см.: Пученков А. С. *Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года)*. СПб., 2021. С. 145).

органично заменил собой монарха¹⁹. Его последователи равнялись не на сложный перечень идеологических установок, а на светоч фигуры лидера: тем самым, движение в определенной мере естественно перенимало и присущие своему вождю черты. В данном аспекте Добровольческая армия раннего, корниловского периода может рассматриваться в качестве преданной «свиты харизматического вождя»²⁰ в той же значительной степени, в какой сам Корнилов оказался приближен к сложившемуся архетипу Генерала на белом коне.

Парадоксальным образом Корнилов – первейший вождь контрреволюции – имел в числе своих неотъемлемых качеств множество характерных признаков революционера. Его невротическая страстность порой доходила до фанатизма, а ожесточенная ненависть к тому, что он полагал приметами вероломства, шатания и нечистоплотности, по своему накалу представляется полурелигиозной²¹. Ему были присущи ригористичная суровость к себе и другим, открытое пренебрежение к общепринятым нравственным законам и моральной стороне насилия, безразличие к отжившим традициям. Наконец, органическая склонность генерала к риску и авантюрному повышению ставок обусловила как изломанность его жизненной линии, так и предсказуемость его смертного часа. Из всех лидеров белой, генеральской контрреволюции Корнилов, бесспорно, оставался наиболее мятежным по своей внутренней природе, и его уместно было бы назвать революционером, вставшим на пути у революции. Возможно, что ему подошло бы и определение «ре-революционера», предлагавшееся оригинальным мыслителем Е. Э. Месснером для обозначения борца не с революцией как явлением, а лишь с «излишествами, уродствами предшествовавшего революционного периода»²². Корнилов был имманентно преисполнен той орга-

¹⁹ По оценке того же И. Ф. Патронова, основная масса добровольцев, объединившихся вокруг Корнилова, состояла «или из монархистов по воспитанию и убеждению» (привыкших ассоциировать всю публичную политику в стране с фигурой монарха – В. С.), «или из лиц безразличных политически, чисто военных» (см.: Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 145).

²⁰ Формулировка М. Вебера (см.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / пер. с нем. Т. 4. Господство. М., 2019. С. 182).

²¹ В этой связи интересно наблюдение о присутствии среди первых добровольцев – «корниловцев, вероятно, более, чем сам Корнилов», т. е. фанатиков идеи борьбы с большевизмом, руководствовавшихся лишь собственными соображениями целесообразности (см.: Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 434).

²² Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. М., 2004. С. 74.

ничной революционностью, что отличала Цезаря и Наполеона, с личностями которых оказалась сопряжена принимаемая нами за образец предметность образа Генерала на белом коне. Проникнутый лишенным догматичности внепартийным республиканизмом²³, Корнилов тем не менее, подобно своим упомянутым предтечам, поднимался наверх на волне противоречивого ожидания человека, который низвергнет республику в ее существующем виде. Его прямой и показательный демократизм точно так же порой сардонически подвергался сомнению, утилитарно воспринимаясь как средство на пути к достижению личной власти, и вместе с тем он никак не препятствовал сосредоточению в имени известного генерала глубоких антидемократических настроений и надежд части общества. Примечательно, что с течением времени умножаемые печатью представления о Корнилове, его воображаемый образ, отдаляясь от живой действительности, становились всё более консервативными, что, без сомнения, не могло прибавить генералу и его делу широкой популярности в эпоху бьющего через край революционного культа новизны.

Пресловутой особенностью Корнилова было почти полное отсутствие у него политического чутья и сознания: до конца оставаясь дилетантом в политике, он оказался бессилён в постижении ее логических законов и искусства. По своему складу Корнилов являлся абсолютным человеком войны, и в войне Гражданской он увидел лишь всю ту же привычную и близкую ему стихию прямой и открытой схватки. Подобно большинству высокопоставленных белых генералов, Корнилов недостаточно хорошо понимал специфику стихийного гражданского противостояния, обуревавшего Россию. Определенно недооценивая противостоявшие ему силы, он последовательно шел к нарочито аполитичной военной диктатуре, не принимая во внимание никакие пути к успеху, помимо единственного — победы исключительно силой своего оружия. Как представляется, знаменитое распоряжение Корнилова не брать в походе пленных может объясняться в числе прочего радикальным стремлением начисто сжечь за собой мосты, бесповоротно уйти от любой политики как от мира кружных путей, уступок и обманчивых рукопожатий, заслуживающего, с его точки зрения,

²³ Вопрос политических взглядов Корнилова вследствие разногласий свидетельств никогда не был прост в сведении к единому знаменателю (см. к прим.: Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 346–347). Думается, что использованная в нашем тексте формулировка, будучи достаточно осторожной, вместе с тем приближена к исследуемой реальности.

лишь презрения, и оставив впереди себя лишь бескомпромиссную борьбу не на жизнь, а на смерть.

Корнилов не был одинок и уникален в своем отношении к политике: показательно, что мысли, схожие с одним из первых, выражал и «последний белый генерал» В. М. Молчанов²⁴. Однако, традиционный принцип безусловного невмешательства в политику, в котором пестовался кадровый русский офицерский корпус²⁵, не только породил ахиллесову пяту Белого движения – безотчетное преуменьшение роли невоенных факторов в гражданской войне и трудно преодолеваемую неспособность его лидеров к упорядоченной и преобразовательной государственной деятельности, но и придал белому офицерству, пропитанному обостренным национальным чувством, сильнейшую веру в себя как естественных, провиденциальных спасителей страны, а значит, и в чистоту своего дела. Немаловажно, что и сам Корнилов неподдельно полагал себя судьбоносной фигурой. Его современник военный историк Н. Н. Головин отмечал за ним стойкое мессианское чувство, заключавшееся в искренней вере «в то, что Россия может быть спасена только им, Корниловым»²⁶. Непоколебимая убежденность в собственном предназначении и в том, что всего можно добиться соответствующим напряжением воли, подвигла этого пламенного полководца на неудачную попытку добиться личной диктатуры в конце августа 1917 г., едва не поставившую крест не только на его карьере, но и на жизненном пути; она же побуждала его к продолжению борьбы всякий раз, когда, казалось, все обстоятельства оборачивались против него. Это могучее иррациональное чувство, иногда соперничавшее с чувством реальности, передалось и корниловским приверженцам и со временем делалось в них только крепче.

Вера в Корнилова коренным образом умножала силы следовавших за ним людей, как бы революционизируя их изнутри, в ценностно нейтраль-

²⁴ Молчанов В. М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2012. С. 68, 75-76, 79, 189.

²⁵ Последние исследования, удостоверяющие растущую в начале XX в. политизацию военных, вписывающуюся в контекст общего повышения уровня политической активности российского общества, не опровергают, с нашей точки зрения, того обобщения, согласно которому процесс активного вовлечения в политическую жизнь затронул лишь небольшую часть дореволюционного офицерского слоя (см.: Фомин А. Ю. «Офицерство волнуется...»: Российский офицерский корпус и публичная политика в 1905–1914 гг. М., 2024. 222 с.)

²⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 2. Таллин. 1937. С. 9–10.

ном смысле²⁷. В данной связи очень показательна догадка одного из первых корниловцев Н. П. Ухтомского, полагавшего, что со смертью командующего армией добровольцы оказались лишены той жизненной силы, что вливалась в них революционностью его сознания²⁸. В итоге, с самого начала именно фигура вождя становилась замковым камнем этой фигурально понимаемой постройки, возводимой на заведомо зыбком основании: и это тоже признак, отличавший все подобные харизматические движения. Внезапная гибель Корнилова, морально опустошившая, выхолостившая его сторонников, не дала ему задержаться на этом пути и, быть может, увенчать свою планиду Генерала на белом коне желанным триумфом, к чему он при жизни, положив руку на сердце, вряд ли был доподлинно близок. Кончина Корнилова, по словам удачно обобщившего оценки его современников петербургского историка А. С. Пученкова, «оборвала целую эпоху в истории контрреволюции», явившись невосполнимой утратой для ведомой им армии²⁹. Проблема влияния гибели Корнилова на Добровольческую армию с позиций характера его власти и авторитета, а также феномена его личности обладает перспективой для более глубоких изысканий.

В общей сложности, резонно подчеркнуть, что исключительные времена неизменно выдвигают живой запрос на появление на исторической авансцене исключительных людей. Гражданская война в России, явившись для страны катаклизмом колоссальной силы и напряженности, закономерно умножила искание такого человека. Оттого образ Генерала на белом коне — военного вождя и политического героя, естественно приобретая мессианские черты Спасителя Отечества, снискал немалую популярность в кругах общества, не принявших излом Октября. Всё более убыстрявшийся ход «колеса революции» постепенно сводил вопрос о жизнеспособной форме правления к единовластию военной или партий-

²⁷ По М. Веберу, источником власти, основанной на военном героизме и вере в таких героев, становится именно переворот в образе мыслей последователей (см.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем. Т. 4. Господство. М., 2019. С. 186).

²⁸ Ухтомский Н. П. История корниловцев Ударного полка // Корнилов и корниловцы: сб. / сост. и научн. ред. В. Ж. Цветков. М., 2025. С. 322. Отметим, насколько далеко князь Ухтомский зашел в своих суждениях, прямо отделяя первообразное «корниловское движение», у истоков которого он стоял, от «офицерского» и впоследствии Белого движения.

²⁹ Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 422.

ной диктатуры: в этой дилемме Генерал на белом коне становился потенциальной внепартийной альтернативой власти левых радикалов³⁰. В аспекте вероятного повторения логики Французской революции, которая зачастую полагалась как главная, если не единственная модель революционного развития, он воспринимался как русский Бонапарт — «человек меча», диктатор и народный смиритель. Подчеркивая, что недопустимо было бы сводить к одному лишь бонапартизму эту многозначную формулу, следует отметить, что упование ряда наблюдателей на «красного Бонапарта», будто бы готового обрестись внутри Советской России, шло от единого корня с прежними надеждами на Генерала на белом коне — и это, бесспорно, явления одного порядка.

Оттого совершенно неудивительно и закономерно, что с началом Гражданской войны именно в стане белой, генеральской контрреволюции стали чаще всего обнаруживать эту особенную личность. Первым вождем и вдохновителем Белого движения стал генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов. Его можно назвать революционером, постепенно вставшим на путь борьбы с революцией, и республиканцем, в котором со страхом или надеждой видели потенциального могильщика республики. В этих противоречиях он оказался сродни Цезарю и Наполеону, к которым канонично возводится рассматриваемый образ. Однако в противоположность этим своим наиболее заметным предтечам Корнилов оказался сугубо военным практиком, «человеком поля сражения»³¹, совершенно неискушенным в политических вопросах. В этом он скорее мог стать в один ряд с двумя полководцами более старшего поколения — Скобелевым и Буланже, которых также видели в роли Генерала на белом коне.

Проистекающая из этого весьма последовательная неопределенность корниловской политической платформы, наложившись на природный, почти никем не ставившийся под сомнение, магнетизм личности боевого генерала, во многом и сообщили зародившемуся на юге России Белому движению его харизматический, вождистский характер. Лишь персона лидера способна была сообщить явственный силуэт и внутреннюю опору

³⁰ Одна из мыслимых вариаций дилеммы — Корнилов или Ленин — наиболее известна в виде подзаголовка значимого труда П. Н. Милюкова. См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революций. Вып. 2. Корнилов или Ленин? София, 1921. 291 с.

³¹ Безошибочная формулировка последнего военного министра Временного правительства А. И. Верховского. См.: Верховский А. И. Россия на Голгофе : (из походного дневника 1914–1918 гг.) М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России (ГПИБ), 2014. С. 143.

тем рыхлым и не вполне отчетливым концептам, что составляли политическую программу белых. Приверженцы Корнилова в действительности равнялись не на программу или идеологию, а на своего вождя, в известной мере перенимая и свойственные ему черты. Потому представляется неоспоримым, что с определенной точки зрения ведомая им малочисленная Добровольческая армия может рассматриваться в качестве преданной свиты Генерала на белом коне в той же существенной степени, в какой и сам Корнилов по своим глубоким внутренним составляющим оказался приближен к этой примечательной символической фигуре. В завершение оправданно будет заметить, что смертный час нашел генерала прежде, чем русское безвременье смогло бесспорно подтвердить или опровергнуть его притязания на судьбоносную для России роль.

**Уренское восстание 1918 г.
в советской и современной историографии**

События революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны вызывают неподдельный интерес у исследователей. Ученые анализируют причины и особенности гражданского противостояния в России, в том числе в ее различных регионах. В этой связи весьма актуальным представляется изучение так называемого Уренского мятежа, который происходил на территории Варнавинского и Ветлужского уездов Костромской губернии (ныне эти территории входят в состав Нижегородской области) в период с 19 августа по 18 сентября 1918 г.

Восстание охватило село (ныне город) Урень Варнавинского уезда, которое традиционно считалось старообрядческим центром, а затем перекинулось в административный центр Ветлужского уезда, город Ветлугу, который был взят восставшими штурмом. В начале сентября 1918 г. отряд красноармейцев под командованием М. Ф. Букштыновича смог взять Ветлугу, 15 сентября того же года был ликвидирован очаг восстания в Урене, однако часть повстанцев ушла в леса и оказывала сопротивление красным вплоть до 1920 г.

В настоящей статье анализируются научные и публицистические работы советских и современных историков, писателей и публицистов, в которых в той или иной степени отражены события, связанные с Уренским восстанием (мятежом).

Безусловно, эти события привлекали и привлекают внимание исследователей. Первые шаги в процессе осмысления происходивших в Уренском крае в 1918 г. событий были сделаны в советский период. Еще в 1927 г. А. Конокотин писал о восстании как о «кулацком мятеже»¹. В 1950-е гг. историки характеризовали восстание как составную часть иностранной интервенции и внутренней контрреволюции². П. Г. Скворцов в очерке, посвященном 180-летию города Ветлуги, отмечал, что большое торговое село Урень характеризовалось наличием значительной части зажиточного

¹ См.: Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927.

² Андрианов В. И., Альтшуллер Б. Д., Волков П. М. Союз рабочих и крестьян в первые годы советской власти (1917–1922). Ярославль, 1958; Афанасьев Ю. С. Первые социально-экономические сдвиги в костромской деревне в 1918 т. // Учен. зап. ЛГУ. Вып. 30. Л., 1959. С. 58 и др.

населения, которое, к тому же, преимущественно исповедовало старообрядчество, многие крестьяне являлись «религиозными фанатиками». Автор очерка подчеркивал, что «эти особенности экономического и бытового характера создали благоприятную обстановку для контрреволюционеров»³. П. Г. Скворцов считает, что существовало два центра восстания – уренский и ветлужский, причем последний возглавляли помещики Б. Л. Петерсон, В. А. Толмачев, А. И. Разумов. Также в мятеже активно участвовали представители ветлужского купечества⁴. Отмечалось широкое участие эсеров в восстании⁵. Однако автор не смог осуществить полноценный анализ социального состава участников мятежа.

Советские историки и краеведы обычно характеризовали Уренский мятеж как серию кулацких восстаний⁶. Подчеркивалось, что центрами мятежа явились Урень, Ветлуга, Баки (ныне Красные Баки)⁷. Обращалось внимание на тяжелое положение с продовольствием в Варнавинском и Ветлужском уездах весной и летом 1918 г., говорилось о широком участии эсеров в организации восстания, а также о различной позиции местного православного духовенства, часть которого в сложившихся обстоятельствах поддерживала советскую власть (к примеру, священник из села Богоявленского Г. И. Весновский заявлял, что «советская власть дана Господом», что «верующие должны стоять за нее горой»⁸). Изъятие у крестьянского населения хлеба продотрядами оценивалось как вынужденная мера, хотя и отмечалось, что положение с продовольствием в крае оставалось очень тяжелым вплоть до введения НЭПа⁹. В целом советская историография проблемы заложила основы для ее последующего изучения в наши дни. Определены основные причины мятежа: экономические (трудности, которые испытывало крестьянство), политические (желание антибольшевистских сил свергнуть советскую власть), религиозные (фанатизм старообрядцев). При этом советскими историками во главу угла ставились прежде всего именно два последних фактора. По понятным причинам о

³ Скворцов П. Г. Городу Ветлуге 180 лет. Ветлуга, 1959. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: Рыжов Л. В. Ветлуга и Ветлужский уезд накануне контрреволюционного мятежа летом 1918 г. // Ленинское знамя. 1988. 18 октября. № 125.

⁷ Тумаков Н. Г. Октябрь в Поветлужье. Памятные места октябрьских событий // Памятники и памятные места Великой Октябрьской социалистической революции в г. Горьком и области: тез. докл. науч.-метод. конф. Горький, 1977. С. 60–66.

⁸ Рыжов Л. В. Ветлужская интеллигенция в 1918 г. // Ленинское знамя. 1989. 27 апреля. № 50.

⁹ Там же.

политике продовольственной диктатуры большевиков как одной из причин мятежа или не говорилось вообще, или говорилось вскользь (в контексте тяжелого социально-экономического положения деревни в 1918 г.). Также отметим, что существенным недостатком исследований советского периода была весьма ограниченная источниковая база, которая включала в себя преимущественно публикации советских газет 1918–1919 гг.

Новые веяния в оценке Уренского восстания прослеживаются, начиная с периода «перестройки» и 1990-х гг., когда многие события, о которых ранее говорить было не принято, стали достоянием гласности. Известный историк и краевед М. А. Балдин, уроженец Варнавинского уезда, в работе, посвященной поселку Варнавино (в описываемые времена – город Варнавин), проанализировал причины Уренского восстания. Он обратил внимание на то, что по идеологическим мотивам в советское время исследователи характеризовали восстание как «кулацко-белогвардейское» и обходили стороной вопрос об одной из важнейших причин восстания, а именно о реакции крестьянства на продовольственную диктатуру большевиков¹⁰. Исследователь при этом приводит слова члена следственной комиссии при Костромском революционном трибунале С. С. Касаткина, который 18 октября 1918 г., анализируя причины мятежа, указывал в своем докладе на недовольство крестьян реквизицией излишков хлеба¹¹. Историк подчеркивал, что хлебная монополия была введена еще Временным правительством в марте 1917 г., однако, по его мнению, ее значительное ужесточение при большевиках явилось одной из главных причин Уренского восстания¹².

На основании введенных в научный оборот архивных источников из фондов Государственного архива Костромской области (ГАКО) и других архивов, материалов периодической печати и мемуарных источников М. А. Балдин весьма подробно реконструировал хронологию событий, связанных с Уренским мятежом. Во многом именно эти исследования заложили основу для последующего изучения историками данных событий¹³.

¹⁰ Балдин М. А. На переломе. Варнавино, 1994 (глава Уренский мятеж. Фронт за Ветлугой. Причины восстания уренских крестьян) // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://varnavin2.narod.ru/na_perelome.htm#_edn32 (дата обращения 23.03.2024).

¹¹ Там же. Автор ссылается на: ГАКО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 15. Л. 56, 57, 58.

¹² Там же.

¹³ См., напр.: Набатов Г. В. По следам архивных документов о революции и гражданской войне в Нижегородской крае // Проблемы региональной истории XX в., формирование и использование архивных фондов: материалы науч.-практ. конф., 26 ноября 1996 г. Н. Новгород, 1998. С. 59–61; Пospelов О. Н. Уренское восстание // Российская

М. А. Балдин справедливо подчеркивает, что участники Уренского восстания преследовали различные цели. Если представители офицерского корпуса, интеллигенция, эсеры предполагали налаживание контактов с другими антибольшевистскими силами по всей России, то цели крестьянства были гораздо более приземленными. Сельское население требовало, прежде всего, организации свободной торговли хлебом (не только своим, но и из соседней Вятской губернии), а также выступало за Советы без большевиков и за формирование самостоятельного Уренского уезда, который предполагалось включить в состав Вятской губернии¹⁴. Трудно сказать, насколько в полной мере два последних требования разделяли широкие крестьянские массы Уренского края. Скорее всего, это были чаяния местной интеллигенции. Однако с требованием организации свободной торговли хлебом со стороны крестьян как одной из целей восстания невозможно не согласиться.

М. А. Балдин в своей работе приводит факты, связанные с репрессиями в отношении участников Уренского мятежа. К примеру, в Ветлуге было расстреляно 27 человек. Ссылаясь на данные Костромского ГубЧК и Варнавинского УЧК, автор сообщает, что с августа по декабрь 1918 г. 57 человек было расстреляно, а свыше ста мятежников осуждены к различным срокам тюремного заключения. Исследователь полагает, что «кровь, пролитая от рук большевистских чекистов», в значительной степени превзошла кровь, пролитую восставшими¹⁵. Ответственность за кровопролитие М. А. Балдин возлагает исключительно на «непродуманную политическую и продовольственную диктатуру большевиков»¹⁶. Данные о репрессированных историком взяты, прежде всего, из местных газет «Северный рабочий» и «Коммунист» и Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГКУ ГОПАНО). Оценивая общее число жертв противостояния, М. А. Балдин пишет о «несколь-

провинция в годы революции и гражданской войны 1917–1922 гг.: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 ноября 1997 г. Н. Новгород, 1998. С. 247–249 и др.

¹⁴ Балдин М. А. На переломе // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://varnavin2.narod.ru/na_perelome.htm#_edn32 (дата обращения 23.03.2024).

¹⁵ Там же. Аналогичный вывод содержится в более ранней работе М. А. Балдина, впервые опубликованной в краснобаковской газете «Вперед» в 1992 г. См.: Балдин М. А. Уренский мятеж (к событиям августа, сентября 1918 года) // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: <https://life.kostromka.ru/urensky-myatezh-24131/> (дата обращения 23.03.2024).

¹⁶ Балдин М. А. На переломе // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://varnavin2.narod.ru/na_perelome.htm#_edn32 (дата обращения 23.03.2024).

ких сотнях человек»¹⁷. Краевед, резюмируя, высказывает мнение о том, что продовольственная политика большевиков привела сельское хозяйство в упадок, резко уменьшило площади посева¹⁸.

Есть сомнения, что данные по жертвам восстания, приведенные в книге М. А. Балдина, являются полными и исчерпывающими. В этой связи вполне справедливо мнение писателя и журналиста С. В. Скатова о том, что вряд ли в тех условиях кто-то учитывал число всех погибших. Скатов выразил сомнение в том, что эти данные есть вообще¹⁹. Автор этих строк лично слышал рассказы ветлужских краеведов о том, что расстрелы большевиками заложников производились в районе деревни Хвастово Ветлужского уезда (в 4 км от г. Ветлуги). Рассказы об этих расстрелах передавались из уст в уста в течение более девяноста лет, по крайней мере, через 4–5 человек, представителей разных поколений. Согласно устному преданию, первоисточник – один из исполнителей, лично расстрелявший заложницу, воспитанницу петроградского Института благородных девиц, гостившую в Ветлуге на каникулах. Естественно, о степени достоверности этих рассказов судить практически не возможно.

Стоит отметить, что труды М. А. Балдина, касающиеся изучения истории Уренского восстания, привели к определенному переосмыслению в обществе событий, имевших место в 1918 г. в Варнавинском и Ветлужском уездах. Так, если в конце 1980-х гг. экспозиция Ветлужского краеведческого музея рассказывала о «белогвардейском мятеже», а посетителям демонстрировались фотографии обожженных трупов убитых мятежниками большевиков, то в настоящее время эти фотографии в музее уже не экспонируются. С другой стороны, сравнительно недавно усилиями ветлужского краеведа и почетного гражданина г. Ветлуги, писательницы А. Я. Чадаевой, на предполагаемом месте расстрела большевиками участников восстания на Ветлужском городском кладбище установлен памятный крест с табличкой, где перечислены имена расстрелянных, содержащиеся в книге М. А. Балдина. Впрочем, на центральной площади г. Ветлуги с советских времен сохраняется монумент на месте братского захоронения расстрелянных участниками мятежа представителей советской власти.

¹⁷ Балдин М. А. На переломе // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://varnavin2.narod.ru/na_perelome.htm#_edn32 (дата обращения 23.03.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Скатов С. В. Змиевы валы. К 100-летию «забытого» мятежа // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/17/zmievyy_valy_k_100letiyu_zabytogo_myatezha/ (дата обращения 23.03.2024).

В 1999 г. в Урене вышел историко-краеведческий сборник под названием «История Ветлужского края», который содержит как исторические источники, так и исследования краеведов. В частности, в книге опубликованы имена семи расстрелянных за участие в «вооруженном белогвардейском восстании» 30 ноября 1918 г. по постановлению Ветлужской уездной чрезвычайной комиссии (список взят из газеты «Ветлужская правда», № 21, 14 декабря 1918 г.)²⁰. Аналогичный список приводит в своем исследовании М. А. Балдин, однако он использовал данные из варнавинской газеты «Коммунист»²¹; в обоих списках совпадают фамилии только пяти человек, фамилии шестого расстрелянного расходятся, фамилию седьмого расстрелянного Балдин не смог установить по причине ветхости газеты «Коммунист». Сегодня стало известно, что часть обвиненных в участии в мятеже уроженцев г. Ветлуги была расстреляна в других городах. Так, бывший председатель Ветлужской уездной земской управы, коллежский секретарь П. Е. Шабаров был расстрелян по постановлению Яранской ЧК (г. Яранск Вятской губернии) от 28 октября 1918 г.²²

Оценка событий, происходивших в Ветлужском и Варнавинском уездах летом 1918 г., как «белогвардейского мятежа» содержится в коллективной монографии «Ветлуга – сиреневый город», изданной в 2008 г.²³ Участников восстания вслед за советскими историками авторы этого труда именуют контрреволюционерами²⁴, о недовольстве крестьян политикой продовольственной диктатуры большевиков в работе говорится вскользь²⁵, зато обращается внимание на выступления эсеров в Ярославле, Рыбинске, Муроме и других городах, начавшиеся чуть ранее Уренского мятежа, и с которыми авторы пытаются связать последующие события в Урене и Ветлуге. Кроме того, наряду с эсеровскими мятежами в книге почему-то упомянуто «наступление Колчака»²⁶, тогда как в период Уренского восстания будущий «верховный правитель России» еще находился в Японии, покинув «страну восходящего Солнца» только 16 сентября 1918 г.

²⁰ История Ветлужского края. Историко-краеведческое издание. Урень, 1999. С. 124–125.

²¹ Балдин М. А. На переломе // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://varnavin2.narod.ru/na_perelome.htm#_edn32 (дата обращения 23.03.2024).

²² Шабаров Павел Ефимович (1865). Открытый список // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Шабаров_Павел_Ефимович_\(1865\)](https://ru.openlist.wiki/Шабаров_Павел_Ефимович_(1865)) (дата обращения 23.03.2024).

²³ Ветлуга – сиреневый город. Нижний Новгород, 2008. С. 80–84.

²⁴ Там же. С. 80.

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Там же. С. 80.

По словам авторов книги, «воспользовавшись тем, что гарнизон (красноармейцев. — Д. С.) находился в Варнавине и мятежных волостях, пригласив на помощь отряд уренских мятежников, белогвардейцы совершили в Ветлуге контрреволюционный переворот»²⁷. Какой-либо оценки происшедшим в августе-сентябре 1918 г. в Урене и Ветлуге событиям авторы книги не дают, ограничиваясь констатацией фактов, однако, по их данным (без ссылки на источник), «в первые дни после подавления восстания в Урене было расстреляно около 60 мятежников»²⁸.

В изданном в 2018 г. путеводителе по Ветлужскому району Уренскому мятежу посвящен один абзац, содержание которого в целом также повторяет основные выводы советской историографии. В частности, говорится о том, что «зажиточные хозяева Уренской волости оказали сопротивление продотряду, который был направлен туда за излишками хлеба для голодающих»²⁹. Восстание характеризуется как мятеж³⁰, обращается внимание на казнь восставшими «руководителей законной уездной власти», под которой авторы путеводителя понимают местный Совет³¹. Несмотря на то, что в работе не делается подробный анализ причин, итогов, последствий восстания, уже из вышеприведенных цитат становится ясно, что ее автор (Н. В. Морохин) в целом не противоречит советской трактовке событий 1918 г.

Вместе с тем, за последние годы появилось много научных и публицистических работ, авторы которых вслед за М. А. Балдиным пытаются пересмотреть советские представления об Уренском восстании. Так, уже упоминавшийся нами нижегородский писатель и журналист С. В. Скатов, оценивая причины, итоги и последствия Уренского мятежа, пишет о «русской Вандее», которую характеризует как «неслыханную по озлобленности и масштабам» в условиях братоубийственной гражданской войны³². События Гражданской войны видятся автору работы следствием краха в

²⁷ Ветлуга – сиреневый город. Нижний Новгород, 2008. С. 81.

²⁸ Там же. С. 83.

²⁹ Ветлужский район. Путеводитель. Нижний Новгород, 2018. С. 68.

³⁰ Там же. С. 69.

³¹ Там же. С. 70.

³² Скатов С. В. Змиевы валы. К 100-летию «забытого» мятежа // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/17/zmievy_valy_k_100letiyu_zabytogo_myatezha/ (дата обращения 23.03.2024).

стране православной морали и замены ее со стороны большевиков «классовыми нравственными устоями»³³.

В 2018 г. вышел в свет сборник под названием «Гражданская война и Нижегородский край», приуроченный к столетию начала Гражданской войны³⁴. Издание подготовлено нижегородским историческим обществом «Отчизна». Помимо научных исследований по данной проблематике, в сборнике опубликован ряд мемуарных источников. В частности, в нем опубликована рукопись под названием «История повстанческого движения в селе Урене и его участники», составленная неизвестным прапорщиком, непосредственным участником событий, и найденная в наше время на чердаке дома в поселке Макарьево Лысковского района Нижегородской области³⁵. Этот материал дает представление об Уренском восстании с противоположной, «белогвардейской» стороны. Его сопровождает предисловие³⁶, где продовольственная политика большевиков подвергается резкой критике, характеризуется как «волютаристская» и «жестокая»³⁷. Говорится и о том, что продовольственная политика большевиков сопровождалась «самым разнузданным грабежом всего и вся под видом реквизиций и контрибуций»³⁸. О жертвах со стороны красных в предисловии вообще ничего не говорится, однако обращается пристальное внимание на «массовый красный террор в Поветлужье», «огульный красный террор», который, по мнению автора предисловия к публикации, стал главной причиной партизанского движения в Заветлужье в ходе Гражданской войны. При этом делается следующий вывод: «Такова была кровавая цена ленинского революционного эксперимента и его неотъемлемой части – гражданской войны, о чем полубезумный "вождь пролетариата" страстно мечтал всю свою жизнь»³⁹.

В книге также представлен «Список участников Ветлужского восстания 29.08–5.09.1918 г.», который составлен современными историками по материалам Центрального архива Нижегородской области. В списке со-

³³ Скатов С. В. Змиевы валы. К 100-летию «забытого» мятежа // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/17/zmievy_valy_k_100letiyu_zabytogo_myatezha/ (дата обращения 23.03.2024).

³⁴ Гражданская война и Нижегородский край / Ред.-сост. С. А. Смирнов. Нижний Новгород, 2018.

³⁵ Там же. С. 230–243.

³⁶ Его автором, по-видимому, является редактор-составитель сборника С. А. Смирнов.

³⁷ Там же. С. 230.

³⁸ Там же. С. 231.

³⁹ Там же. С. 233.

держится 99 фамилий (часто без указания имени и отчества)⁴⁰. Насколько он действительно полный, как мы уже отмечали, судить трудно.

Историк С. В. Завьялова, повторяя тезис М. А. Балдина о «непродуманной жестокой антикрестьянской политике, которая привела к расколу в деревне»⁴¹, вслед за советскими исследователями пишет о том, что Уренское восстание необходимо рассматривать в контексте антисоветских вооруженных выступлений 1918 г. в Поволжье⁴². Стоит отметить, что кандидатская диссертация⁴³ и монография⁴⁴ С. В. Завьяловой основаны на широком спектре исторических источников, в том числе впервые введенных исследователем в научный оборот (документы из фондов Государственного архива Костромской области, Государственного архива новейшей истории Костромской области, Российского государственного архива социально-политических исследований и др.), что представляет несомненную научную ценность. Автор также дает историографический обзор проблемы⁴⁵, в котором, однако, преимущественно анализируются общие работы по истории Гражданской войны в целом⁴⁶, а не труды по истории непосредственно Уренского восстания (их весьма мало в количественном отношении)⁴⁷. Впрочем, выводы, сделанные автором диссертации, на наш взгляд, весьма банальны. Так, С. В. Завьялова пишет, что «восстание 1918 г. в Поволжье было ярким локальным проявлением противоборства социально-политических сил в условиях гражданской войны», и в нем «нашли отражение как общероссийские проблемы, так и трудности, противоречия, свойственные данному региону»⁴⁸.

Ряд исследователей обращают внимание на некоторые важные обстоятельства, связанных с Уренским восстанием 1918 г. К примеру, И. С. Наградов, не отрицая достижения советской историографии, харак-

⁴⁰ Гражданская война и Нижегородский край / Ред.-сост. С. А. Смирнов. Нижний Новгород, 2018. С. 362–364.

⁴¹ Завьялова С. В. Народное восстание 1918 года в Поволжье // Вестник Чувашии. 2010. Вып. 2. С. 25.

⁴² Там же. С. 20.

⁴³ Завьялова С. В. Восстание в Поволжье как часть крестьянской войны 1918 года. Автореф. дис. ... к. ист. н. Нижний Новгород, 2012.

⁴⁴ Завьялова С. В. Крестьянское восстание в Поволжье 1918 г. Нижний Новгород, 2014.

⁴⁵ Там же. С. 4–13.

⁴⁶ Там же. С. 4–11.

⁴⁷ Там же. С. 13–18.

⁴⁸ Там же. С. 28.

теризовавшей эти события как «кулацко-белогвардейский» мятеж⁴⁹, делает акцент на старообрядческой составляющей восстания⁵⁰. По словам исследователя, уренские старообрядцы, недовольные продовольственной политикой большевиков, явились главными инициаторами восстания, затем к ним присоединились помещики, эсеры, офицеры и другие участники мятежа⁵¹. Помимо социально-экономических причин, Наградов пишет о религиозной составляющей, об «эсхатологических представлениях» старообрядцев различных толков и согласий, которые в сложившейся ситуации, учитывая общность торгово-экономических интересов, оказались способными объединиться против большевиков. Историк полагает, что именно старообрядцы-беспоповцы играли ведущую роль в организации мятежа, поскольку в их среде эсхатологические представления были распространены в большей степени, чем среди остальных старообрядцев⁵². Также исследователь обращает внимание на «наивный монархизм» уренских крестьян, зачастую положительно воспринимавших В. И. Ленина как своего рода «красного царя» (в частности, к основателю Советского государства они направили своего ходока, просившего защитить их от произвола местных Советов), но не понимавших сущности продовольственной политики большевиков и резко отрицательно относившихся к местной советской власти⁵³.

Подобно И. С. Наградову, А. В. Жарков в статье о событиях, предшествовавших восстанию, пишет об «общей ненависти старообрядческого населения к безбожникам», однако вслед за советскими исследователями делает акцент на кулацком характере восстания, обращая внимание на тот факт, что кулаки прятали хлеб от продотрядов, гноили его. Вместе со старообрядческим фактором это обстоятельство, по мнению историка, создавало благоприятную почву для организации в Урене и Ветлуге восстания⁵⁴.

В небольшой по объему статье мы проанализировали некоторые научные и публицистические труды советского и постсоветского периода, так или иначе связанные с Уренским восстанием 1918 г. Анализ и обобщение

⁴⁹ Наградов И. С. Костромские крестьяне-старообрядцы в условиях революционных потрясений (1918 – начало 1920-х годов). С. 64.

⁵⁰ Там же. С. 63.

⁵¹ Там же. С. 64.

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Жарков А. В. События, предшествующие восстанию в Варнавинском уезде Костромской губернии // Карповские чтения: сб. статей. Арзамас, 2016. Вып. 6. С. 78.

изученных материалов позволяют сделать следующие выводы. Советская историография рассматривала события лета–осени 1918 г. в Ветлужском и Варнавинском уездах как контрреволюционный белогвардейско-кулацкий мятеж, главная цель которого – свержение советской власти, установление контактов с белогвардейцами по всей стране. Акцентировалось внимание на жертвах со стороны большевиков. С конца 1980-х гг. и особенно с 1990-х гг., после падения советской власти, появились новые подходы к изучению этих событий. Если советская историография характеризовала Уренское восстание как «вооруженный кулацко-белогвардейский мятеж», теперь многие исследователи стали называть его народным восстанием, отмечая факт участия в нем совершенно разных политических сил, преследовавших совершенно разные цели. Вместе с тем, постсоветская историография не выработала единого подхода к изучению данных событий. Во многом их оценка по-прежнему диктуется политическими симпатиями тех или иных авторов. Однако практически все современные исследователи не отрицают того факта, что одной из главных причин восстания явилось недовольство крестьян продовольственной политикой большевиков. По-прежнему существует разброс в оценках количества жертв восстания, что объясняется, в первую очередь, далеко не полными статистическими данными, которые имеются в распоряжении исследователей.

М. А. Балдин еще в 1992 г. писал о том, что «нанесенные обществу раны продолжали долго кровоточить и не зажили до нашего времени»⁵⁵. С тех пор прошло более тридцати лет. Давно нет в живых участников и свидетелей восстания, давно нет в живых и самого Балдина, однако неиссякаемый интерес среди историков, писателей и публицистов, по-разному оценивающих события восстания, произошедшие более ста лет назад, говорит об актуальности слов краеведа и в наше время.

⁵⁵ Балдин М. А. Уренский мятеж (к событиям августа, сентября 1918 года) // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: <https://life.kostromka.ru/urensky-myatezh-24131/> (дата обращения 23.03.2024).

III. НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Д. И. Стогов

Рецензия на книгу: Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024

Монография известного петербургского историка, доктора исторических наук Андрея Александровича Иванова посвящена деятельности правых партий Российской империи. В последние десятилетия, в связи с уходом в прошлое различного рода идеологических препонов и запретов, а также в связи с наметившимся в последнее время определенным «консервативным поворотом» в сознании как власть предержащих, так и в российском обществе в целом возрос интерес к изучению русского консерватизма дореволюционной эпохи. За последние тридцать с лишним лет вышло в свет множество монографий и научных статей, посвященных русским правым. Среди них – труды Ю. И. Кирьянова¹, С. А. Степанова², И. В. Омелянчука³, А. Д. Степанова⁴, А. В. Репникова⁵, С. М. Саньковой⁶, Д. А. Коцюбинского⁷, М. Л. Размолодина⁸, А. А. Иванова⁹, Д. И. Стогова¹⁰ и многих других.

В этих и других работах исследователям в значительной степени удалось преодолеть идеологическую «зашоренность», пересмотреть многие

¹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России (1911–1917). М., 2001; Он же. Русское собрание 1900–1917. М., 2003 и др.

² Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Он же. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013.

³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006.

⁴ Степанов А. Д. Черная сотня: взгляд через столетие. СПб., 2000.

⁵ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Он же. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

⁶ Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.

⁷ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

⁸ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010; Он же. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль, 2010.

⁹ Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2006. Он же. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

¹⁰ Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007. Он же. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.): монография. СПб., 2020.

распространенные мифы о правых (например, разоблачен широко известный миф об организации руководителями черносотенных партий и союзов еврейских погромов), выявить много новых, ранее не известных фактов.

В 2022 г. в Москве ограниченным тиражом вышел первый том коллективной монографии о политических партиях России конца XIX – начала XX вв., который был написан А. А. Ивановым и был посвящен правым партиям¹¹. Сам исследователь определил свою работу как «обобщающий труд, дающий целостное представление об истории русского правого движения начала XX в.»¹². Он отмечает, что до сего времени отсутствовали работы, которые охватывали бы историю правых партий (от черносотенцев до националистов) за весь период их существования в царской России¹³.

Вышедшая в 2024 году в издательстве «Владимир Даль» монография А. А. Иванова является, по сути дела, расширенным, дополненным и переработанным переизданием упомянутого первого тома коллективной монографии. Анализируя содержание этих трудов, отметим, что они являются первым в историографии опытом переосмысления всей истории дореволюционных правых политических организаций (от черносотенцев до русских националистов). Подобного рода обобщающего научного труда до сих пор не было. В этом несомненная новизна монографии А. А. Иванова «Правые партии Российской империи». По сути дела, это в некоторой степени подведение итогов современной историографии русских дореволюционных правых. До сих пор исследователи обычно анализировали деятельность черносотенцев (крайне правых) и русских националистов порознь, что наглядно видно хотя бы из приведенных в настоящей рецензии ссылок на основные труды историков по русскому консерватизму. Рассмотрение и черносотенцев, и русских националистов в одной монографии представляется оправданным, так как и те, и другие представляют собой как бы две ветви единого правого политического спектра Российской империи периода ее заката. К тому же, многие лидеры и участники правых организаций в разные исторические периоды входили как в черносотенные, так и в националистические организации. В частности, это касается В. В. Шульгина, который начинал как член черносотенного Союза

¹¹ Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М., 2022. Т. 1: Консервативные партии / А. А. Иванов.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Там же. С. 54.

русского народа, но получил широкую известность как один из активистов Всероссийского национального союза.

А. А. Иванов справедливо обращает внимание на тот факт, что отдельные попытки создания обобщающего труда по всем без исключения русским правам Российской империи ранее все же предпринимались, однако оказались неудачными. В их числе – книга О. К. Антропова, которая, во-первых, сильно грешит публицистическим стилем и не является, в отличие от трудов А. А. Иванова, строго научной монографией, а во-вторых, автор практически полностью проигнорировал достижения отечественной историографии последних двадцати лет, ограничившись пересказом публицистических и некоторых научных трудов периода конца 1990-х – начала 2000-х гг.¹⁴

В своей монографии А. А. Иванов не ограничивается пересказом уже известных науке сюжетов. Он подробно излагает некоторые сюжеты, малоизвестные не только широкому читателю, но даже специалистам по отечественной истории начала XX в. Поражает и внушительный объем книги А. А. Иванова – 735 страниц.

Монография состоит из трех частей. Первая часть книги, состоящая из трех глав, посвящена генезису, становлению, структуре, составу и численности правых организаций. Во второй части монографии, состоящей из девяти глав, проанализированы идеология и основные программные положения правых. В третьей части монографии, которая состоит из пяти глав, речь идет о деятельности и политической практике русских правых.

Остановимся на основных выводах, сделанных автором монографии. В частности, А. А. Иванов справедливо отмечает, что становление правого политического спектра в Российской империи происходило в тяжелых драматических условиях революции 1905–1907 гг., когда само существование монархии в России было поставлено под угрозу. В этой связи русские правые выступили как «последние защитники монархии», как традиционалисты, ратовавшие за возвращение к «старому доброму времени»¹⁵. Тем не менее, их деятельность осуществлялась уже в новых политических реалиях – с подписанным императором Манифестом 17 октября 1905 г., с Государственной думой и развитием парламентаризма. Волей-неволей русские правые были вынуждены встраиваться в эти новые реалии –

¹⁴ Антропов О. К. Русское праворадикальное движение (1905–1945). Ч. 1. Черная сотня и русский национализм в 1905–1917 гг. Астрахань, 2022.

¹⁵ Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 711.

включаться в политическую борьбу, заниматься партийным строительством, участвовать в выборах в Государственную думу, работать с представителями тех или иных сословий и различных социальных групп, с молодежью и т. д. В итоге правые за короткий срок своего существования — с начала 1900-х гг. по февраль 1917 г., когда в результате Февральской революции на их легальной деятельности новыми революционными властями фактически был поставлен крест — сумели не просто достичь многого, но и стать неотъемлемой частью политической жизни страны, а также формирующегося гражданского общества в целом. В этой связи А. А. Иванов особо подчеркивает, что «самоорганизовавшиеся правые союзы не только занимались сугубо партийным строительством и политической работой, но и создавали экономические, правозащитные, благотворительные, церковные, трезвеннические и спортивные общества; уделяли немало внимания духовной и культурной сфере — религии, просвещению, образованию, искусству, литературе; способствовали пробуждению социальной активности российских подданных»¹⁶.

Сравнивая революционный терроризм и отдельные факты участия черносотенцев в террористической деятельности, А. А. Иванов справедливо подчеркивает, что эти отдельные незначительные факты «не могут быть сопоставлены по своему масштабу с террористической деятельностью левых»¹⁷. Кроме того, отмечает он, лидеры правых практически всегда отмежевывались от участия отдельных своих представителей в погромах¹⁸. Важными представляются и выводы исследователя относительно судьбы консервативной идеологии в России. Признавая, что к 1917 г. русские правые испытали крах, А. А. Иванов обращает внимание на то, что многие идеи русских консерваторов (призывы навести порядок в стране, укрепить государство, преобразования в области идеологии, образования, культуры, воспитания и т. д.) «частично нашли свое воплощение в сталинском СССР»¹⁹. Впоследствии эти идеи творчески перерабатывались в произведениях русских писателей-«деревенщиков» и представителей православного направления в диссидентском движении 1960–1980-х гг.²⁰

Значительная часть идей, высказанных правыми в начале XX в., не теряет актуальности и теперь. А. А. Иванов особо подчеркивает, что «пра-

¹⁶ Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 712.

¹⁷ Там же. С. 547.

¹⁸ Там же. С. 548.

¹⁹ Там же. С. 713.

²⁰ Там же. С. 714.

вые партии дореволюционной России были одним из проявлений русского традиционализма со всеми его достоинствами и недостатками, который, пусть в иных формах, продолжает отстаивать свое право на существование и в настоящее время»²¹.

Монография А. А. Иванова богато иллюстрирована. Многие иллюстрации извлечены автором из архивов и впервые опубликованы. К примеру, в книге опубликованы: фотопортрет лидера Союза русского народа А. И. Дубровина из собрания Государственного архива Российской Федерации; групповая фотография депутатов-националистов в IV Государственной думе (В. Я. Демченко, П. Н. Крупенский, А. И. Савенко, В. В. Шульгин) из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов; групповая фотография членов Союза русских женщин в маскарадных костюмах у павильона, расписанного по рисунку художника А. Г. Михалева (Санкт-Петербург, 1912 г.), из фондов этого же архива; групповая фотография членов Русского собрания (Санкт-Петербург, 1903 г.) из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов; групповая фотография членов Боевой дружины Союза русского народа (период революции 1905–1907 гг.) из собрания Государственного центрального музея современной истории России и др.

При всех несомненных достоинствах монографии А. А. Иванова следует отметить, что многие из рассмотренных в ней сюжетов требуют своего дальнейшего изучения и переосмысления. В частности, это касается такой важной стороны деятельности правых организаций, как их участие в борьбе с пьянством и за утверждение трезвости²². До настоящего времени чуть ли не единственной монографией, посвященной этой важной проблеме, остается книга томского исследователя А. Л. Афанасьева, вышедшая еще в 2007 г.²³ Исследователь многие годы посвятил изучению дореволюционных обществ и братств трезвости, прежде всего, церковных. За последние годы выявлено много новых фактов, связанных с участием русских правых в работе обществ трезвости, в организации грандиозных трезвеннических крестных ходов по всей России, которые были приурочены к великим христианским праздникам – Пасхе, Усекновению главы святого пророка Иоанна Предтечи и др. Изучение этого и многих других

²¹ Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 717.

²² Там же. С. 345–350.

²³ Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества: монография. Томск, 2007.

сюжетов, связанных с деятельностью русских правых, еще предстоит исследователям русского консерватизма.

Отметим, что, безусловно, монография А. А. Иванова «Правые партии Российской империи» имеет огромное просветительское значение и может быть использована в процессе преподавания истории политических партий России и для составления учебных курсов, связанных с политической историей России. Исследователь в своем труде всестороннее использовал достижения современной историографии, переосмыслил их. Написанная хорошим русским языком, монография будет, несомненно, интересна не только исследователям отечественной истории, но и широкому кругу читателей.

IV. ПЕРСОНАЛИИ

Т. А. Абросимова

К юбилею профессора Рабиновича

Лето 1990 г. было жарким, но в читальном зале партийного архива,¹ находившегося в здании построенном Джакомо Кваренги в начале XIX века, летом всегда прохладно. В августе, как правило, исследователей бывает мало, а в 1990 г., когда многое менялось в нашем обществе, к партийным документам, казалось, интерес был совсем потерян. Единственный исследователь, который приходил к открытию и уходил с последним звонком, был известный ученый-историк американский профессор Рабинович, много занимавшийся изучением большевистской партии периода 1917 г. Интеллигентный, очень приятной внешности человек с аккуратной бородкой, он сидел полностью погруженный в документы. Профессор Рабинович первый американский исследователь, которому, за все время существования партийного архива, разрешено было работать здесь.

Нас познакомила, в прошлом моя коллега и незабываемый друг, ст. научный сотрудник Института истории партии Ленинградского Обкома КПСС², признанный специалист в изучении социально-политической истории и истории революционного движения в России в начале XX в. д.и.н. Т. П. Бондаревская (к сожалению, ее уже нет с нами).

В то время, мы работали над сбором материалов к сборнику протоколов Петербургского комитета РСДРП(б) за 1917 г. Знакомство с профессором Рабиновичем было настоящей удачей. Общаясь с ним, мы убедились, что Алекс обладает такой колоссальной исторической эрудицией, что от общения с ним создавалось впечатление, что свободное пространство заполняется пространством мысли и эта мысль многомерна и многогранна.

Мы с радостью использовали возможность в личных беседах, иногда за чашкой чая в небольшом рабочем помещении читального зала архива, обсуждать вопросы, прежде всего связанные с деятельностью петроградских большевиков, а также другие исторические проблемы. Когда мы от-

¹ Ленинградский партийный архив (ЛПА) 16 декабря 1991г был переименован в Центральный государственный архив историко-политических документов. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

² Институт истории партии Ленинградского Обкома КПСС реорганизован в декабре 1991 г. переименован в Ленинградский институт историко-политических исследований (ЛИИПИ). В июле 1996 г. ликвидирован.

влекались от наших «ученых» разговоров, Алекс, обладающий прекрасным чувством юмора, делал наше общение легким и непринужденным.

После завершения пребывания профессора Рабиновича в России, наши деловые контакты не прекратились. В основном, Алекс перезванивался и переписывался с Т. П. Бондаревской. Таисия Павловна предложила включить А. Рабиновича в наш коллектив составителей (Т. П. Бондаревская, Т. А. Абросимова, Е. Т. Лейкина, В. Ю. Черняев) по работе над сборником протоколов Петербургского комитета РСДРП(б) за 1917 г. Мы это предложение однозначно поддержали. Если посмотреть сборник, то там можно увидеть два введения. Одно написано А. Рабиновичем, а второе совместно Т. П. Бондаревской и мной. В дальнейшем эту практику двух введений мы использовали при издании сборников протоколов Петербургского Комитета РСДРП(б) – РКП(б) за 1918 и 1919 годы. Наш коллектив менялся, но профессор Рабинович был неизменным автором. Его высоко профессиональные введения открывают все сборники.

С изданием сборника за 1917 г. и за последующие годы всегда были, к сожалению, проблемы. В трудные 90-е, все наши усилия найти финансирование на публикацию протоколов за 1917 г. ни к чему не привели. А. Рабинович обратился в американское консульство в С. Петербурге и, благодаря его усилиям, нам выделили часть средств. Начало было положено. А затем недостающую сумму предоставил Смольный институт свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. В итоге сборник был издан в 2003 г.³

Не могу не сказать еще об одной проблеме, которую помог решить профессор Рабинович. Часть протоколов Петербургского комитета РКП(б) за 1919 г. хранится в Москве в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Командировки в Москву для нас были затруднительны, а Алекс Рабинович имел возможность работать в читальном зале этого архива продолжительное время. Он смог выявить и скопировать все протоколы и переслать нам в Санкт-Петербург для комментирования. На последнем этапе работы над сборником, нам оставалось только еще раз сверить все с подлинниками, и длительное пребывание в Москве не понадобилось.

³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний/ред. коллегия Т. А. Абросимова, Т. П. Бондаревская, А. Рабинович. СПб.: Изд-во «Бельведер», 2003.

Безусловно, профессор Рабинович постоянно оказывал и оказывает неоценимую помощь в нашей работе не только над сборниками, но и в наших исследованиях. Мы ему очень благодарны.

Ждем с нетерпением его монографию о 1919 г. По моему глубокому убеждению, Алекс Рабинович один из самых талантливых, объективных и ярких ученых в мире.

В настоящее время мы перезваниваемся и ведем интересные профессиональные диалоги с Алексом, а на отвлеченные темы чаще разговариваем с его замечательной женой Джанет.

Хочется пожелать этой чудесной семье здоровья и большого счастья! А Алексу дальнейших научных трудов и открытий!

Тихий американец

В августе 2024 года исполнилось 90 лет известному американскому историку Русской революции Александру Евгеньевичу Рабиновичу, который знакомым предпочитает представляться как Алекс.

Его жизненная биография так же интересна, как и научная, и первая во многом повлияла на вторую. Он потомок мигрантов из России, его будущий отец три года отучился в Петербургском университете, но в условиях гражданской войны эмигрировал в Германию. В 1933 г. судьба снова спасла его: из фашисткой Германии он уехал в Лондон и впоследствии стал известным ученым-химиком, сотрудничал с А. Эйнштейном, был одним из инициаторов Пагуошского движения ученых, которое стало важной частью Движения сторонников мира. Его бабушка была ученицей А. Рубинштейна, будущая мама также эмигрировала из России в годы Гражданской войны. Алекс с братом-близнецом родились в 1934 г. в Лондоне, а в 1938 г. накануне войны семья переехала в США, где он получил образование и стал ученым.

Обстоятельства жизни Алекса сыграли важную роль в выборе им профессии историка и пробудили интерес к истории Русской революции. Как рассказывал сам Алекс, в их доме часто собирались соседи-эмигранты, вели дискуссии о событиях в России. Он помнит, что сидел на коленях у приходившего в гости А. Ф. Керенского. Постоянными участниками встреч были известные историки эсер М. М. Карпович и меньшевик Б. И. Николаевский, собиратель социал-демократического архива (часть которого я смог просмотреть во время стажировки в Амстердаме в архиве Второго Интернационала). Встречи и беседы эмигрантов формировали первоначальное негативное отношение Алекса к Русской революции, усиленное атмосферой эпохи маккартизма, в которой проходило научное становление молодого историка. Однако работа с историческими документами постепенно привела к тому, что он сумел преодолеть грубые антисоветские взгляды западных консервативных историков на большевиков как на «узурпаторов», а на революцию как на верхушечный переворот. Алекс сумел выработать и предложить собственную альтернативную версию истории революции с акцентом на действия широких масс и на большевиков, поддержавших их требования. Алекс никогда не претендовал на абсолютную истину своих подходов и оценок и демонстрировал редкую способность и

готовность не только уважать чужое мнение, но и считаться с ним, в чём-то соглашаться, использовать и заимствовать чужой опыт и знания. Эти качества помогли ему познакомиться и наладить сотрудничество практически со всеми известными историками Петербурга и Москвы, участвовать в конференциях, проводимых в России, и публиковаться в коллективных монографиях, издаваемых в нашей стране. Но еще большее значение имела возможность приехать в СССР для научной работы в архивах. Он приехал в 1990 г. ещё в Ленинград и стал первым американским историком, которому позволили работать в Партийном архиве (ныне ЦГАИПД СПб.). По его признанию, огромную помощь консультациями и в поиске новых документов ему оказала моя мама, д.и.н. Т. П. Бондаревская, старший научный сотрудник Института истории партии, а после расформирования института и переезда архива в новое здание — старший археограф ЦГАИПД (1992–2009 гг.). В этот период Алекс стал почти каждый год, а то и дважды, приезжать в продолжительные командировки в Петербург для работы в архивах. Благожелательная ко всем, Т. П. Бондаревская взяла над ним шефство. Убедившись в его научной объективности и личной порядочности, она помогла Алексу получить доступ к тем фондам и документам, которые ранее были закрыты. Поскольку в архиве тогда еще не было буфета, мама с коллегами приглашали Алекса в свой кабинет на чай и беседы, которые переросли в дружеские отношения, выразившиеся, в том числе, и в приглашения Алекса к нам домой на пироги и разговоры, а порой и совместное пение с моим отцом, обладавшим хорошим голосом и тоже гуманитарием. В одно из таких домашних чаепитий я и познакомился с Алексом, заскочив к родителям с лекций в СПбГУ. Поскольку я тоже историк и преподавал не только отечественную, но и мировую историю, у нас быстро нашлись собственные темы для обсуждений. Несмотря на разницу в возрасте и научном звании, между нами постепенно сложились добрые взаимоотношения, допускающие юмор, подтрунивания и возможность с моей стороны спорить, невзирая на звания и ранги. Я старался помочь Алексу в бытовых вопросах, в том числе встречал в аэропорту и помогал заселиться в апартаменты, или, наоборот, отвозил его с тяжелыми чемоданами книг в аэропорт и провожал до самой стойки. Во время своих приездов Алекс покупал и получал от коллег огромное количество книг по истории и культуре России, ценил и покупал живопись. Я помогал оформить посылки с книгами на почте и отправить в его домашнюю библиотеку в Блумингтоне. Несколько раз Алекс селился на Моховой улице, недалеко от известного в начале XX века бывшего Тенишевского 8-

летнего училища, которое закончил его отец (выпускниками были О. Мандельштам, В. Набоков и другие известные впоследствии петербуржцы), сейчас там Учебный театр и Институт сценических искусств. Недалеко на ул. Жуковского сохранился и старинный дом, где до революции была квартира его предков.

Алекс оказался не совсем типичным, если не сказать — совсем не типичным американцем: абсолютно без западного снобизма, надменности и чувства обамовской «исключительности». Невысокий, подтянутый, со спортивными традициями, любящий пешие прогулки по городу. Правда, эта его привычка привела однажды к эксцессу — на Кирочной из подворотни на него набросились местные хулиганы, пытались отнять портфель. Вопреки американской привычке сразу всё отдавать тамошним бандитам, наш тихий американец стал сопротивляться и удержал свою сумку, в которой не было ни денег, ни документов, а всего лишь один пилотный вариант его новой книги. Хотя и с синяком под глазом, он очень радовался, что может без промедления приступить к корректировке своего труда. Вот такой научный подвиг.

Алекс очень приветливый, общительный, разговорчивый. Скромный в быту, с чувством юмора и самоиронии, постоянно извиняющийся за свой русский. Но приезжая ежегодно в Россию в командировку на месяц и более, он к концу срока начинал говорить свободнее и увереннее, хотя и с американским акцентом. Доклады он делал на русском языке, но тщательно к ним готовился, проговаривал слова, иногда советовался по поводу правильности предложений и произношения.

Алекс, будучи удивительно целеустремлённым и усидчивым исследователем, приходил в архив к открытию, и уходил, когда залы уже закрывались. Конечно, такая работоспособность импонировала сотрудникам архива, они пытались ему всячески помочь. Результатом его архивных изысканий стали несколько книг, в том числе и знаменитая «Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде» (М., 2007), написанная на очень серьезной документальной базе. По его инициативе и при активном участии в 2013 г. был издан важный сборник документов «Петербургский комитет РКП(б). Протоколы и материалы заседаний». В нем есть написанное по его инициативе посвящение моей матери, участвовавшей в подготовке сборника, но ушедшей до его выхода в свет.

За последние годы вышел десяток публикаций Алекса в российских газетах и журналах, он участвовал во многих конференциях в России в

качестве почетного гостя и эксперта. Выступал на многих конференциях в европейских странах, особенно в Германии. Сейчас, несмотря на болезни, Алекс дорабатывает книгу «Большевики выживают. Петроград 1919 г.».

С годами его стала подводить нога, и в Санкт-Петербурге он искал жильё поближе к архиву или остановкам городского транспорта, иногда пользовался и такси. С возрастом с ним стала приезжать его ангел-хранитель жена Жанет, которая взяла на себя не только бытовую, но и медицинскую сторону жизни, а также обработку, распечатку, компьютеризацию архивных находок и научных текстов. Более того, она сама стала работать в Государственной публичной библиотеке, разыскивая сведения о предках их семей, фактически став летописцем их рода.

Часто, особенно летом, вся большая семья Алекса и Жанет встречается на их ранчо в штате Вермонт, у них целый «тракторный прицеп» родственников (есть такое фото), среди них два внука и две внучки.

Хочется пожелать Александру Евгеньевичу и его заботливой жене Жанет справляться с болезнями, завершить и опубликовать книгу, задумать новую, и быть окруженными вниманием родных, близких, друзей и коллег.

**Алекс Рабинович – лучший зарубежный исследователь
деятельности партии большевиков в Русской революции**

В августе 2024 г. исполнилось 90 лет со дня рождения известного американского историка Алекса Рабиновича, профессора университета штата Индиана (Блумингтон), признанного мирового авторитета в исследовании деятельности партии большевиков в революционном 1917 году. Он громко заявил о себе своей книгой «Прелюдия к революции. Петроградские большевики и Июльское восстание 1917 года», которая вышла в 1968 г.¹ Книга вышла через год после 50-й годовщины Русской революции, которая была широко отмечена историками всего мира целой серией конференций, десятками монографий и сотнями статей. На фоне многочисленных зарубежных публикаций монография Алекса выделялась своей научной объективностью и фундаментальностью в изучении именно деятельности партии большевиков в первые пять месяцев революционного 1917 года. В зарубежной историографии не было на тот момент работы, которую можно было поставить рядом с работой Алекса в исследовании этой темы и этого периода. По моему мнению, и сегодня его книга лидирует в качестве самого объективного и глубокого труда по этой проблеме.

Следует особо отметить, что «Прелюдия к революции...» оказала очень серьезное влияние на развитие западной историографии. Вместе с работами другого известного американского историка Л. Хаймсона, вышедшими в середине 1960-х гг., книга А. Рабиновича фактически положила начало эпохе «ревизионизма» в западной историографии. Формально эти два историка никак не пересекались, потому что писали на разные темы. Рабинович – о большевиках в 1917 году, а Хаймсон – о проблемах социальной стабильности в предвоенной России². Тем не менее, они были объединены стремлением изучать предысторию и историю Русской революции как «революции снизу», как борьбу, которую вели рабочие и крестьяне, а в 1917 году и солдаты, т. е. рабочие и крестьяне в армейских шинелях.

Своими работами оба историка нанесли удар по той правой части западной историографии, которая ранее доминировала и отличалась агрес-

¹ Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968.

² Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917. Part One // Slavic Review. 1964. Dec, P. 619–642; Part Two // Slavic Review. 1965. Mar., P. 1–22.

сивным антикоммунистическим и антисоветским настроем. Серьезность и научная объективность работ Хаймсона и Рабиновича побудили целую плеяду молодых американских и западноевропейских историков последовать их примеру. Влияние примера продолжалось почти три десятилетия – до 1991 г., когда в результате государственного переворота был разрушен СССР, а Россия ушла с социалистического пути развития. После этого правое крыло западных историков методами политического и идеологического давления взяло реванш и завершило эпоху «ревизионизма», вынудив его сторонников либо изменить своим прежним взглядам, либо перейти на изучение политически более нейтральных тем. О сути позиции «ревизионистов» американский историк консервативного направления Р. Пайпс в 1996 г. с негодованием писал так: «за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых после революционных лет. Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой падение царизма, равно как и торжество большевизма были predetermined»³. Р. Пайпс явно упростил позицию советских историков и их зарубежных коллег из числа «ревизионистов», приписав им примитивный тезис о «предопределенности торжества большевизма». Этот тезис не доминировал у «ревизионистов», а в советской историографии речь шла о закономерности, а не о предопределенности итогов Русской революции⁴. Закономерность и предопределенность – это разные понятия. Тем не менее, Пайпс был прав в том, что тезис советских историков о закономерности Февральского и Октябрьского этапов Русской революции был фактически принят «ревизионистами», хотя они и не употребляли марксистскую терминологию.

О работах Л. Хаймсона я в свое время написал целую статью⁵. Сегодня мой герой – Алекс Рабинович. Его вклад в становление школы «ревизионистов» был в определенном отношении большим, чем вклад Хаймсона, по той простой причине, что Рабинович писал на более острую и важную тему: он писал о причинах победы большевизма в 1917 году. При всей важности трактовки проблемы социально-политической стабильности в предвоенной России, судьба страны и в определенной степени судьба все-

³ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.; СПб.: Atheneum, 1996. С.10–11.

⁴ Калашников В. В. Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года // Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2013. С. 59–74.

⁵ Калашников В. В. О старом, но актуальном споре: «пессимисты» и «оптимисты» в американской историографии 1960-х годов // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 103–121.

го мира, по крайней мере, в масштабе XX в. зависела от результатов действий большевиков в 1917 году. Эта тема была раскрыта во второй книге историка, вышедшей в 1989 г. под названием «Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде»⁶. Интересно отметить, что обе книги Рабиновича были переведены на русский язык, причем вторая книга вышла почти сразу после выхода английского оригинала – в том же 1989 г.⁷ Первая книга была переведена и издана уже в постсоветскую эпоху, что отразилось в ее искаженном русском названии: «Кровавые дни: июльское восстание 1917 года в Петрограде» (М., 1992). Вполне возможно, что издатели таким образом хотели застраховаться от обвинений в издании пробольшевистской и просоветской книги в условиях, когда Б. Н. Ельцин запретил КПСС, шел процесс по «Делу КПСС» в Конституционном суде РФ, который сопровождался волной агрессивного антикоммунизма. А обе книги Рабиновича были действительно просоветскими, хотя историк и считал, что в 1917 г. были возможности для создания «более перспективной альтернативы той неудачной форме советской власти, которая стала складываться после победы Октября». Он имел в виду утраченную отнюдь не только по вине большевиков возможность создания правительства с участием всех советских партий. Этот вывод историк сделал в предисловии, написанном в июле 1991 г. для русского издания своей первой книги⁸. Во второй книге историк отмечал, что идеалы Октября были «подорваны борьбой за выживание в гражданской войне», которая «буквально опустошила ряды» тех большевиков, кто делал Октябрьскую революцию, а затем идеалы Октября, имея в виду демократическую сущность Советов, были «уничтожены Сталиным»⁹.

Обе книги были написаны с одних и тех же методологических позиций, которые исходили из приверженности принципам историзма и научной объективности. И это дало серьезный позитивный результат. Алекс Рабинович стал первым западным историком, который преодолел примитивный взгляд на большевиков как на монолитную партию тоталитарного типа, слепо исполнявшую волю одного вождя. Он показал глубоко демократический характер деятельности большевиков в ходе разработки стра-

⁶ Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y.; L., 1989.

⁷ Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989.

⁸ Рабинович А. Е. Кровавые дни: июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 5.

⁹ Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти. С. 9.

тегии и тактики борьбы за власть в 1917 году. Показал диалектику взаимоотношений Ленина как самого авторитетного вождя большевизма и других видных деятелей партии, которые открыто спорили с Лениным по важнейшим вопросам, а также диалектику взаимоотношения вождей и партийных масс, которые не раз заставляли вождей считаться со своей позицией и менять ранее принятые решения. Именно глубокий внутренний демократизм большевистской партии стал, по мнению А. Рабиновича, одной из важнейших причин победы большевиков в борьбе за власть. Этот вывод отнюдь не вел к умалению роли В. И. Ленина, о котором историк писал так: «Мне, как и почти всем моим предшественникам, писавшим о революции, трудно представить победу большевиков без Ленина»¹⁰. Этой фразой историк не только подчеркнул роль Ленина в победе Октября, но и представил ее как общепризнанный факт. Однако более важной причиной победы большевиков являлась программа ленинской партии, которая отражала коренные интересы масс, и партия была действительно готова выполнить требования масс, не считаясь с возможными трудностями и потерями. Рабинович не принимал тезис об Октябре как верхушечном перевороте, видел причину победы большевиков в том, что они завоевали большинство в Советах, пользовавшихся доверием рабочих и основной массы крестьян. Рабинович особо выделил решающую роль «революционных российских масс как мощной независимой политической силы»¹¹. Не случайно, что советский историк Г. З. Иоффе, который написал «Послесловие» к переведенной книге Алекса, подчеркнул, что она содержит признание «народности» и «демократизма» Октября¹². А сам автор так выражал свою позицию в предисловии ко второй книге: «Изучая источники, я пришел к выводу, что успех большевиков в Октябре был, по существу, обеспечен двумя обстоятельствами чрезвычайной важности: демократической и гибкой структурой большевистской организации и исключительной популярностью в массах Советов, о чем свидетельствовал известный лозунг «Вся власть Советам!»¹³.

Напомнить позицию Алекса Рабиновича особенно важно сегодня, когда только что вышедший XI том академической двадцатитомной «Истории России» построен на основе концепции, которую самый авторитетный американский историк Русской революции никогда не разделял.

¹⁰ Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти. С. 17.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же С. 336.

¹³ Там же. С. 5.

Генрих Зиновьевич Иоффе: человек и историк

4 марта 2024 года в канадском Монреале оборвалась жизнь выдающегося советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора Генриха Зиновьевича Иоффе. После этого появился целый ряд некрологов, сугубо официальных, как, например, Института российской истории РАН или Московского педагогического государственного университета, или таких неофициально-человеческих, как в журнале «Наука и жизнь», на страницах которого Г. З. Иоффе многие годы многие годы публиковался, и где его прекрасно знали¹. Но автору этих строк представляется, что жизнь и деятельность этого замечательного историка заслуживает полноценной статьи.

Г. З. Иоффе родился 27 марта 1928 года в Москве в семье часовщика З. Н. Иоффе. Но род его шел из Белоруссии, и его предки жили в селе Долговичи Оршанского уезда Могилевской губернии, а отец был родом из белорусского городка Горки. По окончании школы в победном 1945 году он поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Иоффе окончил его с отличием в 1950 году, но путь в науку оказался для него нелегким и длительным. Сначала Г. З. Иоффе работал по распределению, преподавая историю в педучилище города Кологрив Костромской области, а затем преподавал в школе рабочей молодежи в Москве. В 1956–1964 годах он работал в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, где, как вспоминал, начал работу в отделе иностранного комплектования, развозя по 19-этажному библиотечному хранилище возвращенные читателями книги, газеты и журналы, а затем, по его выражению, делал «карьеру», трудясь, в частности, в военном отделе и выпуская «Бюллетень иностранной военной литературы».

А затем случайная встреча со старым знакомым А. И. Юхтом резко изменила его жизнь, и с 1964 года Г. З. Иоффе стал работать редактором в отделе Истории СССР издательства «Наука», где в полной мере раскрылся его блестящий редакционный талант и поистине золотое перо. В результате он редактировал трехтомник ведущего, как считалось в советский период, историка Великой Октябрьской социалистической революции и Граждан-

¹ Памяти Генриха Зиновьевича Иоффе (1928–2024) // Наука и жизнь. 2024. № 4. С. 40–43.

ской войны академика И. И. Минца, и, как вспоминал, предложил название этого издания, которое и было принято: «История Великого Октября». Читать воспоминания Иоффе об этой работе, и о том, каким коллективом она делалась, интересно и познавательно. Но когда, отредактировав два тома, он получил предложение занять должность заведующего редакцией Истории СССР и, встретившись с Минцем, сообщил, что в силу этого не может продолжать работу над редактированием его третьего тома, тот взял его в возглавляемый им Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» с условием, что тот отредактирует и третий том его «Великого Октября». Так в 1968 году началась работа Иоффе в этом Научном совете, где он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. В результате издания указанного трехтомного труда академик И. И. Минц получил в 1974 году Ленинскую премию (два года спустя он стал и Героем Социалистического Труда), а Г. З. Иоффе — почетную грамоту². Но с тех пор его неофициально стали именовать «пером» или «ручкой» Минца, как автору этих строк доводилось слышать, и это была высокая оценка.

Как вспоминал сам Иоффе, когда минцевские тома «Истории Великого Октября» уже были изданы, некоторые очень злые языки приписывали ему чуть ли не их авторство. Он указывал, что это совершенно неверно, хотя признавал, что какие-то относительно небольшие куски (прежде всего связанные с критикой так называемой буржуазной историографии) по просьбе академика Минца действительно писал³.

Начало редакционной работы над «Историей Великого Октября» совпало у Г. З. Иоффе с поступлением в заочную аспирантуру МГПИ имени В. И. Ленина. Он вспоминал, что хотел видеть в качестве научного руководителя Э. Н. Бурджалова, который писал двухтомник по Февральской революции, но в итоге его научным руководителем стал тот же И. И. Минц, являвшийся в этом институте по совместительству заведующим кафедрой.

По словам Г. З. Иоффе, тему кандидатской диссертации он выбирал сам, и ею стала «Англо-американская буржуазная историография Февральской революции в России». Подобные темы в то время, по его признанию, поощрялись, ибо считались идеологически актуальными, хотя исследователей, выбиравших их, насмешливо называли «бегунками». Злые языки приписывали это и Иоффе, что он называл неправдой, ибо его ин-

² Иоффе Г. З. Иные времена. Воспоминания. Иерусалим, 2015. С. 241–251.

³ Там же. С. 241–242.

тересовало внезапное и стремительное крушение монархии, а т. к. советская историография мало занималась этой проблемой, он обратился к зарубежной литературе. Эта тема была одобрена академиком Минцем, ибо в работе над «Историей Великого Октября» ему предстояло противостоять «буржуазным концепциям» Российской революции, и работа в этом направлении его аспиранта, а по совместительству и редактора, была весьма полезна. Г. З. Иоффе защитил кандидатскую диссертацию в 1966 году, а четыре года спустя в издательстве «Наука» вышла в свет и его первая монография под тем же названием⁴.

Заметим, что Иоффе активно участвовал в советское время и в идеологической борьбе, которая велась вокруг Российской революции, публикуя работы на эту тему⁵. И это было закономерностью времени. Но он занимался научной критикой зарубежных исследований, утверждая и в дальнейшем, что для этого были основания, а не обличением «буржуазных фальсификаторов», как некоторые его коллеги по Научному совету, которые в постсоветский период стали оценивать работы зарубежных авторов уже как образец для подражания и клеймили своих коллег как «перевертышей». Именно благодаря научному характеру критики зарубежной историографии в работах Иоффе, преподаватели, работавшие в высшей школе, получали содержательную информацию об исследованиях иностранных историков о Российской революции, а иностранные коллеги с пониманием и уважительно относились его публикациям.

Работая с 1968 года в указанном выше Научном совете в Институте истории СССР, Г. З. Иоффе занялся изучением истории российской контрреволюции, что стало одним из главных направлений его исследовательской деятельности. В 1977 году он опубликовал монографию под названием «Крах российской монархической контрреволюции», ставшей фактически первым в тот период действительно научным исследованием этой темы. На следующий год он защитил в Институте истории СССР докторскую диссертацию на тему «Крах российско-монархической контрреволюции». В 1983 году вышла в свет монография Г. З. Иоффе, посвященная Колчаку и колчаковщине⁶. Фактически он стал бесспорным лидером в научном изучении истории контрреволюции в российской Гражданской войне.

⁴ Иоффе Г. З. Англо-американская буржуазная историография Февральской революции в России. М., 1970.

⁵ Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Иоффе Г. З. Великий Октябрь и современная идеологическая борьба. М., 1985 и др.

⁶ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Время «перестройки» в СССР привело к необходимости переосмысления и истории революционного процесса в России, и в этот нелегкий для советской исторической науки процесс включился и Г. З. Иоффе. В 1987 году к 70-летию Российской революции он издал новую книгу, посвященную ей и эпилогу царизма⁷. В октябре 1988 года автору этих строк, ставшему членом указанного ранее Научного совета, довелось впервые увидеть Г. З. Иоффе и слушать его выступление на «круглом столе» историков Октября. Он выступал третьим после нового председателя этого Совета, член-корреспондента АН СССР П. В. Волобуева, и академика И. И. Минца, указывая на тревожную тенденцию, когда историки Октябрьской революции утратили авторитет у читателей, и те потеряли интерес к их работам. Вместе с тем Иоффе подчеркивал, что сложилась уникальная ситуация для правдивого освещения истории революции, ибо «это была революция, замешанная на социальной ненависти к привилегированным классам, на ненависти к войне, на невероятной радикализации масс», и она содержала в себе «драматическое и даже трагическое начало». В этом его выступлении прозвучала и необходимость переосмысления истории российской Гражданской войны. «Мы все еще продолжаем гражданскую войну, пусть не «горячую», но уж во всяком случае «холодную», — говорил Иоффе. — Все еще разоблачаем эсеров и меньшевиков, все еще «рубим контру». Не должны ли мы подойти к истории российской контрреволюции более объективно, более спокойно?»⁸.

В дальнейшем Иоффе неоднократно подчеркивал важность объективности при осмыслении самых сложных и драматических проблем истории. «Историк Гражданской войны, будь он исследователь или романист, не должен склоняться к идеализации или, напротив, к очернению той или иной противоборствующей стороны»⁹, — указывал, например, он в одной из своих рецензий.

Сам Г. З. Иоффе своими работами демонстрировал стремление к объективному и академическому изучению, например, противников большевиков, что ранее было неприято в советской исторической литературе. В 1989 году впервые в советской историографии в названии опубликованной монографии появилось понятие «Белое дело». Это была новая книга Г. З. Иоффе, адресованная широкой читательской аудитории и посвященная осмыслению истоков и смысла Белого движения посредством анализа

⁷ Иоффе Г. З. Великий Октябрь с эпилог царизма. М., 1987.

⁸ Россия 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989. С. 41–43.

⁹ Иоффе Г. З., Чечерюкин-Мейнгардт В. Г. Дроздовцы после Галлиполи // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 234.

биографии, жизненного пути и деятельности одного из белогвардейских лидеров, генерала Л. Г. Корнилова¹⁰.

В этом интересном научном жанре политической биографистики, изучая революционный процесс и Гражданскую войну в России сквозь судьбы видных государственных деятелей и политиков, Г. З. Иоффе продолжал успешно работать и в дальнейшем, публикуя новые свои монографии¹¹, которые удостоивались высокой оценки не только у профессиональных историков, но и широкой читательской аудитории.

Изучение истории российской контрреволюции стало той темой, которая сблизила автора этих строк с Г. З. Иоффе. По итогам Всесоюзной научной конференции по истории Гражданской войны, которая состоялась в 1990 году в Архангельске под эгидой указанного Научного совета и оказалась последней, собравшей историков Гражданской войны со всего Советского Союза, было принято решение о создании исследовательской программы «Противники революции в России», трансформировавшейся в дальнейшем в центр изучения истории антибольшевистского движения на базе Архангельского государственного педагогического института, позднее Поморского университета имени М. В. Ломоносова. Автор, являясь в начале 90-х годов докторантом МГУ имени М. В. Ломоносова, активно обсуждал исследовательскую деятельность в данном направлении с признанными авторитетами в этой области — Г. З. Иоффе и В. Д. Поликарповым. Забегая вперед, заметим, что деятельность этой структуры и сложившийся вокруг нее коллектив исследователей стали в дальнейшем одной из предпосылок для создания в 2012 году Ассоциации исследователей Гражданской войны в России с центром в Архангельске.

Автору этой статьи доводилось неоднократно бывать в начале 90-х годов в скромной квартире Г. З. Иоффе, находившейся в районе площади Маяковского в Москве. Тем более, что для этого был и еще один повод — Г. З. Иоффе был первым оппонентом защищенной в Москве в 1993 году докторской диссертации автора, где раскрывалась тесная взаимосвязь интервенции и антибольшевистского движения на Севере России¹². Иоффе дал высокую оценку этой работы, за что автор ему благодарен.

Следует отметить, что Г. З. Иоффе был не только плодотворным исследователем, но и успешно проявил себя на научно-организационном и

¹⁰ Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

¹¹ Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Он же. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

¹² Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Севере России. 1918–1920. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 1993.

административном поприще, являясь с 1990 по 1995 год генеральным секретарем Международной комиссии по истории Октябрьской революции (с 1992 года – Международная комиссия по истории революций в России) Международного комитета исторических наук, президентом которой был сначала академик И. И. Минц, а потом – академик П. В. Волобуев. Она объединила в своем составе и вокруг себя ведущих российских и иностранных исследователей этой тематики. К сожалению после прекращения деятельности Иоффе в этом качестве в 1995 году и смерти Волобуева в 1997 году их преемники оказались недостойны их, и в 2010 году эта Международная комиссия прекратила свое существование. Об этом с сожалением рассказывал автору ее многолетний вице-президент, выдающийся британский историк П. Дьюкс, это нашло отражение и в публикациях¹³.

1995 год стал рубежным в жизни Г. З. Иоффе. Он покинул Институт российской истории РАН, где проработал в Научном совете 27 лет, и Россию и выехал вместе с семьей на жительство в Канаду. Это было очень трудное для него решение, которое обсуждалось в семье длительный период. Автору довелось слышать об этом, еще в 1993 году, бывая дома у Г. З. Иоффе, и уже тогда создавалось впечатление, что ему очень не хотелось уезжать из России. «Когда уезжал, как многие в такой ситуации, плакал, – читаем в статье его памяти в журнале «Наука и жизнь». – И потом тоже, украдкой. Об этом он иногда говорил»¹⁴.

С 1995 года Г. З. Иоффе жил в Монреале, был автором и членом редакционной коллегии «Нового журнала» (Нью-Йорк), но не утратил связей с Россией, публиковался в ведущих российских исторических журналах, размышляя о тех проблемах отечественной истории, которыми много лет занимался, о советской и российской исторической науке, рассказывал о друзьях и коллегах, с которыми свела его жизнь. При этом чувствовалась его боль за радикальное и часто некорректное и необъективное переосмысление истории Российской революции и Гражданской войны, изучению которых он посвятил всю свою жизнь, а близким к нему людям и коллегам становилось понятно, кого он имел в виду, когда писал, например, о «тушинских ворах», из XVII века перебежавших в XX век¹⁵.

В 2019 году Г. З. Иоффе писал, что сменовеховец Н. В. Устрялов еще до полного окончания гражданской войны пришел к выводу, что силовым путем большевиков уже не свергнуть. Но этот политический деятель пола-

¹³ Исхаков С. М. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. М., 2017. С. 5–17.

¹⁴ Памяти Г. З. Иоффе (1928–2024) // Наука и жизнь. 2024. № 4. С. 40–43.

¹⁵ Иоффе Г. З. Иные времена. Воспоминания. Иерусалим, 2015. С. 250.

гал, что с большевиками произойдет то, что и с якобинцами, которые не пали, а переродились. «Тот же процесс перерождения все активнее стал втягивать номенклатуру, — указывал Г. З. Иоффе. — Пиком этого перерождения стала «перестройка» М. С. Горбачева. Он выдавал ее за реформу в рамках социализма, но ни он, ни «архитектор перестройки» А. Яковлев, никто из «прорабов перестройки» ни единым словом ни обмолвились о своих действительных намерениях, о том, что они направляют страну в капитализм. И только когда это свершилось, они открыли свой истинный замысел»¹⁶.

А вот еще размышления Г. З. Иоффе об эпохе Горбачева: «В эпохе Горбачева плюсов нет. Не было и политики. Как он попал «наверх», сказать трудно. Но попал и плыл по течению, думая об одном: а как в нем подольше плыть. Не вижу у Горбачева плюсов. Вижу политику обмана. Придя к власти, он говорил «больше социализма» и т. д. Потеряв власть, говорил, что с юных лет мечтал о ликвидации социализма. А Яковлев прямо писал, что, что они не раскрывали свою истинную цель, чтобы не оказаться в Магадане. На них лежит ответственность за крах социализма в стране»¹⁷. Иоффе справедливо считал Горбачева и Ельцина главными персональными виновниками распада СССР¹⁸.

Г. З. Иоффе был постоянным участником ежегодных международных научных конференций, проводимых в Санкт-Петербурге и посвященных проблемам истории и историографии Российской революции и Гражданской войны, отвечал на вопросы в публикуемых вопросниках, размышлял на страницах публикуемых сборников о прожитой жизни и науке, писал об острых, болевых и актуальных проблемах Великой российской революции, делился воспоминаниями¹⁹. Фактически эти издания стали также

¹⁶ Иоффе Г. З. Думая о русских революциях // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 36.

¹⁷ Русская революция ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПб., 2020. С. 46.

¹⁸ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. СПб., 2021. С. 62.

¹⁹ См. например, Иоффе Г. З. Ответы на вопросы по основным проблемам Гражданской войны в России // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 58–61; Он же. Белое дело в России и за рубежом. Общий взгляд // Там же. С. 288–305; Он же. Думая о русских революциях // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 26–36; Кто посмеет пережитое отместить // Там же. С. 371–385; он же. Ответы на вопросы по истории советского общества // Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПб., 2020. С. 45–47; Он же. Запозданный ответ. Воспоминание // Там же. С. 186–191; он же. Тихий Симбирск и революционный Петроград: отец и сын Керенские и В. Ульянов (Ленин) // Там же. С. 192–207; Он же. Ответы на вопросы по истории демонтажа СССР // Россия в эпоху революций и

главной трибуной его исторических размышлений и суждений последних лет и диалога с российской научной общественностью.

Важно отметить то, что Иоффе успел написать и опубликовать книги воспоминаний о своей жизни и деятельности²⁰, которые могут прочесть все интересующиеся его жизненным путем и творчеством, и до последних дней делился своими воспоминаниями о прошлом, прежде всего о советском периоде его жизни, об исторической науке, которые интересны и познавательны.

Очень жаль, что Г. З. Иоффе ушел из жизни, не дождавшись выхода в свет 11 и 12 томов 20-томной академической «Истории России», посвященных Российской революции и Гражданской войне, а обобщенно говоря, – Великой российской революции. Его авторитетное мнение о них было бы чрезвычайно интересно и важно.

В науковедении, чем профессионально приходится заниматься автору этой статьи, на протяжении многих лет идет дискуссия о том, кого и когда можно называть высоким определением – ученый. Нередко высказывается суждение, что исследователя нельзя определить в этом качестве при жизни, но лишь после смерти, подводя и оценивая итоги его научного творчества и научное наследие. Думается, что это во многом справедливо. Но в отношении Г. З. Иоффе называть его ученым можно было уже при жизни, а, тем более, после смерти. И это замечательный итог его жизненного пути и научного творчества. Пусть же, хотя и не родная российская, но канадская земля, где окончилась жизнь Генриха Зиновьевич Иоффе, будет ему пухом.

реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. СПб., 2021. С. 60–62; он же. Перестройка. Финал советской истории: Разрозненные заметки о людях и их делах // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. Проблемы истории и историографии. СПб., 2022. С. 329–358.

²⁰ Иоффе Г. З. Было время... Воспоминания. Иерусалим, 2009; он же. Иные времена. Воспоминания. Иерусалим, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абросимова Т. А. *к.и.н., старший научный сотрудник СПБНИИ РАН*
- Бондаревский А. В. *к.и.н., доцент, свободный исследователь*
- Гагкуев Р. Г. *д.и.н., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, председатель правления Российского исторического общества*
- Ганин А. В. *д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН*
- Голдин В. И. *д.и.н., профессор каф. регионоведения, международных отношений и политологии САФУ им. М. В. Ломоносова*
- Елисеев А. Б. *к.и.н., доцент, директор Минского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*
- Измозик В. С. *Д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича*
- Икэда Ёсиро *профессор Токийского университета, Япония*
- Ипполитов Г. М. *д.и.н., профессор Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Самара*
- Калашников В. В. *д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Канищев В. В. *д.и.н., профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина*
- Колоницкий Б. И. *д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник СПБНИИ РАН*
- Коцюбинский Д. А. *к.и.н., научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге*
- Краус Тамаш *д.и.н., профессор Будапештского университета, Венгрия*
- Лукоянов И. В. *д.и.н., зам. директора по научной работе и ведущий научный сотрудник СПБНИИ РАН*

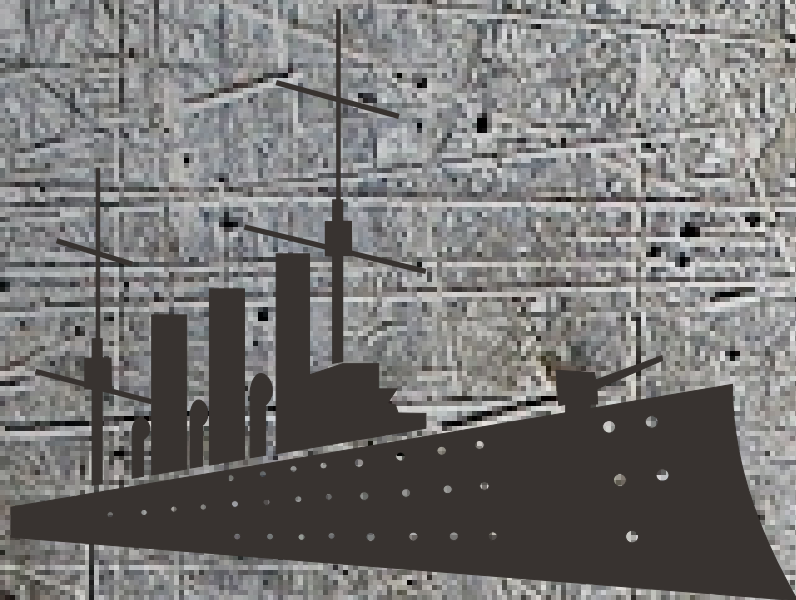
- Меньковский В. И. *д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета БГУ, г. Минск*
- Пученков А. С. *д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
- Семенов В. В. *ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Силин А. В. *к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Арктического НИЦ МО РФ, г. Северодвинск*
- Смирнов Н. Н. *д.и.н., профессор, и.о. заведующего отделом СПБНИИ РАН*
- Стогов Д. И. *к.и.н., доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Тарасов К. А. *к.и.н., научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге*
- Узлова И. В. *к.и.н., доцент, зав. кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Федоров П. В. *д.и.н., профессор кафедры истории РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева*
- Фортунов В. В. *д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, философии, политологии и социологии ПГУПС, Санкт-Петербург*
- Холяев В. С. *к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета*
- Цветков В. Ж. *д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*
- Чураков Д. О. *д.и.н., профессор Института истории и политики МПГУ*
- Шелохаев В. В. *д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра «История России в XIX – начале XX века», Москва*
- Шишкин В. И. *д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск*

Ключевые проблемы Русской революции
в историографии сегодняшнего дня
Сборник материалов конференции

Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников
Под редакцией канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова

Подписано в печать 27.12.2024. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 19,4375
Тираж 50 экз. Заказ ____

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5 лит.Ф

197022, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, д. 5, лит. Ф;
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»,
кафедра истории культуры, государства и права